

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№05 (61), 2020

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020. №05 (61). 227 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Главный редактор
Плесканюк Т.Н., 2020

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Сизых М.М. Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса)	7
Германские языки	15
Архипова И.В. Межкатегориальные связи в контексте секундарного таксиса одновременности.....	15
Астахова Т.Н. Реализация значения «прямая эвиденциальность» в немецкоязычных медиатекстах.....	21
Исаева Е.С. Способы перевода военно-авиационных терминов с английского языка на русский язык.....	27
Мироненко Е.С. Особенности стиля газетных заголовков	36
Фомичёва М.П., Юрченко В.В. Об особенностях функционирования аббревиатур в немецкоязычных средствах массовой информации.....	43
Цвинариа М.Е. Функционально-семантические и прагматические аспекты развития модальных значений глагола 'willan' в древнеанглийском языке	55
Романские языки.....	64
Сластникова Т.В., Молокоедова А.И. Прецедентные имена во французском кинематографе	64
Теория языка	74
Власенко О.К., Матвеева А.Д. Особенности передачи экспрессивной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Foodtube».....	74
Гафарова Л.А., Шигапова Ф.Ф. Лексико-стилистические особенности туристической рекламы	79
Зырянова И.П. Реконструкция языковой личности адресатов российской и британской прессы (на основе анализа прецедентных феноменов в заголовках статей)	88
Петрова Е.С., Соколова Н.Ю. Номинация вопроса как объект оценки с позиций «народной лингвистики»	98
Савинова П.В., Селифонова Е.Д. Особенности перевода медицинской терминологии с английского языка на русский.....	109
Прикладная и математическая лингвистика	116
Кириченко А.П., Селифонова Е.Д. Вербальная и невербальная агрессия в международном политическом дискурсе.....	116
Ляшенко Д.И. Способы репрезентации фейковой информации в социальной сфере американского медиадискурса.....	123

Стародубова О.Ю. Интерпретативная и моделирующая прагматика медийного дискурса	133
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	142
Ефимова С.К., Дмитриева Т.Б. Особенности реализации персуазивного воздействия в деловых письмах (на материале кружковых сообщений Университета Хоккайдо)	142
Панич Э.Н. Географические и административно-территориальные реалии в романах Джека Лондона «Белый клык» и «Мартин Иден».....	148
Русская литература	156
Безруков А.Н., Айгишев Р.И. Специфика постмодернистского письма в повести Владимира Сорокина «Метель»	156
Безруков А.Н., Улыбина Н.А. Малая проза Дины Рубиной: поэтика предопределений	162
Коньшев Е.М., Грималюк Т.В. Тип «русского скитальца» в изображении И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского	168
Мейрамгалиева Р.М., Павлова Т.В. Сюжетно-композиционная структура поздних романов Ф.М. Достоевского	175
Церюльник А.Ю. Художественное своеобразие романа М. и С. Дяченко «Пещера»	184
Литература народов стран зарубежья	191
Егорова О.А. Жанрово-стилевое своеобразие британских сказок о животных	191
Калина Н.Ю. Образ хворого тіла у прозі Р. Андріяшика	199
Лесова-Юзефович Н.С., Мардак Е.А. Историко-литературные предпосылки возникновения женского писательства во французской литературе.....	205
Теория литературы, текстология.....	213
Гулевская Ю.Н. Особенности архитектоники модели-реконструкции «Британское общество» в романе Дж. Голсуорси «Цветок в пустыне».....	213
Журналистика	220
Аймагамбетова М.М. Когнитивные стратегии медиадискурса Казахстана	220

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81`42

Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса)

Сизых Мария Михайловна

преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Байкальский государственный университет, РФ, г. Иркутск
sizykh_maria@mail.ru

Military metaphor in the reception of COVID-19 (based on the material of modern Russian media discourse)

Sizykh Mariia Mikhailovna

Lecturer, Department of Russian Language and
Intercultural Communication, Baikal State University, Russia, Irkutsk

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей моделирования военной метафоры в рецепции COVID-19 на материале русскоязычного медиадискурса. В результате исследования выделены лексические единицы, актуализирующие семантическое поле «война». Выявлено пять тематических групп, описаны модели метафорического переноса.

Ключевые слова: военная метафора, военная лексика, метафора войны, медиадискурс, COVID-19, коронавирус.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the perception of COVID-19 through a military metaphor based on the media discourse texts. As a result of the study, lexical units are identified that actualize the semantic field "war". Five thematic groups are identified, metaphorical transfer models are described.

Keywords: military metaphor, military vocabulary, war metaphor, media discourse, COVID-19, coronavirus.

31 декабря 2019 г. Муниципальная комиссия здравоохранения г. Уханя, Китай, сообщила о группе случаев заболевания пневмонией в г. Ухане провинции Хубэй. Впоследствии было установлено, что возбудителем заболевания был новый коронавирус. 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила (ВОЗ) вспышку COVID-19 пандемией, подчеркнув глобальный характер проблемы [1]. В настоящее время (05.05.2020) COVID-19 зафиксирован в 182 странах. COVID-19 уже унес жизни тысяч человек и нанес огромный удар мировой экономике. Ученые предпринимают попытки описать ущерб, причиненный COVID-19 экономической, социальной и духовной сфере жизни человека [2; 5; 7].

Сложившаяся ситуация существенно повлияла на языковую картину мира и определила изменение речевого поведения носителей языка, что обуславливает

интерес к исследованию формирующегося концепта *коронавирус*, так как всякое означаемое в результате функционирования может концептуализироваться, по мнению И. А. Стернина [8, с. 5-7]. Термин *коронавирус* вышел за пределы медицинской терминосферы и стал феноменом бытовой, политической, деловой и медиа коммуникации. Отмечаем, что COVID-19 является названием инфекционного заболевания, однако в бытовом и медийном дискурсе закрепилось название *коронавирус*, последний относится не к болезни, а к определению семейства вирусов. В связи со сложившейся языковой традицией в дискурсах в статье также использована лексема *коронавирус*.

Лингвистам еще предстоит описать разнообразные аспекты репрезентации концепта *коронавирус* в различных дискурсах. Значительный языковой материал определяет перспективу исследований словоупотребления лексем *коронавирус*, её сочетаемостных возможностей, словообразовательного потенциала, языковой игры с лексемой и т.д. Особого внимания исследователей заслуживает анализ речевой манипуляции в медиадискурсе: журналисты стремятся экспрессивно и эмоционально описать факты распространения коронавируса, прибегают к метафорам войны, смерти, стихийного бедствия и т.д., тем самым формируя ощущение страха и панику у читателей.

К настоящему времени русскими лингвистами описаны только неологизмы в английском языке, мотивированные лексемами *coronavirus*, *Covid* и *quarantine*, например: *coronapocalypse*, *coronaphobia*, *coronallennial*, *covidol*, *quarantech*. Автор исследования отмечает, что «английский язык быстро реагирует на новые социальные явления созданием новых слов для их описания», и приходит к выводу о том, что наиболее продуктивным способом образования неологизмов является слияние [7].

В данной статье предпринята попытка описания особенностей моделирования военной метафоры в рецепции COVID-19 в современном русском медиадискурсе. Материалом исследования послужили тексты медиадискурса, посвященные коронавирусу, автором проанализировано более 2000 текстов (репортажей, заметок, статей) и составлен корпус примеров посредством обращения к электронным СМИ [13-27].

Война – явление социальное, один из способов взаимодействия внутри общества, крайне агрессивный метод решения конфликта, однако война как исторический феномен характерен для любого общества и времени. Таким образом, война – ментальная единица, которая представляет результат восприятия человеком

действительности и вербализируется в различных дискурсах. Многочисленные исследования посвящены анализу метафоры войны в политическом [3; 11], бытовом [10], медицинском [9], спортивном [4], художественном [6] и медиадискурсе. Новое явление COVID-19 человек описывает с помощью набора привычных метафор, в том числе военной метафоры, в которой эксплицитно или имплицитно актуализируется сема 'война'.

Война и медицина – явления разного порядка, но действия врачей и пациентов осмысляются как война с коронавирусом, в результате которой есть пострадавшие и победители:

*В последние дни укрепляется ощущение того, что Россия уверенно проигрывает «**войну**» с коронавирусом [26].*

*Уважаемые читатели, это - **война**. Но не **война** коронавируса против человечества, а информационная война финансовых воротил против уже и без того перепуганного населения сотен стран [16].*

*Интересно, он тоже ныне полагает, что Россия проигрывает **войну** коронавирусу? [20].*

Анализ полученных примеров позволяет выделить несколько тематических групп.

1. Наименование военных действий и их характеристика: война / воевать / вести войну, атаковать / идти в атаку, борьба / смертельная борьба / бороться / вести борьбу, бомбить / разбомбить, ворваться, наступать / наступательная операция, побороть, партизанить, сражаться, охватить / захватить / охватить блицкригом, оборона / держать оборону / обороняться / прорвать оборону, прорываться, поражать, разрушать / рушить / обрушить, спецоперация, удар / ударить / нанести удар / серьезный удар / стремительный удар / принять удар, проникнуть, убивать, угроза / угрожать, уничтожать.

*Коронавирус **наступает**, ВОЗ объявила пандемию, а в России никто не скупает продукты и маски и не бежит в обменник, хотя рубль падает [20].*

*Распространение коронавируса по планете все больше похоже на **наступательную операцию**. Причем успешную для противника человечества [16].*

*Пандемия коронавируса – **спецоперация** по введению Нового мирового порядка? [18].*

*Наш журналист благополучно вернулась из **охваченного** коронавирусом Китая [16].*

«Как на **войне**»: медики против коронавируса. В Китае от коронавируса умерли уже более 170 человек. Среди них и врачи, **сражающиеся** с инфекцией... Причём медики умирают не только из-за 2019-nCoV [16].

Индустрия туризма практически **«убита»**, около 400 тысяч человек потеряли работу. ... Эпидемия коронавируса **уничтожает** экономику «третьего мира» [15].

Действия коронавируса атрибутируется семантикой таких лексем, как *стремительное, победоносное, масштабное, смертельное, серьезное*, в характере действий актуализируются семы 'высокая скорость', 'большой масштаб', 'большой разрушительный потенциал':

Продолжающаяся пандемия коронавируса наносит **серьезный** удар по мировой экономике [26].

Большой удар вирус нанес и различным мероприятиям [16].

«КП» пообщалась с жителями китайской провинции, где **опасный** вирус убил уже 26 человек [16].

Коронавирус **стремительно** распространяется по Европе [25].

В США предупредили о **разрушительной** второй волне коронавируса [21].

Коронавирус **блицкригом охватил** страну. Всего за несколько дней в государстве было зафиксировано с десятков смертей и сотни заражений [16].

В последнем примере метафорический перенос осуществляется на основе общей семы 'высокая скорость'. Война с коронавирусом мыслится как скоротечная война, в которой победа достигается в короткие сроки, а у человечества не остается времени на мобилизацию военных сил.

2. Результат военных действий: *победить / победоносный исход / одерживать победу, поражение / принять поражение / уверенное поражение / проиграть войну*.

Посол Китая в России: Китайский народ уверен в **победоносном исходе** битвы с эпидемией [16].

Коронавирус **побеждает** спорт: пострадали КХЛ, баскетбол и Олимпиада-2022 [16].

В последние дни укрепляется ощущение того, что Россия уверенно **проигрывает «войну»** с коронавирусом. Число заражённых возрастает с каждым днём. Увеличение количества смертей не заставит себя ждать [26].

России предрекли **"уверенное" поражение** в "войне" с коронавирусом [20].

Направление метафорического переноса: «победить в войне => остановить распространение коронавируса». В настоящее время человечество мыслится проигравшей стороной, и только Китай занимает позицию победителя, однако меняющиеся экстралингвистические факторы в будущем изменят расстановку позиций.

3. Наименование видов оружия и его характер: *оружие / глобальное оружие / генетическое оружие, обоюдоострое оружие, бомба / атомная бомба / расовая бомба, боевой бумеранг, убойная сила.*

*Вспышка коронавируса: по Китаю могли ударить **генетическим оружием*** [16].

*Ширятся слухи, что загадочный коронавирус – «**расовая бомба**», поражающая исключительно монголоидов* [16].

*Похоже, что китайцы с самого начала осознавали опасность, грозящую человечеству. И имели основания предполагать, что «**убойная сила**» и вирулентность нового коронавируса будет нарастать по мере его распространения* [16].

*Новое **глобальное оружие**: коронавирус сильнее бьет по Западу, чем по России* [16].

Направление метафорического переноса: «боевое оружие => инструмент в борьбе кого-либо за что-либо». Мотивирующая сема для метафорического переноса в данных примерах – 'инструмент'. Лексемы *глобальный, ядерный* актуализируют коннотативную сему 'высокий разрушительный потенциал', подчеркивается мысль о том, что последствия применения оружия ощутит весь мир. В обозначенных примерах имплицитно выражена идея об использовании коронавируса в качестве инструмента в экономической или политической борьбе стран, однако субъекты этой борьбы и бенефициары остаются не названными.

Оружью постулируется признак *двойственность*, оно наносит ущерб не только противнику, но и владельцу, что иллюстрируется примерами:

Выходит, коронавирус – оружие обоюдоострое, бьет и по Америке [16].

*Однако эта истерия вокруг коронавируса **боевым бумерангом** вернулась из Китая на западные рынки и очень сильно ударила по самой мировой экономике, международной торговле, финансовым рынкам...* [16].

4. Место военных действий: *фронт / линия фронта / фронт борьбы / невидимый фронт борьбы, передовая / коронавирусная передовая, передовая всемирной борьбы, зона / красные зоны / красные точки.*

*Последние сводки с **фронта борьбы** с коронавирусной инфекцией [27].*

*С этим «Новым коронавирусом 2019» настал мой «звездный час»: во всех новостях это тема номер один, прямо **сводки с фронта!** [16].*

*Это как война: взгляд с **итальянского фронта борьбы** с коронавирусом [15].*

*Размеры ежемесячных вознаграждений за работу на **коронавирусной "передовой"** для студентов медвузов назвали в пресс службе столичного департамента здравоохранения [14].*

*Коронавирус в **тылу**: почему медучреждения по всей России закрываются на карантин [24].*

Направление метафорического переноса: «место ведения боевых действий => медицинские учреждения». Эксплицитно не выражено, где проходит линия фронта, весь мир мыслится передовой, что подчеркивает лексема *всемирный*, актуализируется признак *неощутимый, призрачный, невидимый*, например: **Невидимый фронт**: в поисках лекарства от коронавируса [19].

5. Участники войны, их действия, а также лица, косвенно относящиеся к военным действиям: *враг / невидимый враг, выживальщик, герой, жертва, оборонщик, партизан / партизанить, повстанцы, противник, убийца.*

*Каждый час растет число **жертв** войны с невидимой угрозой - коронавирусом COVID-2019 [16].*

*Россияне собираются "**партизанить**" от коронавируса [16].*

***Выживальщики** готовят пути отхода из городов на дачные участки и землянки в лесу [16].*

*Особо впечатлительные готовятся к китайскому гриппу, как к войне. А на войне любые средства хороши. Поэтому в корзину **оборонщиков** собираются системы безопасности с видеокамерами, капканы на мелкого и крупного зверя, и даже специально оборудованные укрытия [16].*

***Повстанцы** из "красных зон" коронавируса [16].*

*А вот колоритный бергамаск с осликом на фоне холмов встал в оборонительную позу и заговорил: «Чао, ломбарды! **Невидимый враг** наступает! - тут осел понял, что пора валить, и задом-задом вышел из кадра [16].*

В этих "зонах" проживают около 50 000 человек. Тем не менее *LaRepubblica* пишет во вторник о "**повстанцах**", которые убегают из санитарного кордона Кодоньо [16].

Тем не менее *LaRepubblica* пишет во вторник о "**повстанцах**", которые убегают из санитарного кордона Кодоньо [16].

Почему новый **вирус-убийца** прежде всего бьет по китайцам [16].

Распространение коронавируса по планете все больше похоже на наступательную операцию. Причем успешную для **противника** человечества [16].

Герои передовой: о борьбе с коронавирусом из первых уст [13].

Направление метафорического переноса: «военный => врач», «вирус => враг». В обозначенных примерах реализуется классическая бинарная оппозиция «свой – чужой», однако она дополняется третьим субъектом, образуя триада: враг (чужой) – защитник(свой) – мирный житель. Коронавирус мыслится как враг, убийца, противник; врачи выполняют функцию защитников, наделяются признаками героев; мирные жители выступают в двух ролях (активной и пассивной) – участники сопротивления (партизаны) и жертвы.

Итак, при описании коронавируса в русском медиадискурсе используется военная метафора, переосмысливается лексика военной сферы из пяти групп: наименование военных действий и их характеристика (наиболее многочисленная); результат военных действий; наименование видов оружия и его характер; место военных действий; участники войны, их действия, а также лица, косвенно относящиеся к военным действиям. Активное использование военной метафоры при описании коронавируса объясняется сходством военных действий, их характера и результата с борьбой человечества против коронавируса: коронавирус мыслится всеобщим врагом, с которым человечество ведет войну на невидимом фронте и несет большие потери.

Список литературы

1. COVID-19 – хронология действий ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/27-04-2020-who-timeline---covid-19> (Дата обращения: 01.05.2020).
2. Абсалямова С.Г. Мухаметгалиева Ч.Ф. Влияние эпидемии коронавируса на мировую экономику // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сборник научных трудов. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – С. 61 – 63.
3. Баранов А.Н. Русская политическая метафора : (Материалы к слов.) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : ИРЯ, 1991. – 193 с.

4. Елистратов А.А. Военная лексика в языке спорта // Русская речь. М., 2005. – С. 64-69.
5. Казаков О.И. Иностраннный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. –№ 1. –С. 81–96.
6. Крячко В.Б., Семенова И.А. Концепт «война» в поэтических текстах Б. Ш. Окуджавы как средство духовно-нравственного воспитания личности // PRIMO ASPECTU. Волгоград, 2019. – № 1 (37). – С. 117 – 121.
7. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. 2020. – № 47. –11 с.
8. Стернин И. А. Методы описания семантики слова. – Воронеж: Истоки, 2013. – 35 с.
9. Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
10. Федотова Н.В. Функционирование военной метафоры в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка // Современные лингвистические и методикодидактические исследования. Воронеж, 2019. – С. 40–52.
11. Федотова Н.В. Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе // Русская речь. М., 2019. – С. 7–33.
12. Шукунда С.З. «Ковидолы» против «ковидиотов»: английские неологизмы, порождённые коронавирусом / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. –№ 04 (60). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/kovidoly-protiv-kovidiotov-anglijskie-neologizmy-porozhdyonnye-koronavirusom.html> (Дата обращения: 30.04.2020).

Список источников

13. Аргументы и Факты. Режим доступа: https://aif.ru/?from_menu=1(Дата обращения: 04.04.2020).
14. Вести. Ру. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/>(Дата обращения: 03.04.2020).
15. ИноСМИ.RU. Режим доступа: <https://inosmi.ru/>(Дата обращения: 30.04.2020).
16. Комсомольская правда. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/right-benefits/> (Дата обращения: 25.04.2020).
17. МК-Эстония. Режим доступа: <https://www.mke.ee/> (Дата обращения: 20.04.2020).
18. Общенародный Союз возрождения России. Режим доступа: <http://bpros.ru/> (Дата обращения: 05.05.2020).
19. Популярная механика. Режим доступа: <https://www.popmech.ru/> (Дата обращения: 03.04.2020).
20. Правда. Ру. Режим доступа: <https://www.pravda.ru/> (Дата обращения: 29.04.2020).
21. РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/> (Дата обращения: 30.04.2020).
22. Русская весна. Режим доступа: <https://rusvesna.su/about> (Дата обращения: 01.05.2020).
23. Русское агентство новостей. Режим доступа: <http://ru-an.info/> (Дата обращения: 02.05.2020).
24. ТВ «ЗВЕЗДА» Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/>(Дата обращения: 05.04.2020).
25. ТВ Центр. Режим доступа: <https://www.tvc.ru/> (Дата обращения: 29.04.2020).
26. Эхо Москвы. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/> (Дата обращения: 01.05.2020).
27. Яндекс Дзен. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/> (Дата обращения: 30.04.2020).

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2`36

Межкатегориальные связи в контексте секундарного таксиса одновременности

Архипова Ирина Викторовна

канд. филол. наук, профессор кафедры французского и немецкого языков
Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, Новосибирск
irarch@yandex.ru

Inter-categorical relations in the context secondary taxis of simultaneity

Arkhipova Irina Viktorovna

Cand. Sc. (Philology), Professor of the Department of French and German Languages
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье рассматривается вопрос межкатегориальных связей функционально-семантических категорий таксиса, кондициональности, каузальности, концессивности и инструментальности. В рамках поликатегориального семантического комплекса и в контексте актуализации секундарно-таксисных значений одновременности выделяются кондициональный, каузальный, концессивный и инструментальный семантические субкомплексы, репрезентируемые в высказываниях с предложными девербативами с гетерогенными предлогами *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per*. В поликатегориальном семантическом комплексе актуализируются секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (кондиционально-, каузально-, концессивно-, инструментально- и медиально-таксисные).

Ключевые слова: межкатегориальные связи, таксис, кондициональность, каузальность, концессивность, инструментальность, поликатегориальный семантический комплекс, секундарно-таксисный семантический субкомплекс, секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Abstract. The article considers the issue of intercategorical relations of the functional-semantic categories of taxis, conditionality, causality, concessive and instrumentality. Within the polycategorical semantic complex and in the context of actualization of the secondary taxis values of simultaneity, the conditional, causal, concessive and instrumental semantic subcomplexes are distinguished, which are represented in sentences with prepositional deverbatives with heterogeneous prepositions *in, bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per*. In the polycategorical semantic complex the secondary taxis categorical situations of simultaneity are actualized (conditional-, causal-, concessive-, instrumental- and medial-taxis).

Keywords: inter-categorical relations, taxis, conditionality, causality, concessive, instrumentality, polycategorical semantic complex, second-taxis semantic subcomplex, secondary taxis categorical situations of simultaneity.

Функционально-семантическая категория таксиса неоднократно привлекала внимание ряда отечественных языковедов, дефинирующих ее как временную соотношенность двух и более действий безотносительно момента речи [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Проблема межкатегориального взаимодействия и интеграции различных функционально-семантических категорий остается до сих пор весьма актуальной, поскольку «выражаемые в речи семантические комплексы всегда представляют собой результат взаимодействия нескольких категорий в определенных условиях, связанных с лексическими значениями словоформ, контекстом и речевой ситуацией» [6, с. 85].

Выдающийся отечественный языковед А.В. Бондарко рассматривает группировку функционально-семантических полей с предикативным ядром и соответствующих категориальных ситуаций (аспектуальности, таксиса, темпоральности, временной локализованности и временного порядка) как достаточно сложный *аспектуально-темпоральный комплекс* [5, с. 96]. Вслед за А.В. Бондарко мы вводим «расширенный» термин «*темпорально-аспектуально-таксисный поликатегориальный семантический комплекс*».

В связи с этим целью настоящей работы является описание межкатегориальных связей функционально-семантической категории таксиса с «далекими друг от друга» функционально-семантическими категориями с обстоятельственным ядром: каузальности, инструментальности, кондициональности и концессивности в рамках данного *темпорально-аспектуально-таксисного поликатегориального семантического комплекса*.

Интегративный характер межкатегориальных связей определяет образование некоторых диффузных сегментов пересечения функционально-семантических категории таксиса (в частности, секундарного) с функционально-семантическими полями кондициональности, каузальности, инструментальности и концессивности: кондиционально-таксисных, каузально-таксисных, инструментально-таксисных и концессивно-таксисных.

Под семантикой секундарного таксиса следует понимать обстоятельственно-таксисные значения одновременности, осложненные различными обстоятельственными элементами логической обусловленности (уступки, причины, условия и др.) [1, с. 149-154].

Материалом настоящего исследования являются немецкие полипропозитивные высказывания с предложными девербативами с гетерогенно-

таксисными предлогами *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per*, полученные методом сплошной выборки из произведений немецкой художественной литературы и электронной базы данных Лейпцигского университета.

Секундарно-таксисные языковые значения одновременности актуализируются в высказываниях логически обусловленного (секундарного, обстоятельственного, нехронологического) типа, содержащих предложные девербативы с гетерогенно-таксисными предлогами *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, aufgrund, trotz, ungeachtet, mittels, dank, per* в каузальном, кондициональном, concessивном и инструментальном значениях [1, с. 149-154].

В настоящей работе в рамках выделяемого нами единого темпорально-аспектуально-таксисного категориального семантического комплекса следует различать четыре секундарно-таксисных семантических субкомплекса одновременности: (1) кондиционально-таксисный; (2) каузально-таксисный; (3) инструментально-таксисный; (4) concessивно-таксисный, в которых актуализируются аспектуально-таксисные значения одновременности, осложненные обстоятельственными значениями логической обусловленности (каузальными, инструментальными, кондициональными и concessивными).

Семантика секундарного (обстоятельственного, фонового, логически обусловленного) таксиса актуализируется в полипредикативных и полупредикативных осложненных высказываниях как «связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, обусловленности времени одного действия временем другого...)» [5, с. 237].

В рамках выделяемых нами поликатегориальных семантических субкомплексов в высказываниях с предложными девербативами репрезентированы секундарно-таксисные категориальные ситуации с элементами обстоятельственной модификации (условия, причины, уступки, «инструмента»): каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, concessивно-таксисные и инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности (полной и частичной).

Каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются при временной соотнесенности действия-причины, выражаемого девербативом, и действия-следствия глагольного предиката высказываний с гетерогенными предлогами каузальной семантики *aus, vor, wegen, aufgrund, mit, bei, unter, durch*: *Wegen der Sperrung der Schillerstraße kam es zu starken*

Verkehrsbehinderungen. (www.volksfreund.de, *gecrawlt am 26.03.2018*); Staatschef Alijew steht *wegen der Unterdrückung der Opposition* in seinem Land in der Kritik. (www.stern.de, *gecrawlt am 28.03.2018*); Worauf eine Frau *aus Verzweiflung* in Tränen ausbrach. (www.beobachter.ch, *gecrawlt am 25. 03.2018*); *Beim Anblick des sterbenden Kindes* verlor er den Rest seiner Besinnung (H. Fallada); ... sie waren mit dem Wagen im Ausland und haben sich dort den Hals gebrochen, irgendwo in den Bergen, *mit ihrem blödsinnig schnellen Fahren* (M. L. Kaschnitz).

Кондиционально-таксисные ситуации одновременности актуализируются при полном или частичном совпадении по «индивидуальным внутренним временам» действия-условия, обозначаемого предложным девербативом с предлогом *bei* или *unter*, и обусловленного действия (события, процесса), выражаемого глагольным предикатом. Семантика кондициональности может быть эксплицирована дополнительными кондициональными актуализаторами (частицами и атрибутами *erst, nur, aber, näher, genau, genauer, zärter, oberflächlich* и др.): *Bei näherem Betrachten* wird die Notwendigkeit der Erneuerung aber schnell deutlich. (www.friebo.de, *gecrawlt am 25.03.2018*); Und tatsächlich, *beim genauen Hinschauen* zeigen die Tiere einzelne goldene Federn. (www.emderzeitung.de, *gecrawlt am 27.03.2018*); *Erst bei dem Zusammentreffen* wird Jutta Lüske bewusst, dass ihre Spende tatsächlich ein Leben gerettet hat. (www.rtl.de, *gecrawlt am 29.03.2018*);

Концессивно-таксисные ситуации одновременности актуализируются при соотнесении во времени действия- или события-уступки и предполагаемого на основе его действия-следствия в высказываниях с концессивными предлогами *trotz* и *ungeachtet*: Auch in der Türkei wächst *trotz brutaler Unterdrückung* die Friedensbewegung. (www.zollernalbkurier.de, *gecrawlt am 27.03.2018*); Brandenburg hält *ungeachtet des Scheiterns der geplanten Kreisreform* an der Ertüchtigung der Verwaltung auf kommunaler Ebene fest. (www.neues-deutschland.de, *gecrawlt am 26.03.2018*).

При временной соотнесенности действий или процессов девербативов в сочетании с инструментальными предлогами *mit, durch, mittels, per* актуализируются инструментально-таксисные категориальные ситуации одновременности: *Durch Ziehen* wird automatisch eine zusätzliche Fusstütze ausgefahren», wird mir kurz und bündig erklärt. (www.news.ch, *gecrawlt am 25.03.2018*); *Durch das Heben und Absenken eines Überlaufrohrs* wird der Wasserspiegel bei den Elektroden und damit die Heizleistung stufenlos geregelt. (industriemagazin.at, *gecrawlt am 26.03.2018*); Sie

setzen einen Anker, indem Sie sich tief entspannen und sich *mittels Visualisierung* in die gewünschte Situation begeben. (www.cash.ch, *gecrawlt am 26. 03.2018*).

Медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности, актуализируемые в высказываниях с предложными девербативами с предлогами *mit* и *durch* в медиальном значении, мы рассматриваем как разновидность инструментально-таксисных категориальных ситуаций одновременности: Die Angestellte ließ sich darauf nicht ein, verlangte das Bargeld, was der Mann *mit einem Achselzucken quittierte*. (www.nordbayern.de, *gecrawlt am 27.03.2018*); Aber mein Vater schwieg auf der ganzen Fahrt, er *strafte* mich *mit einem Schweigen* ... (S. Lenz); Das Duo *habe* den 38-Jährigen *durch Winken* zum Mitnehmen *aufgefordert*, teilte die Polizei mit. (www.fnp.de, *gecrawlt am 25.03.2018*); Doch zunächst *ruft* ihre erste Ausstellung, und zwar *durch ein Klopfen an der Tür*: der Elektriker. (www.obwaldnerzeitung.ch, *gecrawlt am 25.03.2018*); Anwohner *brachten* ihren Protest *durch Schlagen auf Kochtöpfe* zum Ausdruck. (www.dzonline.de, *gecrawlt am 27.03.2018*).

Итак, темпорально-аспектуально-таксисный поликатегориальный семантический комплекс, репрезентирующий субполе секундарного (обстоятельственного, сирконстантного, логически обусловленного) таксиса, включает такие секундарно-таксисные категориальные семантические субкомплексы обстоятельственной модификации, как: кондиционально-таксисный, каузально-таксисный, концессивно-таксисный и инструментально-таксисный. В обследованных секундарно-таксисных категориальных семантических субкомплексах репрезентируются секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (полной/частичной): кондиционально-таксисные, каузально-таксисные, концессивно-таксисные, инструментально-таксисные и медиально-таксисные.

Дальнейшая субкатегоризация и детализация данной проблематики позволит более подробно рассмотреть прототипические (репрезентативные) элементы секундарно-категориальных ситуаций одновременности в рамках секундарно-таксисных категориальных семантических субкомплексов одновременности, а также их функционирование в секундарно-таксисной среде. Кроме того, к перспективам настоящего исследования следует отнести конструирование и описание интегративной модели межкатегориального взаимодействия функционально-семантической категории таксиса с категориями кондициональности, каузальности, инструментальности и концессивности.

Список литературы

1. Архипова И. В. Синкретизм в сфере актуализации таксисных значений одновременности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. Издательство: Научные технологии (Москва). – 2019. – № 12 (2). – С. 149-154.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
3. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.
4. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. – СПб.: Наука, 2008. – 472 с.
5. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса// Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – Изд.6-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – С. 234-242.
6. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. – М.: Языки славянских культур, 2011а. – 488с.
7. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики //АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН/ Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики/ Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. – СПб.: Наука, 2015. – С.21-36.
8. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. – 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. – 336 с.
9. Полянский С.М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учебное пособие к спецкурсу. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1990. – 90 с.
10. Храковский В. С. Таксисные конструкции (опыт классификации)/ / Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всерос. науч. конф. / отв.ред. А.В.Бондарко. – СПб., 2001. – С. 109–112.

УДК 811.11-112+81-114.2

**Реализация значения «прямая эвиденциальность»
в немецкоязычных медиатекстах**

Астахова Татьяна Николаевна

канд. филолог. наук, доцент кафедры английского языка
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
РФ, г. Архангельск
t.astahova@narfu.ru

Realization of the meaning "direct evidentiality" in German media texts

Astakhova Tatyana Nikolaevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of English language department
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia, Arkhangelsk

Аннотация. В статье анализируются средства выражения прямой эвиденциальности в немецкоязычных медиатекстах. Прямая эвиденциальность предполагает, что говорящий получил информацию посредством органов чувств. Научная новизна исследования заключается в том, что в качестве материала послужили немецкоязычные медиатексты, для которых не характерны маркеры прямой эвиденциальности. В статье излагаются взгляды разных исследователей на маркеры прямой эвиденциальности. В результате проведенного исследования было установлено, что в немецкоязычных медиатекстах наиболее распространенным средством выражения прямой эвиденциальности являются перцептивные глаголы *sehen, hören* в конструкции *sein + zu + инфинитив*, в главных предложениях в составе сложноподчинённых, в конструкции *accusativus cum infinitivo*. Реже прямая эвиденциальность выражается с помощью модальных слов *offenkundig, sichtbar*.

Ключевые слова: прямая эвиденциальность, немецкоязычные медиатексты, перцептивные глаголы, *accusativus cum infinitivo*, модальные слова

Abstract. The article analyzes means of expression of direct evidentiality in German media texts. Direct evidentiality is realized when the speaker has received information by means of sensory organs. The scientific novelty of the study consists in analysis of German media texts, where direct evidentiality markers are scarcely represented. The article presents points of view of different researchers on markers of direct evidentiality. The results of this research show that the most common means of expression of direct evidentiality is verbs *sehen, hören* in the construction *sein + zu + Infinitive*, in main clause in compound sentences, in the construction *accusativus cum infinitivo*. Direct evidentiality is expressed by means of modal words *offenkundig, sichtbar* more rarely.

Keywords: direct evidentiality, German media texts, perceptive verbs, *accusativus cum infinitivo*, modal words

Категория эвиденциальности предполагает, что в тексте присутствует указание на источник информации. Существует две разновидности категории: прямая и косвенная эвиденциальность. Косвенная эвиденциальность включает в себя значения инференциальности и пересказывательности [3, с. 16]. При инференциальности

говорящий делает вывод на основании логического вывода. В случае пересказывательности в качестве источника информации выступают другие лица. Прямая эвиденциальность предполагает, что говорящий получил информацию посредством органов чувств [Там же, с. 16-19]. Д.В. Козловский включает прямую эвиденциальность в сферу «имперсональной эвиденциальности» [4, с. 92].

Целью данной статьи является установление средств выражения прямой эвиденциальности в немецком языке, а также анализ этих средств в немецкоязычных медиатекстах. Под медиатекстами понимаются статьи газет – печатные и электронные версии. Научная новизна исследования заключается в том, что в качестве материала послужили немецкоязычные медиатексты, для которых не характерны маркеры прямой эвиденциальности.

Средства выражения прямой эвиденциальности, выражающие прямую эвиденциальность, соотносятся с настоящим и прошедшим временем, так как прямое свидетельство можно получить только в настоящем или в прошлом [10, р. 67]. Исследователи отмечают, что присутствие в тексте маркеров прямой эвиденциальности свидетельствует о значительной степени достоверности передаваемой информации, так как автор является очевидцем событий [1, с. 123; 2, с. 95].

Высказывания, в которых присутствуют средства выражения прямой эвиденциальности, состоят из воспринимающей и воспринимаемой части. Воспринимающая часть включает в себя предикат, выражающий перцептивное действие, и действующее лицо, которое производит, а также контролирует физическое и ментальное действие. В состав воспринимаемой части входит предикат, выражающий действие субъекта воспринимаемой ситуации, и активный производитель действия, который является объектом восприятия [5, с. 117].

Для выражения прямой эвиденциальности в немецком языке используются перцептивные глаголы, которые Р. Дж. Витт [12] классифицирует следующим образом: 1) глаголы, сфокусированные на субъект восприятия (данные глаголы служат для выражения прямой эвиденциальности в случае, если сочетаются с подлежащим в первом лице: *sehen / видеть, hören / слышать, fühlen / чувствовать*); 2) глаголы, сконцентрированные на объекте восприятия (выражают прямую эвиденциальность в том случае, если в качестве подлежащего выступает местоимение во 2-м или 3-ем лице: *aussehen / выглядеть, (sich) anhören / восприниматься на слух, (sich) anfühlen / быть на ощупь, schmecken / иметь вкус, riechen / пахнуть*). На наш

взгляд, лишь глаголы первой группы выражают прямую эвиденциальность, поскольку в данном случае говорящий является автором информации.

Целесообразно рассмотреть синтаксические конструкции, содержащие глаголы со значением прямой эвиденциальности [12]: 1) главные предложения, являющиеся частями сложноподчинённых предложений (*Ich sehe (höre, fühle), dass (wie...) / Я вижу (слышу, чувствую), что (как...)*); 2) конструкции *accusativus cum infinitivo* (*Wir sehen ihn lesen. / Ich höre sie schreien. / Ich fühle mein Herz klopfen. / Мы видим, что он читает. / Я слышу, что она кричит. / Я чувствую, как бьется мое сердце.*) (данные средства также указывают авторы работы [7, с. 255]); 3) парентезы (*wie ich sehe (höre, fühle) / как я вижу (слышу, чувствую)*); 4) части сложных предложений, в которых глагол, выражающий чувственное восприятие, выносится во внешнюю рамку по отношению к главному предложению: **Wir sehen:** *das Wetter hat sich verändert. / Мы видим: погода изменилась.*

Лингвисты рассматривают также модальные слова в качестве средства выражения прямой эвиденциальности, однако взгляды на их частеречную принадлежность являются разными. Рассмотрим ряд точек зрения исследователей на этот вопрос.

1) Модальным словам свойственна морфологическая неизменяемость, в связи с чем их относят к разряду частиц [6, с. 42].

2) Модальные слова относят к разряду наречий, так как они обладают такими признаками, как морфологическая синтаксическая позиция в предложении, неизменяемость, возможность омонимичного употребления, частичная общность словообразовательной модели [11].

Ряд отличий, позволяющий разграничить модальные слова и наречия, приводит Р.Д. Шакирова [8, с. 85].

1. Наречия относятся к действию, обозначая его признак, а модальные слова относятся ко всему высказыванию, передавая субъективную оценку.

2. Предложения, в которых присутствуют модальные слова, могут быть переформулированы в сложноподчинённые, имеющие в своем составе придаточные дополнительные. В главном предложении используется лексическая единица, семантически связанная с модальным словом. Подобные трансформации невозможны, если в предложении используются наречия. Приведем пример: *Vermutlich hat er das vorausgesehen* [13]. → *Ich vermute, dass er das vorausgesehen hat. / Вероятно, он это предвидел. → Я предполагаю, что он это предвидел.*

3. Модальные слова предполагают наличие ответной реплики на общие вопросы, а наречия используются в качестве ответа на частный вопрос. Рассмотрим следующие примеры: на частный вопрос „Was braucht er denn?“ / *Что же ему нужно?* невозможно ответить „Natürlich“ / «Конечно», однако общий вопрос „Braucht er das denn?“ / *Разве это ему нужно?* предполагает ответ в виде модального слова „Natürlich“ / «Конечно».

В связи с этим можно сделать вывод, что модальные слова представляют собой самостоятельную часть речи, которая выражает модусное значение «ссылка на источник информации», относящееся к целому предложению.

Р.Д. Шакирова перечисляет в своем исследовании модальные слова, указывающие на чувственное восприятие действительности: *augenscheinlich* / *явно, очевидно, bekanntlich* / *как известно, bestimmt* / *определенно, erwiesenermaßen* / *как доказано, faktisch* / *фактически, freilich* / *конечно, gewiss* / *конечно, несомненно, keinesfalls* / *ни в коем случае, keineswegs* / *никоим образом, natürlich* / *конечно, offenkundig* / *очевидно, wahrhaftig* / *действительно, wirklich* / *в самом деле, tatsächlich* / *фактически, selbstredend* / *конечно, разумеется, selbstverständlich* / *само собой разумеется, sichtlich* / *явно, zweifellos* / *несомненно, zweifelsfrei* / *без сомнения, zweifelsohne* / *без сомнения, unbedingt* / *безусловно*. При этом исследователь полагает, что модальные слова *augenscheinlich, offenkundig, sichtlich* свидетельствуют о том, что информация была получена посредством зрительного восприятия [9, с. 131]. Данная точка зрения была проверена с использованием электронных словарей „Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache“ [13] и „Duden“ [15].

В результате анализа определений из указанных словарей было установлено, что лишь модальные слова *offenkundig* («для каждого заметно, ясно, понятно» [15] / «отчётливо, ясно» [13]) и *sichtlich* («очевидно, ясно, ощутимо, заметно, можно увидеть» [15] / «(отчетливо) заметно, явно, очевидно» [13]) имеют в составе значения сему «зрительное восприятие» и, следовательно, используются для экспликации визуального свидетельства. Другие модальные слова не имеют в своем составе сем, выражающих чувственное восприятие, а указывают на разную степень уверенности говорящего и служат для реализации значения эпистемической модальности.

Для анализа средств выражения прямой эвиденциальности было отобрано методом сплошной выборки и проанализировано 50 примеров. Материалом исследования послужили медиатексты электронной версии немецкой газеты „Süddeutsche Zeitung“, журнала „Der Spiegel“, а также материалы газеты „Die Zeit“,

размещенные в корпусе DWDS. Следует отметить, что маркеры прямой эвиденциальности встречаются в немецких медиатекстах крайне редко.

Наиболее часто для выражения данного значения используются конструкции *sein + zu + sehen (hören)* (данные средства составляют 51 % всех маркеров прямой эвиденциальности): *Im Oktober ging es los mit einer 17-sekündigen Vorschau auf die Vorschau, zu sehen waren nur Schnipsel, der Held flog, irgendwas explodierte, es wurde nicht gesprochen* [14] / В октябре один 17-секундный предварительный просмотр сменялся другим, **можно было видеть** только отрывки, герой летел, что-то взрывалось, слов не было. Следует указать на то, что в электронных версиях газет конструкции с глаголами зрительного восприятия часто имеют вид гиперссылки, которая отсылает читателя к соответствующим аудиовизуальным материалам.

Прямая эвиденциальность также реализуется в следующих синтаксических конструкциях:

1) главные предложения, которые входят в состав сложноподчинённых предложений (их доля - 14 % от общего количества высказываний со значением прямой эвиденциальности): *Und ich sehe, dass die Wüste doch kein Nudelbrett ist.* [13] / **И я вижу**, что пустыня – это все же не шахматная доска;

2) конструкция *accusativus cum infinitivo* – *Ich (wir) sehe(n) / höre(n) ... + инфинитив* (4 %): **Wir hören ihre bloßen Füße im Wasser patschen und ihre Rufe über dem Meeresrauschen.** [13]. / **Мы слышим**, как их босые ноги шлепают по воде, и их возгласы, проносящиеся над шумом моря.

Модальные слова *offenkundig* и *sichtlich* встречаются в эвиденциальном значении «прямая эвиденциальность» в 31 % высказываний:

Offenkundig verstehen sich die beiden, manchmal scheint es sogar, als würden sie sich mögen [13]. / **Очевидно**, эти двое понимают друг друга, иногда даже кажется, что они любят друг друга.

Er ist sichtlich gut gelaunt [16]. / **Заметно**, что он в хорошем настроении.

Таким образом, в результате исследования были получены следующие результаты. В качестве средств выражения эвиденциальности используются глаголы чувственного восприятия *sehen, hören, fühlen* в составе сложных предложений, конструкции *accusativus cum infinitivo*, парентетических конструкций, а также модальные слова *offenkundig, sichtlich*.

В немецких медиатекстах в качестве маркеров прямой эвиденциальности используются преимущественно глаголы *sehen, hören* в конструкции *sein + zu + инфинитив*, в главных предложениях в составе сложноподчинённых, в конструкции

accusativus cum infinitivo. Реже прямая эвиденциальность выражается с помощью модальных слов *offenkundig, sichtlich*.

Список литературы

1. Басовец И.М. Особенности функционирования маркеров прямой эвиденциальности в англоязычном медиадискурсе // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. ИП Шамякина. – 2019. – №. 2. – С. 120–124.
2. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 6. – С. 93–99.
3. Козинцева Н.А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой / [ред. В. С. Храковский] ; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – СПб. : Наука, 2007. – С. 13–36.
4. Козловский Д.В. Роль авторской эвиденциальности в англоязычном дискурсивном пространстве // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XI-ой Всероссийской конференции, посвященной 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского. – 2019. – С. 89–94.
5. Лутфуллина Г.Ф. Сравнительный анализ синтаксических конструкций перцептивной семантики с участием неличных форм во французском и русском языках // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 117–125.
6. Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
7. Профатилова С.М., Балабаева Ю.Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1 (36). – С. 249–259.
8. Шакирова Р.Д. Немецкие модальные слова, маркирующие вторичность информации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 83–89.
9. Шакирова Р.Д. О соотношении категории эвиденциальности и эпистемического статуса высказывания (на материале современного немецкого языка) // Вестник Самарского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 127–134.
10. Forker D. Evidentiality and its relations with other verbal categories // The Oxford Handbook of Evidentiality. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 65-84.
11. Ørsnes B. Passives and evidentiality: Danish reportive passives and their equivalents in German // Acta Linguistica Hafniensia : International Journal of Linguistics. – 2011. – Vol. 43, No. 1. – P. 21–59. – Mode of access: <https://doi.org/10.1080/03740463.2011.585042> (Date of access: 10.09.2020).
12. Whitt R. J. Evidentiality, polysemy, and the verbs of perception in English and German // Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages / eds.: G. Diewald, E. Smirnova. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2010. – P. 249–278.

Список источников

13. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mode of access: <https://www.dwds.de/> (Date of access: 10.09.2020).
14. Der Spiegel. – 2013. – Nr. 18.
15. Duden. – Mode of access: <https://www.duden.de/> (Date of access: 10.09.2020).

16.Süddeutsche Zeitung. – Mode of access: <https://www.sueddeutsche.de/> (Date of access: 10.09.2020).

УДК 372.881.111.1

Способы перевода военно-авиационных терминов с английского языка на русский язык

Исаева Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры иностранных языков, Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков, Россия, г. Краснодар
isaewacaterina@yandex.ru

Methods of military aviation terms translation from English language to Russian language

Isaeva Ekaterina Sergeevna

Teacher of Foreign Languages Department, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
Russia, Krasnodar

Аннотация. Настоящая статья посвящена переводу военно-авиационных терминов с английского языка на русский. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения военных терминов, так как сейчас ускоренно развивается современная наука и техника. Особое внимание уделяется способам перевода простых и многокомпонентных военных терминов, рассматриваются заимствования, а также приведены основные способы перевода сокращений. Поиск способов перевода военных терминов в авиационной сфере очень важен, поскольку от выбора приёма перевода терминов будет зависеть правильная и точная передача информации языкового контекста.

Ключевые слова: подъязык военной авиации, термин, многокомпонентные термины, авиационные термины и сокращения, заимствования, способы перевода.

Abstract. This article is devoted to the translation of military aviation terms from English to Russian. The relevance of this work is due to the need to study military terms as modern science and technology is rapidly developing now. Special attention is paid to the methods of translation of simple and multicomponent military terms, borrowed words are considered and the main methods of translation of abbreviations are given. The search for methods of translation of military terms in aviation field is very important because the correct and accurate transmission of language context information will depend on the choice of methods for translating the terms.

Key words: military aviation sublanguage, term, multicomponent terms, aviation terms and abbreviations, borrowed words, methods of translation.

Перевод как один из видов языковой деятельности представляет собой процесс адекватной и полноценной передачи мыслей, высказанных на одном языке средствами другого языка. Адекватный и полноценный перевод обуславливает

правильную, точную и полную передачу особенностей и содержания подлинника и его языковой формы с учетом всех особенностей структуры, стиля, лексики и грамматики. По мнению А.В. Фёдорова, «перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [1, с. 15].

Военный перевод представляет собой один из видов специального перевода с ярко выраженной военной коммуникативной функцией.

В военном переводе важную роль отводят точности перевода, так как переведенный материал может служить основой для проведения военных действий, принятия важных решений. Правильный перевод военных материалов зависит в значительной мере от правильного перевода терминов, так как большую часть военной лексики занимают военные и военно-технические термины. Рассмотрим перевод военно-авиационных терминов.

Военная авиация всегда находится на передовых рубежах научно-технического прогресса: впитывает в себя новейшие достижения из различных областей знаний, разрабатывает новые идеи и технические решения, создаёт конструкционные материалы.

Становление и развитие военной авиации сопровождалось непрерывным накоплением межотраслевого и интернационального характера терминов. Изучением проблемы перевода терминов занимались такие учёные-лингвисты, как В.Н. Комиссаров, Д.С. Лотте, В.М. Лейчик, Л.Л. Нелюбин, А.А. Реформатский, Г.М. Стрелковский, В.Н. Шевчук и другие. Сущность термина достаточно сложна, и в настоящее время общепринятого понятия «термин» нет. В качестве рабочего определения будем использовать толкование О.А. Ахмановой из «Словаря лингвистических терминов»: термин – это «слово или словосочетание специального (научного, технического) языка, создаваемое или заимствуемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [2, с. 463].

Е.А. Зюзина отмечает, что «военно-авиационная терминология, несомненно, находится на пересечении военной и авиационной специальных областей» [3, с. 65]. Военная терминология обладает определённой внутренней организацией. «Она также представляет собой совокупность единиц терминологической номинации понятий военной науки» [4, с.102]. С.С. Копылова говорит, что военный термин – это «слово или словосочетание, используемое для обозначения определённого специального понятия, относящегося к тому или иному разделу военной науки или к военной технике» [5, с. 24]. С точки зрения Е.Г. Пырикова, военный термин

определяется как «единица лексической номинации (слово или устойчивое словосочетание). Она ограничена в своем употреблении военным подязыком в значении, строго регламентированном дефиницией» [6, с. 34].

Военно-авиационная терминология во многом расширяется за счёт заимствования слов, простых, сложных (многокомпонентных) слов, а также сокращений. Согласно В. М. Лейчику, заимствованием считается «слово или термин, который переходит в другой язык со своим понятием или который используется для терминологии того же понятия» [7, с. 170]. Английская военная авиационная терминология преимущественно формировалась на базе франкоязычных заимствований и ресурсами собственного языка. Среди терминов французского происхождения, в основе которых элементы греческого и латинского языков, следует отметить: *aeroplane* – самолёт (устр. аэроплан), *aerodrome* – аэродром (производное от *aéro* – «воздух» по аналогии с *hippodrom* – "ипподром"), *virage* – вираж (буквально: поворот, перемена; от фр. глагола *virer* – "вертеть, поворачивать, вращать"), *fuselage* – фюзеляж – корпус самолёта, *pilotage* – пилотаж (от фр. *piloter* – "вести самолет") и другие. Переводить заимствованный термин следует при помощи таких приёмов, как транскрипция и транслитерация, то есть при транскрипции сохраняется звуковая форма заимствованной единицы, а при транслитерации буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. Более подробно приём «транскрипции» и «транслитерации» будет показан на примере простых терминов.

К XX веку в английском языке активно усиливается создание новых терминов в сфере авиастроения, оборудования наземного обслуживания и ремонта самолётов, например: *cabin* – кабина самолёта, *airfield* – аэродром, *aircrew* – лётный экипаж, *airman* – лётчик, *aeroplane shed* – ангар (сооружение для хранения, технического обслуживания и ремонта самолётов и других ЛА) и многие другие.

Основу военно-авиационной терминологии составляют односоставные и многокомпонентные номинативные единицы. В данной работе мы будем изучать термины, взятые из «Большого англо-русского и русско-английского авиационного словаря» Е.Н. Девниной и учебного пособия «Английский язык Часть 6: Военно-воздушные силы» Н.В. Левандровской, Л.А. Хамула (Краснодар: КВВАУЛ, 2017).

Рассмотрим несколько способов перевода односоставных (простых) и сложных (многокомпонентных) терминов:

1) Транскрипция – это передача английского слова на русский язык путем воспроизведения с помощью русских букв его звукового облика (фонемного состава) [8]. Например: *drone* – дрон (беспилотный самолёт), *motor* – мотор, *pilotage* –

пилотаж, *camouflage* – камуфляж, *parachute* – парашют и другие французские заимствования.

2) Транслитерация – это передача английского слова на русский язык путём воспроизведения его графической формы (буквенного состава) с помощью алфавита русского языка [8]. Например: *avionics* – авионика (авиационное электронное оборудование), *aeroplane* – аэроплан (самолёт), *maneuver* – манёвр, *autopilot* – автопилот, *aerodynamics* – аэродинамика и т.д.

3) Калькирование или дословный перевод – это перевод слова или словосочетания по частям с последующим соединением частей. Определяющая часть термина может передаваться прилагательным, также возможно изменение порядка следования компонентов, а смысловые связи могут передаваться с помощью предлогов [8]. Рассмотрим перевод калькирования на примере сложных терминов: *flight crew* – лётный экипаж, *strategic bomber* – стратегический бомбардировщик, *air-to-air missile* – ракета класса «воздух-воздух», *special-purpose aircraft* – самолёт специального назначения, *pre-flight check* – предполётный осмотр, *in-flight refuelling system* – система дозаправки в воздухе и многие другие термины. Как показывают примеры, калька не может переводиться одним словом.

Перевод односоставных терминов осуществляется прямым способом с поиском их эквивалентов в словарях или определением их значений по семантике корневой морфемы или аффиксов, а также при помощи языковой догадки. Например: *to intercept* – перехватывать – *interceptor* – самолёт-перехватчик, *to observe* – наблюдать – *observer* – лётчик-наблюдатель, *to navigate* – прокладывать курс – *navigator* – штурман, *to arm* – вооружать – *armament* – вооружение, *to fuel* – заправлять – *refuelling* – дозаправка и т.д. Более сложным считается перевод многокомпонентных терминов, для которых характерна строгая иерархия компонентов со смысловыми связями.

Т.А. Кудинова определяет многокомпонентный термин как «полилексемное терминологическое сочетание устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух» [9, с. 8]. Такие термины подразделяются на два, три, четыре и более компонентов. Например: *aerospace engineer* – авиационный инженер, *air traffic controller* – авиадиспетчер, *supercruise fighter* – истребитель со сверхзвуковой крейсерской скоростью, *high-velocity aircraft rocket* – авиационная ракета с высокой скоростью полёта, *strategic high-altitude orbital bomber* – стратегический высотный орбитальный бомбардировщик и т.д. Компоненты могут увеличиваться, но при их большом количестве семантико-синтаксические связи

внутри терминологического ряда нарушаются, следовательно, такое терминологическое сочетание распадается на два, три и более сочетаний. Поэтому необходимо соединять отдельные компоненты дефисом, как видно из двух последних примеров: (*air-to-air combat maneuvering* – маневрирование в воздушном бою, *air-to-surface missile* – ракета класса «воздух-поверхность», *air-to-air test* – испытания в воздушном бою, *high-technology aircraft* – летательный аппарат высоких технологий, *fixed-landing-gear aircraft* – летательный аппарат с неубирающимся шасси и другие).

Приведём примеры наиболее характерных способов перевода военно-авиационных многокомпонентных терминов:

1) Перевод при помощи аналогичной препозитивной атрибутивной группы. Например: *military transport aircraft* – военно-транспортный самолёт, *jet-propelled fighter* – реактивный истребитель, *twin-engined aircraft* – летательный аппарат с двумя двигателями, *in-flight training of pilots* – лётная подготовка пилотов, *land-based aircraft* – летательный аппарат наземного базирования, *multi-purpose helicopter* – многоцелевой вертолёт. Данный способ перевода считается простым, так как не требует разбора компонентов по частям, а заключается в последовательном переводе составляющих его компонентов.

2) Перевод при помощи перестановки компонентов (перевод справа налево). Сначала переводятся один или два последних компонента, несущих, как правило, основную смысловую нагрузку, а затем последовательно справа налево каждый компонент или смысловая группа. Например: *long-range transport aviation* – транспортная авиация дальнего действия; *aircraft control training* – обучение управлению воздушным движением; *air traffic control system* – система управления воздушным движением; *cargo-capable aircraft* – летательный аппарат, способный перевозить грузы; *all-weather landing capability* – способность совершать посадку в сложных метеоусловиях.

3) Перевод словосочетаний такого типа, как «Noun + Preposition + Noun». Этот способ перевода широко используется, когда атрибутивная группа сочетаний выражает адвербиальное отношение: *fly-by-wire aircraft* – ЛА с электродистанционным управлением, *hands-off aiming* – прицеливание без ручного управления, *side-by-side cockpit* – кабина экипажа с расположенными рядом креслами и т.д.

4) Перевод с использованием причастных и деепричастных оборотов типа «Noun + Part. I + Noun, Noun + Part. II + Noun, Adj. + Part. II + Noun). Продемонстрируем 1 модель «Noun + Part. I + Noun», где Noun – это существительное,

a Participle I – причастие настоящего времени: *newly developed aircraft* – недавно разработанный самолёт, *missions including strike, reconnaissance, search and rescue operations* – задачи, включающие в себя ударные, разведывательные, поисково-спасательные операции; 2 модель «Noun + Part. II + Noun», где Part. II – причастие прошедшего времени, которое показывает, что над действием совершается что-либо: *radio-controlled aircraft* – самолёт, управляемый по радио, *fighters equipped with bombs and missiles* – истребители, оснащённые бомбами и ракетами и т.д.; 3 модель «Adj. + Part. II + Noun», где Adjective и Part. II – сочетание прилагательного и причастия прошедшего времени: *short-timed flight* – кратковременный полёт; «Adv. + Part. II + Noun», где Adverb – наречие: *remotely piloted aircraft* – дистанционно-пилотируемый летательный аппарат, *highly-trained pilots* – прекрасно обученные лётчики.

5) Описательный перевод, как отмечает Л. Л. Нелюбин, – это «приём перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия» [10, с. 129]. Достоинством описательного перевода является наиболее полное раскрытие сути описываемого явления. Его недостатком считается громоздкость. Например: *air combat training sortie* – вылет для проведения учебного воздушного боя, *airborne early warning and control aircraft* – самолёт дальнего радиолокационного обнаружения и управления, *vertical take-off and landing aircraft* – летательный аппарат вертикального взлёта и посадки, *power-on aircraft configuration* – конфигурация ЛА с включённым питанием (бортового оборудования), *maximum flight path angle* – максимальный угол наклона траектории полёта, *rear engined aircraft* – самолёт с двигателями в хвостовой части и многие другие терминологические словосочетания.

Чтобы правильно перевести многокомпонентный термин, переводчику необходимо разграничить компоненты сложного слова, отыскать подходящее соответствие для каждого компонента, учитывая контекст, затем грамотно передать значение термина с помощью средств родного языка. Окончательный выбор способа перевода многокомпонентных терминов зависит от лексического наполнения группы, а также от нагрузки всего контекста. Поэтому при переводе многокомпонентных терминов нужно проводить тщательный семантико-синтаксический анализ [11].

Перевод сокращений и аббревиатур является одним из наиболее трудных для понимания военных авиационных текстов. Аббревиация заключается в передаче максимального количества информации (смыслового содержания) при

минимальном использовании материальной оболочки языка (звуковой оболочки и графической формы). Аббревиатуры подразделяются на звукобуквенные аббревиатуры и акронимы [12]. Звукобуквенные аббревиатуры необходимо произносить в соответствии с алфавитным названием букв. Например: *UAS* – *Unmanned Air System* – беспилотная авиационная система, *AFB* – *Air Force Base* – база ВВС, *ICBM* – *intercontinental ballistic missile* – межконтинентальная баллистическая ракета, *ACC* – *Air Combat Command* – боевое авиационное командование, *ATCC* – *Air Traffic Control Centre* – Центр управления воздушным движением и т.д. Акроним считается синонимом аббревиатуры. О. С. Ахманова в своём «Словаре лингвистических терминов» даёт определение слову акроним: «акронимы – это слова, образованные путём сложения начальных букв слов или начальных звуков» [2, с. 27]. То есть акронимы произносятся как единое слово, а не побуквенно. Например: *SATCOM* ['sætkəm] – *Satellite Communications* – спутниковая связь, *ICAO* ['ka:əʊ] – *International Civil Aviation Organization* – Международная организация гражданской авиации, *MAJCOM* ['meɪdʒkəm] – *Major Command* – главное командование, *SIGINT* ['sɪɡɪnt] – *Signal Intelligence* – радиотехническая разведка.

Проблема перевода сокращений требует полного понимания и определённой расшифровки того или иного слова. В.В. Борисов даёт определение сокращению: «сокращение – это единица устной или письменной речи, созданная из отдельных (не всех) элементов звуковой или графической оболочки некоторой развёрнутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определённой лексико-семантической связи» [13, с. 100]. При переводе сокращений следует в первую очередь обращаться к словарям, а также учитывать, что некоторые сокращения имеют несколько значений. Прежде чем приступить к переводу сокращений, необходимо тщательно изучить контекст и попытаться определить общее значение сокращения. Затем проанализировать структуру сокращения и сделать расшифровку.

Передача сокращений на русский язык осуществляется следующими способами:

1) Поиск эквивалентного сокращения: *STOL aircraft (short take-off and landing aircraft)* – СКВП – самолёт короткого взлёта и посадки, *CAD system (computer-aided design system)* – САПР – система автоматизированного проектирования.

2) При помощи транслитерации: *AFIL (Air field flight plan)* – АФИЛ – план полёта, переданный с борта, *ARTRAC (Advanced Real-Time Range Control)* – «Артрак»

– перспективная система управления с автоматическим преобразованием в реальном масштабе времени получаемых при радиосопровождении сигналов.

3) При помощи транскрибирования: *SAGE* [seɪdʒ] – *Semiautomatic ground environment* – «СЕЙДЖ» – полуавтоматическая наземная система управления средствами ПВО.

4) При помощи описательного перевода: *MORA* [ˈmɔːrə] – *Minimum Off-Route Altitude* – минимальная безопасная абсолютная высота полёта вне маршрута.

5) Методом полной расшифровки сокращений: *A/A* – *air-to-air* – воздух-воздух, *T/O* – *take-off* – взлёт, *A/D* – *aerodrome* – аэродром, *ACFT* – *aircraft* – самолёт, *AFLD* – *airfield* – аэродром и другие. Такие сокращения при переводе должны полностью расшифровываться.

Таким образом, частое использование сокращений и аббревиатур в текстах авиационной тематики требует от переводчика умения ориентироваться в контексте, рассматривать все значения конкретного сокращения, а также тщательной расшифровки, кроме того процесс перевода военно-авиационных терминов требует больших усилий. Военная авиационная отрасль – это обширная область знаний с большим количеством специальной лексики и терминов. Для достижения адекватного перевода переводчик должен хорошо владеть родным и иностранным языком, уметь точно передать материал перевода, внимательно изучать военную терминологию, а также правильно применять различные способы перевода терминов.

В данной работе методом сплошной выборки было отобрано 100 единиц, из которых составили: 10 – заимствованных терминов, 20 – простых (односоставных) терминов, 50 – сложных (многокомпонентных) терминов, 20 – сокращений. Изучены и проанализированы основные способы перевода заимствованных терминов, односоставных, многокомпонентных терминов и сокращений. Выбор приёма перевода термина зависит от самой структуры термина. Наиболее распространёнными способами перевода военно-авиационных терминов считается калькирование, так как оно обусловлено передачей точной информации и принципом наименьшего усилия, описательный перевод (особенно при переводе аббревиатур и сокращений), транскрипция и транслитерация. При переводе терминологических сочетаний лучше использовать последовательный перевод при помощи аналогичной препозитивной атрибутивной группы, а также перевод перестановки компонентов или перевод «справа налево».

Список литературы

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учебное пособие. –5-е изд. – СПб.: Филология три, 2002. – 416 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
3. Зюзина Е.А. Эпонимические единицы в составе специальной авиационной лексики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Краснодар, 2006. – 180 с. [Электронный ресурс] <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/jeponimicheskie-edinicy-v-sostave-specialnoj-aviacionnoj-leksiki.html> (Дата обращения: 28.04.2020)
4. Пыриков Е.Г. Военная терминология как объект сопоставительных исследований // Функционирование системы языка в речи: Сборник статей, МГУ; под ред. Н.К. Гарбовского – М.: 1989. – С. 98 – 111.
5. Копылова С.С. Тестирование лексической компетенции курсантов при обучении военному переводу (немецкий и английские языки): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 – Тамбов, 2004. – 154 с. [Электронный ресурс] <http://www.dslib.net/teoria-vospitania/testirovanie-leksicheskoi-kompetencii-kursantov-pri-obuchenii-voennomu-perevodu.html> (Дата обращения: 02.05.2020)
6. Пыриков Е.Г. Лексика и терминология современного японского языка в сопоставительном освещении. – М.: Изд-во ВКИ, 1988. – 88 с.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е – М.: Либроком. 2009. – 256 с.
8. Кручинина К.А. Особенности перевода терминов в текстах экономической тематики. [Электронный ресурс] <https://docplayer.ru/57123135>. (Дата обращения: 04.05.2020)
9. Кудинова Т.А. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в подязыке биотехнологий: автореф. дис. канд. филол. наук / 10.02.19 – Орёл, 2006. – 21 с. [Электронный ресурс] http://ogiiik.orel.ru/files/kudinova_ta.pdf (Дата обращения: 05.05.2020)
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Наука, 2003. – 320 с.
11. Специальный перевод. [Электронный ресурс] <http://www.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/09>. (Дата обращения: 07.05.2020)
12. Копрева Л.Г. Специфика перевода сокращений в английской военной лексике // Общество: социология, психология, педагогика. №2. 2012. С. 125-127 [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-perevoda-sokrascheniy-v-angliyskoj-voennoj-leksike>. (Дата обращения: 10.05.2020)
13. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. Под ред. проф. Швейцера А.Д. – М. Воениздат. 1972. – 319 с.
14. Девнина Е.Н. Большой англо-русский и русско-английский авиационный словарь. Под ред. акад. И. И. Павловца. – М.: Живой язык, 2011. – 512 с.
15. Авиационные и компьютерные сокращения. [Электронный ресурс] <https://skalolaskovy.ru/aviation-docs/372>. (Дата обращения: 11.05.2020)

УДК 801.82

Особенности стиля газетных заголовков

Мироненко Елена Станиславовна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского и иностранных языков
Вологодского института права и экономики ФСИН России, РФ, г. Вологда
voselena35@mail.ru

Newspaper Headline Style Features

Mironenko Elena Stanislavovna

Cand. Sciences (Philology), Assistant Professor of Russian and Foreign Languages
Department Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Russia, Vologda

Аннотация. Актуальность исследования связана, прежде всего, с высокой культурно-социальной значимостью заголовка в наше время. Язык и речь чутко реагируют на масштабные перемены в мире, свидетелями которых мы являемся. Язык газетных новостей является органической частью единого целого – функционально-стилевой системы и объективно выступает регулятором речевого поведения в масштабах всего общества. Цель исследования – изучение лексико-грамматических особенностей языка английских заголовков новостей. Материалом данного исследования послужил корпус текстов англоязычного газетного дискурса, а именно заголовки англоязычных статей, размещенных в британских и американских газетах «The Guardian», «The Times», «The New York Times», «The Wall Street Journal». Делается вывод о том, что заголовок газетной статьи – это коммуникативная единица, которая имеет особый стиль написания, выполняет собственные функции и обладает набором специфических лексико-грамматических особенностей, отражающих лингвокультуроведческие особенности современного английского языка.

Ключевые слова: заголовок, газетный дискурс, газетный текст, лексико-грамматические особенности, дискурс.

Abstract. The relevance of the study is connected with the high cultural and social significance of the headline nowadays. Language and speech are sensitive to widespread changes in the world. The language of newspaper articles is the organic part of a single whole – a functional-style system and objectively acts as the regulator of speech behavior throughout the whole society. The purpose of the research is to study the lexical and grammatical features of the language of English news headlines. The material for the study is the texts of an English-language newspaper discourse, the headlines of English-language articles published in the British and American newspapers: The Guardian, The Times, The New York Times, The Wall Street Journal. It is concluded that the headline of a newspaper article is the communicative unit that has a special writing style, performs its own functions and has a set of specific lexical and grammatical features that reflect the linguistic and cultural features of modern English.

Keywords: headline, newspaper discourse, newspaper article, lexical and grammatical features, discourse.

Актуальность подобного исследования обусловлена тем, что новостные заголовки, с одной стороны, характеризуются определенным набором лексико-грамматических средств, умение интерпретировать которых позволит читателям англоязычной прессы правильно понимать смысл газетного заголовка. С другой стороны, новостные заголовки отражают языковую картину мира и являются продуктом взаимодействия языка, культуры, этноса, межкультурной языковой личности. Изучение таких явлений положительно сказывается на формировании поликультурной компетенции осваивающего английский язык. Ряд научных исследований последних лет (В.Б. Артемов, Ю.В. Верещинская, С.А. Иванова, Н.В. Иноземцева, А.А. Лютая, М.Н. Николаева, Ю.Н. Русина и др.) посвящен исследованию функциональных, структурных, семантических и стилистических особенностей газетных заголовков [1-7].

Быстрый темп жизни заставляют СМИ идти в ногу со временем. За последнее десятилетие стали широко распространены интернет-версии многих газет. В условиях масштабных изменений в жизни общества, культуре, языке и речи ощущается недостаток научных исследований современных тенденций в изучении лексико-грамматических особенностей языка английских заголовков новостей в целом, в том числе отражающих лингвокультуроведческие особенности современного английского языка.

По словам Майкла Свон, заголовок – это краткое название статьи, смысл которого, иногда, трудно понять в связи с особым стилем его написания [8]. Ю.В. Верещинская понимает газетный заголовок как «представляющий собой особую разновидность медиатекст, состоящий из одного или нескольких предложений, называющих газетный материал, который предшествует основному тексту статьи и отражает его главную тему» [2, с. 129]. Данута Ри в книге «Язык газет» дает следующее определение: «Заголовок – уникальный тип текста, имеющий целый ряд функций, которые диктуют свою форму, содержание и структуру» [9, с. 43]. В данном исследовании под заголовком мы понимаем коммуникативную единицу, выполняющую собственные функции и характеризующуюся своими лингвистическими особенностями, отражающими лингвокультуроведческие особенности современного английского языка

Вопрос о функциях, выполняемых газетным заголовком, остается по-прежнему дискуссионным, так как выделение различными авторами различных типов функций часто имеет субъективный характер. Несмотря на разнообразие подходов, большинство исследователей сходятся во мнении, что газетным заголовкам присущи

три основные функции: номинативная, информативная и рекламная [10, с. 9; 11, с.116]. Одна из функций обычно выдвигается на передний план, оттесняя другие функции.

Установлено, что основной задачей заголовка является привлечение внимания читателя и установление с ним психологического и эмоционального контакта, и лишь во вторую очередь заголовок реализует информационно-разъяснительную функцию – сообщение читателю краткого содержания статьи, следующей за заголовком [6, с. 83]. Авторы, исследующие семантические и прагматические аспекты газетных текстов, выделяют следующие их характерные особенности: а) газетный текст относится к общественно-политическим текстам массовой коммуникации; б) автором его статей и разделов является редакционный коллектив или лицо, представляющее его идейную и политическую платформу; в) статьи газетного текста объединяются единой мировоззренческой направленностью, их цель состоит в том, чтобы воздействовать на мнение массы читателей [12, с.158]. Газетный заголовок должен не только снабдить статью наименованием, но также вызвать у читателя живой интерес к ней, привлечь читателя на сторону мировоззренческой позиции автора, внушить читателю определенное отношение к излагаемым фактам.

В своем исследовании мы изучим лексико-грамматические особенности языка английских заголовков новостей в целом, отражающих лингвокультуроведческие особенности современного английского языка. Материалом для исследования послужили заголовки новостных статей, получаемые методом сплошной выборки, из британских и американских газет «The Guardian», «The Times», «The New York Times», «The Wall Street Journal». Общее число исследуемых заголовков составляет 23 единицы, которые представлены в настоящей работе в качестве иллюстративных примеров.

В самом широком плане заголовки можно разделить на две группы – «предикатные» и «беспредикатные». К предикатным относятся заголовки, представляющие собой целые предложения с выраженным подлежащим и сказуемым при возможном наличии и других членов: “Peace gets another chance”, “Hoon hesitates to send Marine task force”, “One by one, Zimbabwe throws out the rules”, “Panic could be biggest illness”. В большинстве случаев глаголы в заголовках используются в настоящем времени, изъявительном наклонении, так как при этом выполняется одна из главных целей заголовка – актуализация события.

К беспредикатным относятся заголовки, состоящие из имени существительного с различными определениями: “Cheken Rebel Leader without a cause”, “Nuclear plants on alert after “credible” threat”.

Часть заголовков не относятся ни к первой, ни ко второй группе (герундиальные обороты, предикативы к подразумеваемому подлежащему и т.п.): “Beware dealers charter”.

Имея в виду назначение заголовков – информировать читателя относительно основного содержания публикуемого материала, не удивительно, что заголовки часто представляют собой целые предложения:

Hydroxychloroquine: Trump's Covid-19 'cure' increases deaths, global study finds
Blair warns of a most testing time ahead.

Why Sweden is unlikely to make a U-turn on its controversial Covid-19 strategy.

Здесь также прослеживается тема коронавируса, которая стала актуальной в начале декабря 2019 года. Тогда мир даже не предполагал, во что это все может вылиться. Заголовки газет «пестрят» сообщениями о нашествии коронавирусной инфекции на мир. Ведь так или иначе затронуты оказались все страны мира.

По своей структуре беспредикатные заголовки представляют собой существительные с определениями, которые могут стоять или перед определяемым словом (препозиционные) или после него (постпозиционные). Особенностью правых определений, используемых в заголовках новостей, является то, что почти все они представляют собой предложные группы:

Vacuum cleaners linked to miscarriage.

Attack on key city repelled by Taliban.

Britain's railways 'worst in Europe”.

Причастные и герундиальные обороты, весьма распространенные в обычном языке, почти полностью отсутствуют. Очень редко встречаются инфинитивные группы, воспринимаемые как определения к существительному:

Computers “to replace teachers”.

Employers to face furlough demand.

BBC to show lockertie appeal.

Time to break the rules and visit grandparents?

В таких заголовках выражена аспектуальность действия: начальная форма глагола представляет действие в потенции реализации, герундий – действие в процессе развития, причастие – окончание действия. Эти признаки придают разную стилистическую окраску газетному высказыванию [2, 1-2].

И еще одна особенность стиля заголовков: среди предложных групп, составляющих огромное большинство правых определений, почти не встречаются группы с предлогом *of*, столь широко используемые в обычном языке: “Border chaos after refugee surge”, “New brothers in arms – and cash and intelligence”, “Traitor Blunt’s secret memoir”. Причина этого, видимо, связана с общей тенденцией к «грамматической экономии», к «грамматической скупости» языка заголовков новостей. Как правило, вместо правых определений с предлогом *of* в заголовках употребляются левые беспредложные определения: “A reconditioned model”, “Mystery man”, “Endangered species”.

Отмечается высокий процент опущения личных форм глагола *to be*: “States within the state”, “UK and EU clash over crime-fighting database in Brexit talks”. Это позволяет говорить о нем как о закономерной тенденции, которая представляет собой грамматическую особенность стиля газетных заголовков.

Также в пределах самого заголовка можно заметить тенденцию давать на первом месте информацию (принцип релевантности). Это слово иногда дается совершенно самостоятельно, вне всякой грамматической конструкции. Это как бы точка, вокруг которой далее описываются концентрические круги, каждый из которых соответственно расширяет объем сообщаемой информации [13]. Для оформления таких заголовков используется двоеточие после первого слова. Этот знак как бы приглашает читателя узнать что-то о предмете, указанном первым словом. Это можно проиллюстрировать на следующем примере: FBR missed vital bioterrorism clues. Подзаголовок, набранный менее крупным шрифтом: Investigation articles about ‘killer microbes’ found in suspect hijackers flat. Вслед за ним следует первая фраза текста, набранная жирным шрифтом: The FBI was scouring Arab-American neighbourhoods in New Jersey yesterday for the sender of anthrax-laced letters that could reveal the first definite link with the September 11 attacks. Далее дается фраза, набранная крупным, но не жирным шрифтом, в которой сообщаются дополнительные важные сведения. Затем текст суживается в одну колонку, где первый абзац набран обычным шрифтом.

Следует обратить внимание на традицию английских газет повторять с некоторыми дополнениями содержание заголовка в первых пяти-шести строках текста. По-видимому, этим компенсируется возможная потеря четкости и однозначности смыслового содержания заголовков, связанная со скупостью используемых в них грамматических средств.

Хотелось бы отметить и лексический состав заголовков новостей. Отмечается тенденция к употреблению коротких выразительных слов, позволяющих создать

яркий образ [14, с.136; 15]. Прежде всего это относится к глаголам. Вместо *to leave a job* употребляется *quit*, вместо двусложного глагола *reduce* (сокращать) – односложный *cut* (резать). Иногда образный глагол *slash* (рубить саблей) или *axe* (рубить топором). В значении *to affect badly* (критиковать) часто употребляется *hit at* (ударять по). Вообще в заголовках отдается предпочтение коротким односложным глаголам, например: *get, move, sack, want, win*:

Princess quits Britain's to escape glare of cameras.

Shareholders get power over executive pay.

Так, О.К. Денисова и Л.П. Позняк указывают на широкое распространение в газетном стиле следующих компонентов [16]: политических и экономических терминов (*apartheid, by-election*), «газетных» клише (*vital issue, well-informed sources*), аббревиатур (*PM, NATO*).

Нередко в целях достижения оптимального воздействующего эффекта в газетные заголовки материалов проникают разговорные, эмоциональные и оценочные лексические единицы, которые служат для оценки социально актуальных фактов. Чтобы привлечь внимание читателей, авторы могут использовать слова, несущую особенно сильную коннотацию, т.е. эмоциональную нагрузку, выходящую за пределы их буквальных. Оценочные слова, обладающие эмоциональной импликацией, могут вызвать положительное или негативное отношение к скрытому значению слова значений [9, с. 18].

В результате нашего обзора лексико-грамматических особенностей языка английских заголовков новостей можно сделать следующие выводы. Вышеуказанные лексико-грамматические особенности придают заголовку живость, приближают читателя к излагаемым событиям и усиливают к ним интерес. Эти особенности сближают язык заголовка с живой разговорной речью, т.е. намечаются определенные тенденции дальнейшего развития английского языка в условиях растущих темпов и напряжения современной жизни. Газетные заголовки должны легко читаться и восприниматься без затруднений, так как газеты нацелены чаще всего на широкую аудиторию. В то же время газетный заголовок должен быть достаточно выразительным, чтобы привлечь внимание читателя. Заголовок в газете кратко информирует читателя о содержании газетного материала, осведомляет о значении, характере и степени важности событий, отразившихся на страницах газеты. Можно констатировать, что заголовок – это коммуникативная единица, которая имеет особый стиль написания, выполняет собственные функции и обладает набором

специфических лексико-грамматических особенностей, отражающих лингвокультуроведческие особенности современного английского языка.

Именно язык газетных сообщений в наибольшей степени отражает те явления, которые создают своеобразие английского языка наших дней. Помимо объективной информации, выраженной эксплицитно, заголовок несет в себе также прагматический потенциал, выраженный имплицитно (отражение мировоззренческой позиции автора).

Изучение языка газеты, использование газетных материалов в преподавании английского языка необходимы для совершенствования собственно языковых, лингвистических, лингвострановедческих знаний специалистов-филологов.

Список литературы

1. Артемов В.Б. Особенности заголовков англоязычной прессы // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 9. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2016/09/16297> (дата обращения: 05.06.2020).
2. Верещинская Ю.В. Газетный заголовок в аспекте медиалингвистики (на материале испанской прессы) // Коммуникация, дискурс, профессиональное общение: лингвокультурологический аспект // Вестник МГЛУ. 2009. №. 561. С. 126–136.
3. Иванова С.А. Языковые особенности заголовков в английской прессе. 2019. Режим доступа: <https://lektsii.org/12-47189.html> (дата обращения: 05.06.2020).
4. Иноземцева Н.В. Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей Вестник Оренбургского государственного университета 2015 № 11(186). с. 142-146. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnye-osobennosti-zagolovkov-angloyazychnyh-gazetnyh-statey> (дата обращения: 05.06.2020).
5. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. 22 с.
6. Николаева М.Н. Лингвистические особенности англоязычных газетных заголовков с ономастическим фразеологизмом // Вестник Московской международной академии. 2016. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-osobennosti-angloyazychnyh-gazetnyh-zagolovkov-s-onomasticheskim-frazeologizmom> (дата обращения: 07.06.2020).
7. Русина Ю.Н. Особенности газетных заголовков, представляющие трудности при переводе (на материале современной прессы). 2019. Режим доступа: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/12081/1/90%2C%20Русина.pdf> (дата обращения: 07.06.2020).
8. Swan M. Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press, 2005. 688 p.
9. Reah D. The Language of Newspapers. London, New York: Routledge, 2004. 121 p. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=egyDP6iXjsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 07.06.2020).
10. Долгирева А. Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 25 с.

11. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.
12. Рудницкая И. А. Прагматическая направленность газетного заголовка // Вопросы лексикологии и стилистики французского языка. Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М.: 1981. Вып. 177. С. 157-179.
13. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
14. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. 424 с.
15. Morley J. Truth to Tell: Form and Function in Newspaper Headlines. – Bologna: CLUEB, 2003. 214 p.
16. Денисова О.К., Позняк Л.П. Учебно-методическое пособие по стилистике английского языка (для студентов факультетов заочного обучения лингвистических вузов и факультетов иностранных языков). – Иркутск: ИГЛУ, 2014. 201 с.

УДК 811.112.2

Об особенностях функционирования аббревиатур в немецкоязычных средствах массовой информации

Фомичёва Марина Петровна

ст. преподаватель кафедры романо-германских языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), Москва, РФ

Юрченко Виолетта Витальевна

студентка 5 курса факультета иностранных языков Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), Москва, РФ

On peculiarities of the German language media abbreviations functioning

Fomicheva Marina Petrovna

senior lecturer of Romano-Germanic languages department
Moscow State University of Humanities and Economics, Russia, Moscow

Jurtshenko Violetta Vitalevna

graduate student, Moscow State University of Humanities and Economics
Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному исследованию языка современной немецкой прессы с точки зрения описания аббревиатур в ней. Актуальность работы определяется стремительно растущим числом аббревиатур в языке немецкой прессы и необходимостью более полного исследования данного явления ввиду усиления внимания лингвистов к текстам массовой коммуникации. В статье рассматриваются аббревиатуры различных структурных типов в немецком языке и особенности их функционирования в немецкоязычных средствах массовой информации. Авторами были рассмотрены различные классификации аббревиатур в немецком языке, а также типичные черты публицистического стиля.

Ключевые слова: сокращения, процесс аббревиации, аббревиатуры, классификация аббревиатур, произношение английских аббревиатур, функции аббревиатур, особенности функционирования аббревиатур в публицистическом стиле.

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the language of the modern German press in terms of describing abbreviations in it. The relevance of the work is determined by the rapidly growing number of abbreviations in the language of the German press and the need for a more complete study of this phenomenon due to the increasing attention of linguists to mass communication texts. The article deals with abbreviations of various structural types in the German language and features of their functioning in the German-language mass media. The authors considered various classifications of abbreviations in the German language, as well as typical features and features of the journalistic style.

Key words: contracted words, abbreviation process, abbreviations, abbreviation types, pronunciation of English abbreviations, functions of abbreviations, features of functioning of abbreviations in the journalistic style.

История возникновения и становления сокращений в немецком языке насчитывает несколько веков. Германская модель редукции слов тесно связана с древнегреческой и латинской моделями редукции. Сокращения у обладающих письменностью народов встречались уже очень давно: “*Abgekürzt wird, seit geschrieben wird*» [13].

Действительно, истоки аббревиации можно увидеть в античной письменности. В древнегреческих рукописях было найдено множество знаков для сокращения слогов, двойных гласных и согласных [9].

Римляне в I веке до н.э. тоже использовали особые значки, чтобы экономить место на дорогих глиняных дощечках. Эти предшественники аббревиатур вместе с латынью использовались и в средние века, в надписях, на монетах и т.п. Так, например, широко употреблялась аббревиатура *AD* – *Anno Domini* (в лето Господне) с указанием года; *D.O.M.* для *Deo Optimo Maximo – dem besten und höchsten Gott* (величайшему Богу).

В древних германских именах собственных нередко сокращения, состоящие из двух основ: *Fridurich* - *Frido*, *Wartgis* – *Giso*, *Nidbert* – *Nippo*. Первое литературное произведение на германском (готском) языке – Библия в переводе миссионера Вульфилы. В ней можно увидеть такие сокращения как *FA* – *frauja*, *IS* – *Jesus*, *ICS* – *Jesus Christus*. [9].

Таким образом, сокращения издавна использовались в целях экономии места, но одновременно они были способны исполнять другие функции: писцы употребляли сокращения, чтобы сделать текст более обозримым и удобным для чтения, сокращения часто означали конец строки, особенно в XIII–XIV веках, когда точка еще

не имела нынешней функции; правильно использованные сокращения часто служили свидетельством образованности составителя, сокращения в юридических, торговых документах использовались для намеренного сокрытия информации, которой следовало оставаться недоступной для третьих лиц.

Процесс аббревиации не имеет единого определения, так же как и его результат – аббревиатура. Под процессом чаще всего понимается сокращение слова или словосочетания с целью компрессии. Процесс образования сокращений – аббревиация определяется как замена какого-либо устойчивого языкового выражения (слова, словосочетания) в устной или письменной речи более коротким выражением с сохранением общего смыслового содержания. Суть процесса аббревиации заключается в его использовании в коммуникативных целях.

Алексеев Д.И. понимает под термином *аббревиация* «способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [1, с. 204], где аббревиатура является результатом такого процесса. При этом под термином «сокращение» принято понимать и процесс, и результат преобразования формы слова или словосочетания.

Е.А. Вишнякова определяет процесс аббревиации как «способ словообразования, с помощью которого создаются новые слова особой структуры, которые с течением времени приобретают собственные черты лексико-фразеологической сочетаемости и морфосинтаксического функционирования, репрезентируя на вербальном уровне новые когнитивные структуры» [5, с. 62].

В данной статье мы вслед за Куткиной А.Ю., под аббревиатурой понимаем лексическую единицу, «которая состоит из отдельных (сокращенных) элементов исходного слова или словосочетания» [6].

При изучении процесса аббревиации невозможно обойти вопрос классификации аббревиатурных единиц. Так же, как и в определении аббревиатур, в данном вопросе нет единого мнения. Немецкие исследователи (Г.Бельман, В. Фляйшер), отечественные лингвисты (М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, В. Арнольд, Д.И. Алексеев, В.В. Борисов) производят классификацию, принимая во внимание, каким способом сокращения образована аббревиатура (усечение, стяжение, усечение + стяжение) [16]; а также по различным критериям – фонетическому, морфологическому, и даже количественному. Так, к примеру, И. В. Арнольд классифицирует инициальные аббревиатуры по количеству начальных букв. По фонетическому признаку Д.И. Алексеев выделяют графические (только для

зрительного восприятия и при чтении должны расшифровываться) и лексические аббревиатуры (реализуемые как в устной, так и в письменной речи) [1, с. 104].

При классификации аббревиатур учитывается структурная простота или сложность аббревиатурной номинации. Т.С. Сергеева выдвинула свою классификацию на основе таких критериев [12], куда включила: инициализмы (алфавитизмы) (с произношением по алфавитному принципу); акронимы (читаемые как слова); усечения – аббревиатурные номинации, образованные с помощью опущения букв или слогов основы сокращаемого слова; и слияния (слова-слитки, сращения, телескопизмы).

А.С. Насырова, изучая процесс аббревиации, добавила к существующим типам аббревиатур буквенно-цифровой (напр. G7). Кроме того, в соответствии с закономерностями произношения и особенностями слоговой структуры, она выделила два типа [10]: консонантные, то есть не имеющие в своем составе гласных и консонантно-вокальные, то есть включающие в свой состав гласные и согласные.

Проанализировав классификации, мы выделили для себя классификацию И. Г. Ольшанского и А. Е. Гусевой, так как она, по нашему мнению, наиболее полно учитывает все разновидности аббревиатурных номинаций.

Рассмотрим ее подробно. И. Г. Ольшанский и А. Е. Гусева выделяют в немецком языке следующие виды аббревиатур:

1. Буквенные аббревиатуры/акронимы (*Buchstabenabkürzungen*) – слова, возникшие вследствие сокращения буквенной записи слова или словосочетания до первой буквы корня слова (так называемые акронимы):

Das EVU (das Elektrizitätsversorgungsunternehmen / Организация по энергоснабжению); die BRD (die Bundesrepublik Deutschland / Федеративная Республика Германия);

2. Звуковые аббревиатуры (*Lautabkürzungen*) – аббревиатуры, состоящие из начальных звуков каждого слова словосочетания (они читаются как слова): например, *die UNO (United Nations Organization /die Organisation der Vereinten Nationen – Организация Объединенных Наций), die NATO (North Atlantic Treaty Organization /Nordatlantikpaktorganisation – НАТО);*

3. Слоговые аббревиатуры (*Silbenabkürzungen*) – слова, возникшие вследствие усечения компонентов исходного сложного слова или каждого компонента словосочетания до размеров первого слога. Сюда часто относятся наименования фирменных изделий и самих фирм и организаций, например:

Hanomag=*Hannoversche Maschinenbau-AG* – Ганноверское акционерное общество машиностроительных и автомобильных заводов, *Entega*=*Energie+telefon+gas* – фирма-поставщик энергии в Германии.

4. Контрактуры (*Kontrakturen* oder *Klappwörter*) – слова, возникающие вследствие усечения любой части исходного слова или группы слов. Контрактуры различаются по тому, какая часть слова подвергается усечению:

а) Инициальные слова: *Ober* (*Oberkellner* / офицант), *Demo* (*Demonstration*);

б) Финальные слова: *Cello* (*Violoncello* / виолончель); *Funk* (*Rundfunk* / радио);

Стоит отметить, что гораздо реже опускается центральная часть слова, например: *Deko[rations]stoff* – декоративная ткань, *Alko[hol]test* – проверка на содержание в организме алкоголя (для водителей автомашин). Такие слова обычно бывают авторскими, их называют также *Kofferwörter* (словостяжение, или слово-бумажник).

5. Смешанный тип аббревиатур (*der gemischte* oder *der Übergangstyp*) – тип слов, при котором сокращается первый элемент слова, а второй остается неизменным: *die S-Bahn* (*Stadtschnellbahn* / городская скоростная железная дорога); *US-Präsident*, *GPS-Technik*, *PDF-File*, *Brexit* (***Britain***+ *exit*).

6. Графические аббревиатуры (*Grafische Abkürzungen/Kontraktionen*) – сокращенные слова, в которых отсеченная часть слова обозначается косой чертой, дефисом, точкой, косой чертой или тире: *Jh.* (*Jahrhundert* / столетие), ***kWh*** (***Kilowattstunde***/киловатт-час). [11, с. 118].

В большинстве буквенных аббревиатур прослеживаются названия государственных учреждений (*DIV*=*Deutscher Industrie-Verband* – Союз немецких промышленников, *DIN*=*Deutsches Institut für Normung* – Немецкий институт по стандартизации), политических и международных организаций (*NADA* – *die Nationale Anti-Doping-Agentur* – Национальное антидопинговое агентство), национальных обществ (*DOSB* – *der Deutsche Olympische Sportbund* - Олимпийская спортивная конфедерация Германии), производственных предприятий и фирм (*WVB* = *Wissenschaftlicher Verlag Berlin* – Научное издательство Берлин, GmbH, AG), техники (*LKW* = *Lastkraftwagen* – грузовой автомобиль, *WAB* = *Wechselaufbau* – сменный кузов), законодательных документов (*BGB* – *Bürgerliches Gesetzbuch* – Гражданский кодекс) и т. д. Эти аббревиатуры чрезвычайно распространены в современном немецком языке, но лишь часть из них является продуктом собственно немецкого словотворчества.

Помимо сокращений, существующих уже давно, многие из этих слов заимствованы из английского и французского языков. Использование английских аббревиатур в немецком языке имеет давнюю традицию. С 1945 года процесс заимствования аббревиатур из английского в немецкий язык значительно усилился. По мнению некоторых немецких исследователей, решающую роль в этом сыграла Вторая мировая война, которая ознаменовала собой языковой и культурный „поворотный момент“ в истории немецкого языка [14, с. 46].

Заимствованные из английского языка буквенные аббревиатуры по большей части читаются по-английски, т. е. по названиям букв английского алфавита, например: *MP* [em'pi:] = *Military Policy* (американская военная полиция). Но часто можно встретить прочтение английских аббревиатур по названиям букв немецкого алфавита *TV* ['ti'vi] = *Television* (иногда: [te:'faʊ]), *ICE* [i:tse:'|e:].

При изучении теоретического материала мы также отметили следующее.

Произношение английских аббревиатур подразделяется на две главные категории – аббревиатуры, где последовательность начальных букв произносится по слогам (как фонетически полноценные слова). Такое произношение базируется на чередовании согласного-гласного-согласного звуков. Например, *Aids* [erts], *Pisa* [pi:za], *Laser* ['leizɐ], *Radar* [rada:].

Вторая категория – это аббревиатуры, состоящие, в основном, из согласных букв, и каждая произносится индивидуально – *SMS* [ɛs|ɛm'|ɛs], *PC* [pe:'tse:], *USB* [u:|ɛs'be:], *USA* [u:|ɛs'|a:], *PR* [pe:'|ɛr] [14, с. 145].

Но были также выделены аббревиатуры, заимствованные из английского языка, имеющие два произносительных варианта. Например, *VIP* [vip] и [vi:ai:pi].

Таким образом, четких правил произношения или определенных норм при произнесении англоязычных аббревиатур в немецком языке не отмечено. Скорее, можно наблюдать, что, как только процесс заимствования завершен, произношение адаптируется к фонетической звуковой системе принимающего языка. При этом значительную роль играют время и продолжительность существования английской аббревиатуры в немецком языке. Например, *USA* [u:|ɛs'/a:] vs. *NSA* [en/ɛs'/eɪ] [14, с.146-148].

Поскольку авторы задавались целью проанализировать употребление аббревиатур различных структурных типов в немецкоязычной прессе, рассмотрим особенности языка средств массовой информации. Газеты или журналы ориентированы на массового читателя и реципиентом может быть совершенно непохожая по самым разнообразным характеристикам аудитория. Для этой

аудитории характерны определенные категории с точки зрения сознательности, интереса, уровня мышления, стилистического опыта и вкуса. Массовый читатель требует от газеты постоянного разнообразия жанров и стилевых приемов. Поэтому, «при подготовке текста статьи журналист должен учитывать множество характеристик реципиента, как общих для всех речевых актов, так и специфических, например, систему ценностей, принципов и идеалов» [7]. Журналистика рационально, сознательно и честно подходит к вопросу учета интересов массы читателей. В задачи воспитания общественного сознания входит также воспитание сознательного отношения читателя к газете. Это одна из важных задач функционального публицистического стиля речи [3, с. 21–24].

К функциям этого стиля относят экспрессивное воздействие и передача информации. Сюда входят газетные и журнальные статьи, агитационные листовки, репортажи. Черты стиля: массовый характер коммуникации, точность, сдержанность, официальный характер.

Академик В. В. Виноградов предложил различать основные функции языка – функцию общения, функцию сообщения и функцию воздействия [4, с. 6], «в зависимости от типа передаваемого понятийного содержания и одновременно от типа используемых языковых (речевых) единиц» [8, с.350]. А.А. Липгарт подчеркивает, что в текстах публицистического характера реализуются функция сообщения и функция воздействия, но передача специальной информации данному стилю не свойственна. «Особенностью функционального стиля публицистики является то, что в силу его языковой и содержательной специфики обсуждение тем в рамках этого стиля упрощает понятийный план и дискуссия становится более доступной для всех, ее переводят на более или менее популярный уровень» [8, с.352].

Причиной использования сокращений в языке прессы является языковая экономия; хотя сокращения используются во всех функциональных стилях в той или иной степени.

Аббревиатуры играют заметную роль в публицистическом тексте и выполняют определенные функции. И.В. Варфоломеева выделяет следующие функции аббревиатур:

- 1) Функцию компрессии текста, повышения его информативности за счет сокращения протяженности текста;
- 2) Экспрессивную функцию в заголовках для придания им краткости и броскости;

3) Экспрессивную функцию за счет контрастного употребления аббревиатур на фоне нейтральной и книжной лексики для снижения общей тональности текста, придания ей разговорной окраски;

4) Экспрессивную функцию для создания иронического или юмористического эффекта [3, с.60]

Употребление аббревиатур в современной прессе напрямую связано не только с краткостью изложения информации, информативностью, стремлением к стандарту, но и с оценочностью и экспрессией материала. Компрессия относится к форме аббревиатуры, а экспрессия связана с содержанием высказывания, его эмоциональностью, оценкой.

Чтобы проследить функцию аббревиатур в немецкоязычных СМИ, мы опирались на классификацию И.В. Варфоломеевой, а также рассмотрели типы аббревиатур по классификации И. Г. Ольшанского и А.Е. Гусевой.

Материалом для исследования послужили предложения (включая заголовки) с аббревиатурами, отобранные методом выборки из статей еженедельного журнала *Der Spiegel* (его онлайн-версии). Выбор журнала обоснован тем, что *Der Spiegel* имеет авторитет в читательских кругах, это общенациональное издание. Журнал не содержит, в целом, лексики сниженного регистра. Так как исследование было начато в январе, первоначально для анализа были выбраны рубрики «Политика» и «Экономика». Каждая статья исследовалась на наличие аббревиатур. Было отсмотрено около 300 статей.

Позже мы включили в анализ ставшую неожиданно актуальной новую рубрику «Коронавирус». За очень короткий промежуток времени эта тема стала доминирующей, даже в большинстве статей из выбранных нами рубрик. Название *COVID-19* образовано от словосочетания «*coronavirus disease 2019*» (англ. «*коронавирусная болезнь 2019*»). В апреле британская газета *The Guardian* сообщила, что слово *COVID-19* зафиксировано в Оксфордском словаре английского языка. Исполнительный редактор словаря Бернадетт Пэтон, которую цитирует «Гардиан», отметила, что это крайне редкое явление для лексикографов – в течение такого короткого периода наблюдать огромный рост многих терминов, связанных с коронавирусом [17].

Таким образом, было рассмотрено 192 аббревиатуры. Наибольшее количество аббревиатур выделено в рубрике «Экономика» – 99 единиц.

Буквенные аббревиатуры/акронимы (41 единица – 41,4 %) в данной рубрике, как уже отмечалось выше, называют, в основном, учреждения, предприятия,

организации и т. п. Приведем примеры: *WTO (Welthandelsorganisation)*, *US-Technologiekonzern IBM*, *VW (Volkswagen)*, *HSH Nordbank*, *EuGH – der Europäische Gerichtshof*. Данные аббревиатуры служат для выполнения функции компрессии текста, повышения его информативности за счет сокращения протяженности.

В данной рубрике было выделено 46 (46,5 %) аббревиатур смешанного типа. Например, *US-Arbeitslosigkeit*, *E-Mobilität*, *EZB-Präsidentin*, *E-Auto-Pionier*.

В заголовке *EU-Kommission setzt auf Öko-Landwirtschaft (Еврокомиссия делает ставку на экологическое сельское хозяйство)* употреблены две аббревиатуры в качестве функции компрессии, чтобы добавить ему броскости и лаконичности.

Звуковые аббревиатуры – всего 3 единицы (3,03%). Например: *CETA=Comprehensive Economic and Trade Agreements*, *Ifo=Institut für Wirtschaftsforschung in München*.

Отдельно выделим аббревиатуру с разными вариантами произношения – как буквенную и как звуковую: английская аббревиатура *SUV=Sport Utility Vehicle (спортивно-утилитарный автомобиль)* произносится [*es ju: 'vi:*] и [*zɔf*].

В рубрике «Экономика» мы выделили 2 контрактуры (2 %). Примеры: *_Co.=Company*, *BER=Air Berlin Deutsche Fluggesellschaft*.

Также были найдены 7 (7,07 %) буквенно-цифровых аббревиатур, которых не выделяют в своей классификации Олышанский и Гусева. Приведем примеры: *CO2*, *G20*, *COVID-19*, *Sars-CoV-2*. Эти аббревиатуры используются для достижения информативности текста за счёт его сокращения.

Слоговые и графические аббревиатуры в данной рубрике нам не встретились.

В рубрике «Политика» мы выделили 65 аббревиатур. И так же, как в «Экономике», преобладают аббревиатуры смешанного типа – 28 (43%). Но отрыв буквенных аббревиатур в данном случае невелик. Их мы нашли 24 (почти 37%). Акронимы здесь также служат в подавляющем большинстве названиями партий, международных организаций, законодательных документов. Например, *die SPD*, *die CSU*, *die CDU*, *die AfD =Alternative für Deutschland*.

Смешанные аббревиатуры разнообразны. В усеченной части можно увидеть инициальную контрактуру – *Brexit (Britain+ exit)*, *Corona-Protteste*, *Coronaopfer*), буквенно-цифровую аббревиатуру (*5-G-Mobilfunkmasten*, *CO2-Emissionen*), акроним или звуковую аббревиатуру (*IT-Infrastruktur*, *US-Präsident*, *Kfz-Steuer*, *TV-Comedian*, *Uno-Waffenembargo*), либо одну букву – *E-Klasse*.

Наличие разного рода терминологических сокращений повышает уровень плотности когнитивной информации. Посредством активного использования

аббревиатур достигается языковая экономия, которая является одним из требований оформления текста прессы. Необходимо отметить, что аббревиатуры могут быть представлены в тексте в совокупности с их объяснением, если речь идет об английских или иных неизвестных читателю сокращениях. Но названия политических партий, конечно, не требуют расшифровки.

Мы выделили в рубрике «Политика» 5 (7,7%) звуковых аббревиатур. Например, *die Uno=United Nations Organisation, die Nato – North Atlantic Treaty Organization*. Неожиданно для данной рубрики было встретить аббревиатуру *LOL*. Это интернациональная аббревиатура “*laughing out loud*”, появившаяся в интернете в молодежном сленге, и закрепившаяся в сетевом общении. С английского языка на русский переводится «смеяться в голос, расхохотаться, громко смеяться» и т.п. В немецком языке может расшифровываться также «*Lachen ohne Lücken*» (Смеяться без остановки). Объясняется это тем, что ее употребляет респондент, который отвечает на вопросы журналиста. В данном случае аббревиатура выполняет экспрессивную функцию за счет контрастного употребления аббревиатур на фоне нейтральной и книжной лексики для снижения общей тональности текста, придания ей разговорной окраски.

Мы также нашли 2 слоговых аббревиатуры (3 %) – *GroKo - Große Koalition, Kitas =Kindertagesstätten*; 3 графических аббревиатуры (4,6 %). Например, *etc. =et cetera. vs.=versus*.

Последний пункт данной рубрики – контрактуры. Их было выделено 3 (4,6 %). Это инициальные контрактуры – *Corona (Coronavirus), Demo(Demonstration)*, а также авторское слово *Merkron = Merkel+ Makron*.

В заголовке *Merkrons 500-Milliarden-Euro-Ding* автор соединил начальную часть имени *Merkel* и второй слог имени *Makron*, чтобы выразить свою иронию к идее создания фонда восстановления европейской экономики на 500 миллиардов евро, предложенной канцлером Меркель.

Третья рубрика «Коронавирус» насчитывает 28 единиц. Но только потому, что мы не стали повторно фиксировать аббревиатуры, найденные в двух предыдущих рубриках. Приведенная выше инициальная контрактура *Corona*, буквенно-цифровая *Covid-19* и звуковая аббревиатура *SARS* стали основой для большого количества смешанных аббревиатур. Например, *Sars-Pandemie, Sars-Viren, Covid-19-Erkrankungen, Covid-19-Toten, Covid-19-Patienten, Corona-Prämie, Corona-Gesetze, Corona-Tracing-App, Corona-Epidemie, Coronakrise*, и даже *Corona-Partys, Corona-Exit*.

В заголовке *Schrittweiser Corona-Exit: Ist Deutschland bereit für die Lockerungen?* (Постепенный выход из самоизоляции. Готова ли Германия к ослаблению режима?) аббревиатура выполняет функцию компрессии, чтобы добавить ему броскости и лаконичности.

Приведем статистику. Смешанные аббревиатуры – 14 (50 %); буквенные – 7 единиц (25 %). Примеры: *Die WHO= Weltgesundheitsorganisation* – ВОЗ, *BZgA=Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung* – Федеральный центр санитарного просвещения.

Звуковые аббревиатуры – 3 единицы (10,7 %). Например, *FAQ=Frequently Asked Questions (Häufig gestellte Fragen)* – часто задаваемые вопросы, *CEDIM=Centers for Disaster Management and Risk Reduction Technology*.

Буквенно-цифровые аббревиатуры найдены в количестве 4 единиц (14,3 %).

Примеры: *Sars-CoV-2 (Severe Acute Respiratory Syndrome"-Coronavirus-2), Ace2*.

Таким образом, по результатам анализа мы выяснили, что наиболее применимой в тексте прессы является функция компрессии, используемая для повышения информативности текста за счет сокращения его протяженности. Мы выявили **экспрессивную функцию** для снижения общей тональности текста, придания ей разговорной окраски, за счет контрастного употребления аббревиатур на фоне нейтральной и книжной лексики. Нам также удалось выделить в заголовках экспрессивную функцию для создания иронического или юмористического эффекта.

Особое место в проведенном исследовании отведено выделению и распределению отобранных примеров по основным типам аббревиации. Наиболее встречающийся тип аббревиатур – смешанный, второе место занимают буквенные аббревиатуры.

В заключение скажем, что аббревиатуры давно вошли в активный словарный запас человека, и являются ценным источником культурного достояния и словарного состава языка.

Список литературы

1. Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: СГУ, 1979.- 328 с.
2. Богатырева Н.А. Ноздрин Л.А. Стилистика современного немецкого языка = *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.– М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
3. Варфоломеева И.В. Основные функции аббревиатур в современном англоязычном художественном тексте. – Вестник МГЛУ, № 522. – 2007. - С. 52-

61. [Электронный ресурс]: <https://vivliophica.com/articles/linguistics/654582> (дата обращения 27.04.2020)
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 256 с.
5. Вишнякова Е.А. Место аббревиации в словообразовательной системе современного английского языка. — Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, №6, Выпуск 21
6. Куткина А.Ю. Аббревиация в русской и немецкой политической терминологии как проблема перевода/ автореферат дисс. [Электронный ресурс]: <http://dereksiz.org/abbreviaciya-v-russkoj-i-nemeckoj-politicheskoj-terminologii-k.html> (дата обращения 25.04.2020)
7. Ленкова Т.А. К проблеме публицистического стиля и письменного дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Вып. 43. С. 94-98. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-publitsisticheskogo-stilya-i-pismennogo-diskursa-smi> (дата обращения 14.04.2020)
8. Липгарт А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ Под ред - М.Н. Володиной.—М.: Академический проект; Альма Матер, 2008.-760 с.
9. Манерова К.В. Историческое развитие сокращений в немецком языке// За каждым словом стоит целый мир, сборник науч. статей, под ред. Панкратовой С.М., Спб, издательство С.-Петербургского государственного университета, 2009. Электронный ресурс, URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/51425332/za-kazhdym-slovom-pdf-/99> (дата обращения: 24.04.2020)
10. Насырова А.С. Функции иноязычных аббревиатур в современной газетной речи. — Вестник МГОУ. Серия: русская филология, №1, 2015 — С. 27-31. [Электронный ресурс]: https://elibrary.ru/download/elibrary_23197419_11518533.pdf (дата обращения: 09.01.2020)
11. Ольшанский И.Г., Гусева, А. Е. Лексикология немецкого языка : учебник и практикум для академического бакалавриата — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019
12. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений. — Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. — С. 174-179. [Электронный ресурс]: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_6-2_47.pdf (дата обращения: 09.01.2020)
13. Daiber, Hans Paul Spillners Kampf um logische Abkürzungen: Kurz, aber nicht bündig// Deutsches Ärzteblatt 37/1986. Электронный ресурс, URL: <https://www.aerzteblatt.de/pdf.asp?id=122356> (дата обращения: 09.05.2020)
14. Khuroshvili Nana, Untersuchung englischer Kurzwörter und Abkürzungen (EKA) im Deutschen und Georgischen Sprache. - Inauguraldissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität. - München.- 2015 Электронный ресурс, URL: https://edoc.ub.uni-muenchen.de/19862/1/Khuroshvili_Nana.pdf (дата обращения: 11.05.2020)
15. Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache (Степанова, М.Д., Чернышева, И.И. Лексикология современного немецкого языка) — М.: Академия, 2005.
16. Ярмашевич М. А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты/ автореферат дисс.,

- Саратов 2004. Электронный ресурс, URL:<http://cheloveknauka.com/abbreviatsiya-v-sovremennyh-evropeyskih-yazykah-strukturnyy-semanticheskiy-i-funktsionalnyyaspekty#ixzz6MpS6g5pj> (дата обращения: 11.05.2020)
17. Oxford dictionary revised to record linguistic impact of Covid-19 // The Guardian, 15.04.2020. Электронный ресурс, URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/15/oxford-dictionary-revised-to-record-linguistic-impact-of-covid-19> (дата обращения: 18.05.2020)

УДК 8.1

Функционально-семантические и прагматические аспекты развития модальных значений глагола 'willan' в древнеанглийском языке

Цвинариа Марина Евгеньевна

канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургского государственного университета, РФ, г. Санкт-Петербург
marina.tsvinaria@yandex.ru

Functional-semantic and pragmatic aspects of the modal development of the verb 'willan' in Old English

Tsvinaria Marina Yevgenyevna

PhD in Philology, Docent, Senior Lecturer at the Department of English Philology and Translation of Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления модальной семантики древнеанглийского глагола 'willan' с позиции актуального прагмалингвистического подхода к развитию значений языковых единиц в пределах одного исторического периода. С учетом семантического и функционального сходства 'willan' с той частью древнеанглийских претерито-презентных глаголов, которые принято относить к протомодальным, примеры его употреблений в эпосе «Беовульф» («Beowulf») рассматриваются с точки зрения его способности передавать различные логико-семантические типы и коммуникативные оттенки волитивной модальности. В процессе исследования выявлены контекстно-дискурсивные факторы, способствующие развитию у 'willan' динамических, деонтических и эпистемических модальных значений.

Ключевые слова: волитивная модальность, динамическая, деонтическая, эпистемическая, контекстно-дискурсивный анализ.

Abstract. The article is devoted to the problem of the evolvement of the modal semantics of the Old English verb 'willan based on the current pragmalinguistic approach to the semantic development of linguistic units within a certain historical period. Taking into account its semantic and functional similarity to the group of the preterito-present verbs commonly related to the Old English proto-modals the examples of the uses of 'willan' in «Beowulf» were examined from the point of view of its capability to express different logical-semantic types and communicative shades of volitional modality. The research has revealed

certain context-discourse factors affecting the development of 'willan' as a verb rendering dynamic, deontic and epistemic modalities.

Keywords: volitional modality, dynamic, deontic, epistemic, context-discourse analysis.

Вхождение глагола *willan* в класс модальных глаголов принято, как правило, относить ко времени формирования этой особой морфологической группы глаголов в среднеанглийский период. Как известно, основу этого класса составил ряд бывших древнеанглийских претерито-презентных глаголов, прошедших в течение древнеанглийского периода первый этап модализации их лексических значений и грамматизации в качестве модального модификатора процесса/действия, выраженного инфинитивом. Похожий процесс семантического и грамматического развития в этот же период проходит древнеанглийский глагол волеизъявления *willan*. Семантическое и функциональное сходство *willan* с претерито-презентными глаголами модальной семантики позволяет исследователям процесса диахронического развития логико-семантических типов модальности определять его значения в терминах «корневая», «динамическая» и «эпистемическая» модальность, принятых обычно для описания функциональной семантики протомодальных глаголов. В то же время приводимые в них интерпретации функциональных смыслов, передаваемых *willan*, как правило, лишены описания контекстных условий их реализации. В связи с этим отличительной чертой данного исследования является сочетание метода логико-семантической категоризации модальных значений с контекстно-дискурсивным анализом примеров употребления глагола *willan*. В качестве источника примеров был выбран эпос «Беовульф», содержащий разнообразные по их коммуникативным характеристикам высказывания с глаголом *willan*, что способствует выявлению контекстно-прагматических условий переосмысления значения волеизъявления и проявления в его рамках новых функциональных смыслов.

К древнеанглийскому периоду *willan*, очевидно, уже прошел определенный этап грамматического и семантического развития по пути приобретения признаков, присущих другим протомодальным глаголам. В частности, он утратил ряд древних черт, по которым в морфологической классификации древнеанглийских глаголов его принято относить к группе неправильных (атематических) глаголов, отличительным признаком которых в древних индоевропейских языках было окончание –*mī* в 1 л. ед. ч. наст. вр. В парадигме спряжения *willan* в древнеанглийском языке оно уже не представлено. Также, сравнивая его личные формы с готским глаголом *wiljan*, можно

отметить две инновации в его спряжении, сближающие его с древнеанглийскими претерито-презентными глаголами. Это окончание -t во втором лице ед.ч. (wilt) и употребление общего для форм презенса индикатива окончания -aþ для форм мн.ч. Еще одной общей с претеритерито-презентными глаголами чертой является образование форм прошедшего времени с помощью дентального суффикса -d (wolde) [11, с. 288].

Семантическое сходство willan с претерито-презентными глаголами в плане их развития в дописьменный период заключается в переосмыслении форм прошедшего времени в настоящее с той разницей, что для глаголов это были формы индоевропейского перфекта со значением результативности, а для willan формы прошедшего времени оптатива [11, с. 289]. В обоих случаях формы настоящего времени стали выражать то или иное состояние субъекта, определяемое исходным лексическим значением глагола. О том, что к древнеанглийскому периоду willan уже приобрел достаточно широкий спектр функциональных смыслов, свидетельствуют приведенные в Англо-саксонском словаре трактовки его значений и примеры его употребления. Из них следует, что помимо ядерного лексического значения волеизъявления он мог выражать цель, намерение, предписание, веление, склонность, привычность действия, признание, утверждение, а также выполнял грамматические функции передачи значений будущего времени и оптатива [5, сс.1227-28]. В большинстве случаев указанные оттенки значения willan отмечены при его употреблении с инфинитивом глагола основного действия, т.е. в составе лексико-синтаксической конструкции, характерной для функционирования глаголов модальной семантики.

Функционально-семантическое сходство willan с другими древнеанглийскими протомодальными глаголами подтверждается также его взаимодействием с ними по линии выражения различных оттенков волитивной модальности, в рамках которой sculan выражал долженствование, mōtan и magan разрешение, а willan желание и намерение. При этом willan, в отличие от sculan, близкого по значению к императиву, относился, как и оптатив, к средствам выражения косвенного побуждения, отличающегося тем, что осуществление действия определяется, в конечном счете, не зависящими от говорящего факторами. Отсутствие в значении оптатива willan семы каузации действия, присущей императиву и глаголу sculan, ограничивало выражаемую ими волитивную модальность рамками желательности возникновения обозначаемой говорящим ситуации без акцента на ее обязательную реализацию [2, сс. 203-206].

В обсуждении функциональных значений *willan* с позиции определения передаваемых им логико-семантических типов модальности основными для древнеанглийского периода признаются динамические и эпистемические смыслы, тесно связанные с коммуникативно-прагматическими аспектами его употребления. В целом *willan* характеризуется как глагол, передававший динамические модальные значения волеизъявления, желания и намерения, однако в определенных контекстных условиях могла происходить ре-интерпретация этих смыслов, ведущая к появлению других прагматических значений. Так, его отличительной чертой по сравнению с другими протомодальными глаголами признается очень ранняя способность *willan* передавать эпистемические оттенки в контексте утверждений, основанных на общеизвестных фактах. Подобные высказывания определяются как «общие предсказания» ('general predictions') [9, с. 69]. В них говорящим утверждается, что некое свойство обычно для субъекта или ожидаемо от него. Например, «*elependes hyd wile drincan wæter, gelice an spynged deð*» - 'Elephant's hide will absorb liquid, like a sponge does' Or 230.26 [10, с. 167]. Значение предсказания может проявиться также в рамках широкого контекста. При этом в рамках одного высказывания могут присутствовать различные функциональные смыслы *willan*. Например, «*þa Darius geseah þæt he overwunnen beon wolde (predictive), þa wolde (volitional) he hiene selfne ... forspillan*» (Or.128.5) - 'When Darius saw that he overcome he would, then wanted he himself... to-kill' [9, с.70).

Вопрос о последовательности появления у *willan* различных модальных значений в плане сопоставления его функционально-семантического развития с принятой для всех модальных глаголов однонаправленной линией процесса становления различных типов модальности 'root > dynamic > (deontic) > epistemic' решается неоднозначно. Придерживаясь этой схемы, А.Р.Уорнер, например, считает, что эпистемическая модальность ранее всего проявлялась вследствие расширения динамических субъектно-ориентированных значений в контексте обобщения [10, с.169]. Согласно другому мнению, эпистемические смыслы возникали в определенных контекстных условиях, минуя стадию субъектно-ориентированной (динамической) модальности. Таким образом, признается, что они развились непосредственно из его корневого значения волеизъявления в период, когда он еще оставался немодальным лексическим глаголом. В этом исследователи усматривают причину того, что эпистемические высказывания с *willan* в древнеанглийском языке не выражают отношение говорящего ко всему высказыванию [7; 9]. Другими словами, признаком начального развития эпистемической модальности у *willan* было не

усиление характерной для нее в целом в более позднее время субъективизации процесса, а, наоборот, проявление объективности в оценке вероятной ситуации, не зависящей от желания говорящего. Так, приведенные выше высказывания о способности слоновьего хобота впитывать воду или неминуемой гибели в непреодолимых обстоятельствах исключают субъективную волю говорящего и основаны на внешних факторах, лежащих в основе его наблюдений, знания, опыта и следующего за ними умозаключения.

Что касается функционирования *willan* как маркера будущего действия, то оно было обусловлено органически присущим таким динамическим оттенкам его основного значения желания, как намерение, план, цель, готовность, склонность и др., а также естественным образом сопутствовало эпистемическим значениям предсказания или предположения, поскольку все они содержат сему будущего. Однако следует иметь в виду, что сочетания *willan* с инфинитивом не могут в полной мере приниматься за полностью грамматизированные формы будущего времени, поскольку их инвариантным содержанием являлись желательность, намеренность или предсказуемость действия или ситуации, а не констатация времени их реализации как следующего за моментом речи [3, сс.99-100]. Таким образом, определение степени десемантизации *willan* в функции маркера будущего времени требует тщательного изучения конкретных контекстных условий его употребления.

Анализ функциональных значений глагола *willan* в «Беовульфе» проводился с учетом как общих когнитивных и коммуникативных аспектов, характерных для англо-саксонского героического дискурса, так и контекстно-дискурсивных факторов, влияющих на смысл высказывания в рамках отдельного речевого эпизода. Выявленные при этом ситуативно-контекстные смыслы рассматриваются в соответствии с выражаемыми ими логико-семантическими типами модальных значений.

I. Примеры выражения динамической модальности были рассмотрены с учетом двух семантических аспектов этой категории, которая, в целом, определяется как оценивающая происхождение событий или некоего положения дел с точки зрения их необходимости, возможности или желательности в рамках обстоятельственной соотнесенности, например, со способностями или желанием субъекта. Таким образом, внутри общего понятия динамической модальности различаются субъектно-ориентированные и нейтрально-динамические, или обстоятельно-ориентированные, смыслы, граница между которыми часто бывает размытой [8, 10]. В «Беовульфе» высказывания с *willan*, передающие волеизъявление, в целом, можно

отнести к примерам выражения субъектно-ориентированной модальности. Они представляют собой сообщения говорящего о его или чем-то намерении выполнить то или иное действие. При этом, однако, одновременно с выражением желания в них может также присутствовать обстоятельственный фактор, нейтрализующий субъективный по своей природе волеизъявительный смысл. Это позволяет характеризовать подобные случаи и как проявление нейтрально-динамической, или обстоятельственной модальности [8]. Так, например, охраняющий берег страж, встретив и пропустив Беовульфа и его дружину в датские владения, завершает беседу с ними словами:

(1) 318-19: Ic tō sæ **wille** / wið wġāð–werod wearde healdan [6, с.14]. – Я же к морю отправлюсь, чтобы от вражьих дружин дозор держать (Здесь и далее перевод наш – М.Ц.).

В них вместе с изъявлением воли передана и обстоятельственная необходимость поступить в соответствии с его долгом. Подобным образом, Беовульф, получив за свои подвиги богатые дары от Хродгара, вручает их своему вождю Хигелаку не только потому, что хочет выразить родственные чувства в ответ на его доброту к нему, но и следуя принятому в героическом обществе обычаю разделения своей военной удачи и славы со своим господином:

(2) 2148-49: þā ic dē, beorn-cyning, bringan **wylle**, / ēstum geūwan [6, с.91]. – Их (сокровища) я тебе, господин, хотел бы вручить благородным образом.

В случаях, когда речь идет о прошлых событиях, формы прошедшего времени могут передавать ретроспективное намерение как план действий:

(3) 480-84: Ful oft gebēotedon bēore druncne / ...þæt hīe in bēor-sele bīdan **woldon** / Grēndles gūpt mid gryrum eсga [6, с.21]. – Часто хвастали пирующие воины, что они в пиршественном зале ожидать намерены (будут) встречи с Гренделем с острыми мечами.

Таким же образом может быть выражено и ранее исполненное намерение, что усиливает событийный компонент сообщения:

(4) 1175-76: Mē man sægde/ þæt þū dē for sunu **wolde** / here-rinc habban [6, с.50]. – Мне сказали, что ты себе в сыновья пожелал героя взять

В сочетании с глаголами говорения *willan* скорее выполняет функцию коммуникативного маркера привлечения внимания к последующему за ними изложению сути намерения, чем сохраняет волеизъявительное значение, т.е. сообщает о желании говорить, например:

(5) 1818-20: Nū wē sæ-līðend secgan **willap** / ... þæt wē fundiaþ / Higēlac sēcan [6, с.76] – Теперь мы, из-за моря пришедшие, сообщаем, что мы спешим (намерены) к Хигелаку отправиться.

Похожий случай ослабления основного значения *willan* можно отметить при его употреблении с глаголом *biddan* – ‘просить’. Внешне выраженное как сообщение о намерении высказывание с присутствующими в контексте существительным *bēne* – ‘милость’ и глаголом разрешения *mōtan* может также быть истолковано как косвенный речевой акт просьбы:

(6) 426b-432: Īc þe nū ðā, / brego Beorht-Dena, biddan **wille**, / eodor Scyldinga, ānre bēne, / þæt ðū mē ne forwyrne, ... / ... þæt ic mōte āna ond mīnra eorla gedryht, / ... Neorot fælsian [6, с.19]. – Я тебя теперь, вождя Блистательных Данов, просил бы ... об одной милости, чтобы ты мне не отказал бы, ... чтобы я мог бы один с моей дружиной, ... Хеорот очистить.

Однако более уверенно говорить о деонтической функции *willan* можно говорить в случаях его употребления с местоимениями 2 или 3 лица, обозначающими субъект, от которого говорящий ожидает желаемого для него поступка.

II. Примеры передачи оттенков деонтической модальности являются случаями контекстной ре-интерпретации волеизъявительного значения *willan* в побудительное в косвенных речевых актах просьбы и предложения. Так, ряд речевых эпизодов в «Беовульфе» можно рассматривать с позиции реализации в них ситуаций статусного и этикетного общения между знатными воинами и вождями [1]. Например, ответ Беовульфа тану датского вождя Вульфгару на вопрос о цели его встречи с Хродгаром имеет сложную прагматическую структуру, благодаря которой сообщение о намерении приобретает характер вежливой просьбы дать разрешение на его реализацию:

(7) 344-347: **Wille** ic āsecgan sunu Healfdenes / mærum þēodne, mīn ærende, / ... gif he us geunnan **wile**, / þæt we hine ... grētan mōton [6, с.15]. – Я хотел бы рассказать сыну Блистательных Данов, могучему правителю, о своем поручении, если он пожелает, чтобы мы его приветствовать могли бы.

В приведенном примере динамическое, волеизъявительное, значение *willan* в условной части высказывания ослаблено за счет его употребления при глаголе ‘*geunnan*’ с очень близкой семантикой – ‘хотеть, жаловать, желать’, и он, скорее выполняет коммуникативную функцию маркера вежливой просьбы. Следовательно, имеет место прагматический сдвиг через ссылку на волю адресата к побуждению его

к желаемому для говорящего действию, поскольку, спрашивание о чьей-то воле, согласно Ф.Р. Палмеру, может быть истолковано как один из способов выражения просьбы о действии [8, с.135].

Еще один пример контекстно-обусловленного выражения деонтической модальности можно усмотреть в целом эпистемическом по своему характеру утверждении Хродгара о блестящем будущем Беовульфа. Здесь также условная часть высказывания может быть понята как побуждение адресата к действию, желательному не только для него самого, но и для говорящего – датчанам будет выгоден союз с дружественным ему вождем и его племенем:

(8) 1845-53: Wēn ic talige, / ... þæt þē Sǣ-Gēatas sēlran nǣbben / tō gecēosenne cyning ænigne, /... gif þū healdan **wylt** / māga rice [6, с. 77]. – Полагаю я с уверенностью, ... что Гауты лучшего не будут иметь вождя, чтобы выбрать его королем, если ты пожелаешь править королевством.

III. Примеры передачи эпистемических значений с помощью *willan* в «Беовульфе» в параметрах их коммуникативных характеристик представляют собой предсказания, предположения или обещания возможной или неизбежной ситуации в будущем, которая прогнозируется говорящим на основании знания, убеждения, надежды, ожидания или веры. При этом, несмотря на внешне субъективный характер эпистемических высказываний, поскольку они вводятся в рамках главного предложения личным местоимением 'īc' – «я» и глаголами знания ('cunpan' – «знать», 'wītan – «ведать»), полагания ('wēnan' – «полагать, ожидать, надеяться») и обещания ('ge-hātan' – «обещать»), предсказанная в придаточной части ситуация представляется как объективная. Во всех случаях она содержит прогноз неизбежных или в большой степени возможных в силу обстоятельств будущих событий, имеющих контекстное обоснование в настоящем и прошлом. Так, обращаясь к племяннику короля Хродгара, наследнику датского трона Хродульфу, королева Вельхтеов выражает уверенность, что он будет верен долгу вождя, и надежду, что он проявит такую же доброту к их детям, какую видел он от нее и ее мужа, оставшись в детстве сиротой. При этом предсказываемая ею ситуация отвечает не только ее личным чаяниям, но и согласуется с высоко ценимыми в героическом обществе качествами правителя – военной доблестью, щедростью и верностью кровным узам:

(9) 1180-85: Īc mine can / glædne Hrōþulf, þæt hē þā geogofe **wile** / ārum healdan; ... *wēne* īc, þæt hē mid gōde gyldan **wille** / uncran eaferan, ... [6, с. 50]. – Я знаю моего благородного Хродульфа, что он тогда юных воинов честь и славу поддержит, ... надеюсь я, что он добром оплатит нашим детям.

В этом и других случаях употребления *willan* в эпистемических высказываниях (443-45; 977-78; 1830-35; 1392-1394) семантика волеизъявления наиболее ослаблена, и *willan* в них приобретает функцию маркера предсказательного будущего [4].

Итак, контекстно-дискурсивное исследование глагола *willan* в эпосе «Беовульф» показало значительное разнообразие ситуативных контекстов его употребления, влияющих на проявление в рамках его ядерного значения, волеизъявления, различных по их логико-семантическим признакам и прагматическим характеристикам функциональных смыслов. Приведенные выше интерпретации значений *willan* в актуальном для изучаемой эпохи героическом дискурсе дают возможность проследить развитие его функциональной семантики как динамический процесс контекстной ре-интерпретации.

Список литературы

1. Третьякова Т.П., Цвинариа М.Е. Прагмалингвистические аспекты речевого общения в эпосе «Беовульф». Филологические науки. Вопросы теории и практики. №10-1(52). – Тамбов: Грамота, 2015. – С.177-180.
2. Сагалова Е.С. Волитивная модальность в древнеанглийских речевых произведениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №1. 2009. С.202-207.
3. Сухомлина Т.А. Семантика формы Future в истории английского языка // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и коммуникация. Вып.14. – Воронеж: Изд-во ВГАСУ, 2014. – С. 97-101.
4. Цвинариа М.Е. Структурно-семантическая и прагматическая характеристики эпистемических высказываний с глаголами 'sculan' и 'willan' в «Беовульфе». // Филологический аспект. 2019. №3(47). С.117-125.
5. An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collection of the Late J.Bosworth / ed. and enlarged by T.N.Toller. – London: Oxford University Press, 1898. – 1302 p.
6. Beowulf / ed. with Textual Notes, Index of Proper names, and Alphabetical Glossary by A.J.Wyatt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1894. – 242 p.
7. Lowrey B. Grammaticalization and the Old English Modals // Quaderna. Recherche: A Multilingual and Transdisciplinary Journal. №1, 2013. – [Электронный ресурс]. URL:<https://quaderna.org/grammaticalisation-and-the-old-english-modals/> (дата обращения 30.04.20).
8. Palmer F.R. Modality and the English Modals. – London: Oxford University Press, 1979. – 196 p.
9. Traugott E.C. A History of English Syntax: A Transformational Approach to the History of English Sentence Structure. – N.Y.: Rinehart and Winston, 1972. – 216 p.
10. Warner A.R. The Developing Modal Semantics of Early English Modals // English Auxiliaries: Structure and History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 157-184.
11. Wright J. Old English Grammar. – London: Oxford University Press, 1914. – 361 p.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'1

Прецедентные имена во французском кинематографе

Сластникова Тамара Васильевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, Московский Городской Педагогический Университет
РФ, г. Москва
tomas59@mail.ru

Молокоедова Алёна Игоревна

бакалавр кафедры иностранных языков
Московский Городской Педагогический Университет, РФ, г. Москва
alena50598@gmail.com

Names-precedent in French cinema

Slastnikova Tamara Vasilievna

PhD (Philology), Docent, Associate professor of Romance Philology department
Institute of Foreign Languages Moscow City University, Russia, Moscow

Molokoedova Alena Igorevna

Bachelor of Institute of Foreign Languages
Moscow City University, Russia, Moscow

Аннотация. Прецедентные феномены как явления национальной культуры являются одним из центральных вопросов современной лингвистики и когнитивистики. Знание прецедентного имени указывает на включенность человека в культуру, помогает межкультурному общению. При достаточной разработанности вопроса прецедентных имен в различных сферах и на материале различных языков, французский язык остаётся малоизученным, что подчёркивает актуальность данной статьи. В статье предпринята попытка анализа прецедентных имен, взятых из французского кинематографа. Отобранные для анализа имена носят национальный характер, т.е. известны всем представителям французского лингвокультурного сообщества, а также русскому зрителю, что явилось основным критерием при отборе примеров для анализа. В статье предлагаются дефиниции прецедентного имени, существующие классификации изучаемых единиц, рассматривается вопрос отделения прецедентного имени от метафоры. В заключении делается вывод о расширении значения имени в зависимости от частотности его употребления в речи.

Ключевые слова: прецедентное имя, метафора, прецедентность, языковая культура, прецедентный текст

Abstract. Precedent phenomena, as an emergence of national culture, are one of the central issues of modern linguistics and cognitive science. Knowing the precedent name indicates a person's involvement in the culture, helps intercultural communication. Due to sufficient degree of scientific development of the issue of precedent names in various fields and on the narrative material of various languages, the French language remains poorly studied, which emphasizes the relevance of this article. The article attempts to analyze cases

of precedent names taken from French cinema. The names selected for analysis are national in nature, i.e. known to all representatives of the French linguistic and cultural community, as well as to the Russian audience, which was the main criterion in the selection of examples for the analysis. The article proposes the precedent name definitions, the existing classifications of the entities of interest, considers the question of separating the precedent name from the metaphor. Summing up the conclusion on the expansion of the meaning of the name is made which depends on the frequency of its use in speech.

Keywords: precedent name, metaphor, precedent phenomena, language culture, precedent text

Значимая роль в передаче культурного наследия от поколения к поколению принадлежит языку. Каждый тип культуры создаёт не только национальный язык, созданный для обычного общения, но и свой собственный язык

Межкультурная коммуникация помогает понять готовность к межнациональному общению, принадлежность к национальному и мировому сообществу. Коммуникация связана с диалогом культур, для которого характерно отношение культуры к культуре как равноценной при её отличиях. Подчеркнем, в этой связи, что знание прецедентного имени указывает на включенность человека в культуру, его осведомлённость об исторической эпохе, связанной с прецедентным именем.

Прежде всего следует отметить, что термин «прецедентность» в лингвистике был впервые употреблён в XX веке, когда Ю.Н. Караулов ввёл понятие «прецедентный текст».

По мнению исследователя, текст или имя становятся прецедентными, когда они значимы для человека в эмоциональном и познавательном отношениях, когда не только этот человек, но и все его широкое окружение (в него должны входить не только современники, но и предшественники) знает этот текст или имя и использует в своей речи. Также в дискурсе данной языковой личности должно неоднократно возобновляться обращение к ним. [1, с. 25]

Сфера исследований прецедентного имени весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных исследований. Существует ряд работ, рассматривающих саму проблему прецедентности. В.И. Карасик, в своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс», обозначая актуальные проблемы лингвокультурологии и теории дискурса, подробно изучает вопрос структуры концепта прецедентного феномена [2, с. 117]. В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова рассматривают пути возникновения в языке прецедентных текстов. В работе данных авторов определяется, каким образом и в какой форме тексты становятся значимыми для языковой личности. От прецедентных текстов исследователи переходят к

прецедентным высказываниям, отмечая, что «за прецедентной фразой стоит смысл, который не всегда выводится из суммы смыслов составляющих слов» [3, с.76]. Е.Ф. Косиченко, на базе исследования Ю.Е. Прохорова и В.В. Красных, в своей работе «Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки», разбирает проблему прецедентности в современной лингвистике и восприятие прецедентного имени как лингвокогнитивного феномена [4, с. 115]. Привлекают внимание, в аспекте проблематики нашего исследования, работы, посвящённые французским прецедентным именам. Труд М.С. Ждановой касается вопросов функционирования французских прецедентных имён в газетных статьях. Исследователь рассматривает особенности французских прецедентных имён, сферу их употребления, характер апелляции, взаимодействие с другими языковыми средствами и решение проблемы языковых барьеров в межкультурной коммуникации [5, с. 115].

В своём исследовании, посвящённом прецедентным именам в массовой коммуникации, Е.А. Нахимова даёт определение прецедентным именам как широко известным именам собственным, «которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека, (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своеобразного культурного знака, символа определённых качеств, событий, судеб». [6, с. 135]

Изучая вопрос собственного и нарицательного имени, О.Н. Долозова относит прецедентное имя к особым словесным знакам, совмещающим в себе свойства имени собственного и нарицательного. Автор подчёркивает, что прецедентные имена не входят ни в один из этих классов. Исследователь отмечает, что имя представляет собой некий промежуточный, переходный случай между этими двумя классами имён. [7, с. 153]

Рассматривая прецедентные имена во французском кинематографе, мы подразумеваем под прецедентными именами индивидуальное имя, которое связано с ситуацией, воспринимаемой как прецедентная, либо с широко известным текстом, как правило, тоже относящимся к прецедентным.

Существует ряд классификаций прецедентного имени, предложенных различными специалистами. Различия в выборе принципов классификации зависят от цели и задач исследования, рассматриваемого материала, научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда иных факторов.

В большинстве исследований встречается классификация, где за основу принимаются понятийные сферы-источники, к которым принадлежат

прецедентные имена в своих основных значениях. Такие как литература, театр, политика, кино, спорт, музыка и др.

Этой классификации придерживаются О. А. Ворожцова, Ю. А. Гунько, Г. Г. Слышкин, Р. Л. Смулаковская и др.

Вторая классификация, предложенная Е.А. Земской, берет за основу виды текстов, из которых были взяты прецедентные имена и разграничивает их соответственно на прецедентные имена из авторских текстов и прецедентные имена из фольклора [8, с. 210].

М. Ю. Илюшкина предлагает разграничивать прецедентные имена на те, которые используются с течением времени без каких-либо изменений и на те, которые претерпевают те или иные смысловые или структурные трансформации [9, с. 811].

Важное место в публикациях В. В. Красных, а также ряда других авторов, занимает подразделение прецедентных имён и феноменов по характеру прецедентности (в зависимости от степени известности в различных странах, социумах и др.). В этом случае выделяются феномены *глобально прецедентные*, то есть известные в самых различных странах, *национально прецедентные*, то есть те, которые активно используются преимущественно только в одной стране, и *социумно прецедентные* (под этим термином следует понимать те феномены и имена, которые не имеют общенациональной известности, но популярны в некоторых социальных, профессиональных, возрастных или иных группах. Под группой может иметься ввиду и отдельная семья) [10, с. 205].

Н. А. Кузьмина, в свою очередь, противопоставляет две группы прецедентных имён. К первой из них относятся прецедентные имена, берущие своё начало из текстов, которые испытаны временем и присутствуют в национальной культуре и сознании на протяжении жизни более чем двух поколений (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Во вторую группу входят имена из ключевых текстов текущего момента, обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время и актуально лишь в настоящий момент (реклама, шлагеры, телесериалы, политические тексты) [11, с. 72].

Обратим внимание, что по мере того, как имя становится широко известным и, соответственно, прецедентным, начинает происходить сближение имени собственного с именем нарицательным. Кроме того, проще становится его функционирование, так как, наряду с единичным понятием, оно начинает

соотноситься с понятием общим. В его структуру начинают включаться самые устойчивые и яркие ассоциации, связанные с именем. Таким образом, упоминание прецедентного имени в коммуникации отсылает реципиента к дифференциальным признакам прецедентного имени.

Следует отметить, что прецедентные имена нередко рассматриваются как одна из разновидностей метафоры и, соответственно, их восприятие во многом аналогично восприятию этой стилистической фигуры речи. Сходство метафор и прецедентных имён при их функционировании кажется очевидным. Однако при этом остаётся спорным вопрос, насколько оно глубоко и имеются ли основания называть прецедентные имена собственно метафорами.

Исходя из определения метафоры как слова или обороты речи, которые употреблены в переносном значении, для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства [12, с. 152], можно заключить, что, при неоспоримом сходстве метафоры и прецедентного имени, они не равны между собой. Прежде всего, по причине их главного различия. Прецедентные имена прецедентны потому, что связаны с другими прецедентными феноменами языка. Наличие этой связи проявляется в том, что, когда человек воспринимает прецедентное имя, в это восприятие входит прецедентная ситуация, создавшая его. Даже в тех случаях, когда прецедентное имя является выразителем качеств или черт характера.

Тем не менее, тот факт, что прецедентное имя не равно метафоре, не отменяет того, что атрибуты прецедентного имени могут использоваться метафорически. Чтобы понять это, нужно разобрать *дифференциальные признаки* и *атрибуты* прецедентного имени.

Как отмечает В.В. Красных, у прецедентного имени существует своя особенная *структура*, её периферию составляют *атрибуты*, а ядро - *дифференциальные признаки*. Дифференциальные признаки прецедентного имени включают характеристику по внешности и чертам характера [10, с. 201]. Так, при упоминании прецедентного имени *Alain Delon (Алэн Дэлон)*, происходит апелляция к внешнему сходству с данным именем, а сравнение с мышью по имени *Ratatouille (Ратамуй)* из одноимённого французского мультфильма, апеллирует к талантам и способностям данного прецедентного имени. Исследователь подчёркивает, что атрибуты прецедентного имени чаще всего тесно связаны с ним, но не являются необходимыми для его сигнификации (например, борода *La Barbe bleue (Синей Бороды)*).

По вопросу функционирования прецедентных имён существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным:

1) При упоминании прецедентного имени идёт изначальная апелляция к прецедентному тексту или прецедентной ситуации.

Разберём ситуацию, когда, при обращении к прецедентному имени, говорящий апеллирует не к определённому характеру, а к прецедентной ситуации, связанной с неким прецедентным текстом. К примеру, *Barbe-Bleue (Синья борода)*, более известен не как скрытный персонаж с синей бородой, а как маньяк, убивавший своих жён и прятавший их тела в подвале. То есть при упоминании этого имени вспоминается не цвет бороды, а прецедентная ситуация - убийство его жён.

2) При упоминании прецедентного имени апелляция напрямую происходит к его дифференциальным признакам.

Иначе говоря, индивиду изначально не требуется расшифровывать и давать комментарии ни относительно самого имени, ни ситуации, в которой оно употребляется, так как напрямую происходит обращение к дифференциальным признакам и прецедентное имя употребляется уже в качестве символа. Например, когда говорящий по-французски человек называет кого-либо *Gargantua (Гаргантюа)*, и он сам, и реципиент прекрасно понимают, что некто был охарактеризован как ленивый обжора. Это происходит из-за актуализации одного из дифференциальных признаков этого персонажа – обжорства.

Нам представляется важным упомянуть, что существуют имена-символы, указывающие на совокупность определённых качеств, которая является эталонной. Так, инвариант восприятия прецедентного имени *Cendrillon (Золушка)* может ассоциироваться с трудолюбивым человеком, который непрестанно убирается, занимается тяжёлой работой, испытывающим к себе несправедливое отношение, с тем, кого постоянно незаслуженно обижают. В другом употреблении данное имя может выступать как имя девушки, удачно вышедшей замуж, девушки, преобразившейся в лучшую сторону, до неузнаваемости.

Изучив различные классификации, полагаем целесообразным взять за основу классификацию, в которой прецедентные имена рассматриваются по понятийным сферам-источникам. Из расширенной классификации мы выделяем лишь область кино. В выделенную сферу мы, в свою очередь, включаем как имена из художественных фильмов, так и имена из фильмов мультипликационных.

Список прецедентных имён в выведенной нами классификации может быть дополнен сведениями из специальной литературы, так как мы демонстрируем лишь

некоторые примеры французских прецедентных имён из сферы кино, наиболее известные русскому человеку, интересующемуся французской культурой.

В исследуемой проблематике прецедентных имён из французского кинематографа центральными становятся вопросы: существует ли один дифференциальный признак, одинаковый для всех прецедентных имён из данной области, что является более важным для сигнификации данных прецедентных имён – атрибуты или дифференциальные признаки, существуют ли имена с похожими признаками и атрибутами.

Во французском кино русскому зрителю наиболее знакомы такие прецедентные имена как:

Brigitte Anne-Marie Bardot (Бриджит Бардо), *Michèle Mercier* (Мишель Мерсье), *Alain Delon* (Алэн Дэлон), *Jean Marais* (Жан Марэ), *Louis de Funès* (Луи Де Финес), *Catherine Deneuve* (Катрин Денёв), *Jean-Paul Belmondo* (Жан-Поль Бельмондо).

Brigitte Anne-Marie Bardot (Бриджит Бардо) – французская киноактриса, фотомодель и писательница, Бардо считалась, и до сих пор считается, самой привлекательной женщиной не только французского, но и всего европейского кино. В 1950-1960 х годах она была законодательницей стиля и моды и одной из икон красоты мирового уровня. В послевоенной консервативной Франции она положила начало новому образу жизни для её поколения и либерализации кинематографа. Обратим внимание на то, что большое значение для этого прецедентного имени имеют его атрибуты – растрёпанная причёска, чёрная подводка для глаз, полинявшая джинсовая одежда.

Alain Delon (Алэн Дэлон) – французский киноактёр театра и кино, кинорежиссёр и продюсер, которому удалось создать сложнейшие образы во французском кино, даже несмотря на то, что он был самоучкой. Позже эти роли вошли во все учебники по киноискусству. Следует отметить, что именно это прецедентное имя больше всего ассоциируется с идеалом мужской красоты. Атрибуты этого прецедентного имени – серые глаза, идеальные черты лица и насмешливая ироничная улыбка.

Louis de Funès (Луи де Финес) – французский киноактёр, один из величайших комиков мирового кино. Заметим, что этот актёр никогда не был образцом мужской красоты, но его работы восторженно принимались десятками миллионами зрителей по всему миру. Выделим основные дифференциальные признаки и атрибуты этого прецедентного имени - искромётный юмор, неподражаемая мимика лица, на которой

отчётливо прослеживались все эмоции актёра, постоянная жестикуляция, длинный нос с горбинкой и седые волосы на лысеющей голове.

Jean-Paul Belmondo (Жан-Поль Бельмондо) - французский актёр театра и кино, не мог похвастаться идеальными чертами лица, но стал одним из самых узнаваемых и любимых актёров европейской молодёжи того времени. Подчеркнём, что из-за того, что в первых своих работах он создал образ молодого бунтаря с неотразимой улыбкой, именно этот образ прочно закрепился за данным прецедентным именем.

Сущность вышеизложенного сводится к тому, что все прецедентные имена, даже принадлежащие к одной области, становились широко известными не из-за одного конкретного дифференциального признака, одинакового у всех, а из-за наличия различных дифференциальных признаков и атрибутов у каждого из них.

Так, *Ален Дэлон* и *Бриджит Бардо*, изначально становились популярны из-за своей красоты, иными словами, это – пример прецедентных имён с дифференциальными признаками на основе внешности. В то же время, *Луи де Финес* и *Жан-Поль Бельмондо* обладают дифференциальными признаками другого рода - например, те юмор и поведение, свойственные только *Луи*, или бунтарство в образе *Бельмондо*, относятся к чертам характера.

Подчеркнём, что по мере того, как эти прецедентные имена становятся известными, у них, в дополнение к уже имеющимся дифференциальным признакам, начинают проявляться различные атрибуты, некие детали, которые не только стали ассоциироваться с ними, но и помогли укоренить данные имена в мировом сознании. Например, растрёпанная причёска *Бриджит Бардо*, широкая улыбка *Бельмондо* - хотя и не являются необходимыми для сигнификации означаемых прецедентных имён, но неразрывно связанные с ними как атрибуты.

Выше сказанное позволяет сделать вывод, что, чем больше известно прецедентное имя, тем больше дифференциальных признаков и атрибутов оно имеет. Также отметим, что, даже являясь прецедентными в одной и той же области, данные имена имеют различные дифференциальные признаки и атрибуты, не перекликающиеся между собой.

Обратимся к мультипликационным фильмам. Наиболее известными русскому зрителю персонажами являются *Astérix et Obélix*.

Астерикс и Обеликс – киногерои, которые воплотили на экране литературных персонажей комиксов, хорошо известных французам. Впервые в кино они появляются во франшизе для живых фильмов, которая была основана на одноименной серии комиксов Альберта Удерзо и Рене Госкинни. Франшиза на

данный момент включает четыре выпущенных фильма. Обратим внимание, что фильмы становятся популярными практически мгновенно, на наш взгляд, этим успехом они обязаны одинаковому интересу со стороны аудитории разного возраста и разных национальностей. Так, для детей в фильм включены визуальные шутки, которые их забавляют, тогда как каламбуры, основанные на игре слов и пародировании современности, рассчитаны на более взрослую аудиторию. Таким образом, фильм «угодил» всем.

Добавим, что франшиза содержит большое количество отсылок к культуре Франции. Ю.Н Глухова отмечает, что «телевизионный сюжет может представлять собой нечто вроде идеального занятия по иностранному языку». [13, с. 146]. Подтверждением этому и служат фильмы про Астерикса и Обеликса. Внимательный зритель может составить представление о культурной жизни Франции, послушав их разговоры, шутки, отдельные фразы, поняв отсылки.

В то же время, безусловно, данная франшиза будет интересна зрителям всех стран, но именно носителям французского языка и культуры этой страны будут понятны все ссылки и шутки, которые она содержит. Отметим, что представителям других культур, отличных от французской, может показаться непонятным то, что кажется французам абсолютно естественным.

Отсюда следует вывод, что любой человек воспринимает информацию с точки зрения представлений и ценностей, которые существуют в той культуре, в которой он вырос.

При интенсивной коммуникации и взаимодействии между представителями разных культур, в большей степени проявляется необходимость знания не только языка страны, но и понимание её истории, культуры и традиций, которые находят отражение в том числе и в прецедентных именах. Изучая прецедентные имена как составляющую прецедентного феномена, включающего, в свою очередь, прецедентные высказывания, отмечаем, что подобные высказывания представляют интерес для дальнейшего глубокого расширенного исследования на материале французского языка, поскольку данные высказывания недостаточно изучены.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: 2019. — 264 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Изд-во «Гнозис», 2004. — 390 с.
3. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными. — М.: «Русский язык за рубежом», 1994. — №1. — С. 73-76.
4. Косиченко Е.Ф. Прецедентное имя как средство выражения субъективной оценки — М.: 2006. — 224 с.

5. Жданова М.С. Функционирование прецедентных имён в современных французских СМИ. — Новосибирск: «Вестник науки Сибири № 4», 2013. — С. 205-213.
6. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург: УрГПУ, 2007. — 207 с.
7. Долозова О.Н. О семантике прецедентного имени. Материалы Второго Международного конгресса русистов-исследователей (Москва 18-21 марта 2004 г.) — М.: 2004. — С. 152-155.
8. Земская Е. А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет. — М.: Изд-во «Наука», 1996. — 336 с.
9. Илюшкина М. Ю. Использование потенциала прецедентных имён в рекламной коммуникации предприятий общественного питания. — Ижевск: «Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология», 2018. — Т. 28. —№5. — С. 808-814.
10. Красных В.В., Бубнова И.А., Зыкова И.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология. Новые науки о человеке говорящем. — М.: 2017. — 390 с.
11. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями: Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. — М.: 2018. — 272 с.
12. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотического описания. — М.: 2019. — 352 с.
13. Глухова Ю.Н. Формирование межкультурной компетенции в эпоху информационных технологий // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции (Москва 14-16 апреля 2016 г.) — М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. — С.144-148

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.111:81'25

Особенности передачи экспрессивной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Foodtube».

Власенко Ольга Константиновна

Ст.п., кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет, РФ, Хабаровск

Матвеева Александра Дмитриевна

студент 5 курса специалитета, Тихоокеанский государственный университет
РФ, Хабаровск

Expressive function peculiarities of Jamie Oliver's cooking show "Jamie Oliver's Food tube"

Vlasenko Olga Konstantinovna

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Matveeva Alexandra Dmitrievna

5th year student specialty, Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности передачи экспрессивной функции шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food tube» в рамках аудиовизуального перевода шоу кулинарной направленности.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, кулинарное шоу, экспрессивная функция

Abstract. The article discusses expressive function peculiarities of the Jamie Oliver show "Jamie Oliver's Food tube" as part of the audio-visual translation of the culinary show.

Keywords: audiovisual translation, cooking show, expressive function

За последние 10-15 лет аудиовизуальные тексты стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Развитие сети Интернет позволяет зрителям получать доступ к аудиовизуальным произведениям в любое время суток с любого устройства. Более 50% аудиовизуального контента, демонстрируемого в России, импортируется, в связи с этим изучение аудиовизуального перевода является очень актуальными.

Традиционно аудиовизуальный перевод определялся как «перевод записанного аудиовизуального материала» [6, с. 2] или процесс «переноса вербального компонента, содержащегося в аудиовизуальных произведениях и продуктах, с одного языка на другой» [4 с. 38]. Исходя из определения Л.П. Гонзалеза, аудиовизуальный перевод – это «перевод мультимодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру» [5, с. 13]. Автор подчёркивает

основное свойство аудиовизуального текста: его мультимодальность, которая и отличает аудиовизуальный перевод от традиционных устного и письменного переводов, где наличие иных семиотических кодов, кроме вербальных, не всегда критически влияет на процесс и результат переводческой деятельности. Данный вид перевода – очень сложная, кропотливая работа с огромным количеством нюансов, требующий особенного подхода переводчика.

Одним из ведущих направлений в переводе иностранных аудиовизуальных текстов является перевод развлекательных телепередач, а именно, кулинарной направленности. В ходе исследования были рассмотрены особенности передачи экспрессивной функции кулинарного шоу Джейми Оливера «Jamie Oliver's Food Tube» [1].

«Jamie Oliver's Food Tube» - кулинарное шоу, главным героем которого является известный телеведущий и писатель Джейми Оливер. Именно благодаря своим великолепным рецептам Джейми Оливер стал столь известен во всем мире. Его рецепты просты, оригинальны и могут быть использованы абсолютно любым, пусть даже самым неподготовленным, человеком [3].

Создатели кулинарного шоу «Jamie Oliver's Food Tube» ставят перед собой две цели: привлечь зрителя и обеспечить его информацией. Таким образом, по транслатологической классификации текстов К. Райс текст шоу характеризуется наличием экспрессивной и информативной функций [2, с. 220].

В данной работе мы остановимся на экспрессивной функции кулинарного шоу Джейми Оливера. Задачей шоу является привлечение разнообразной аудитории: людей обоих полов, любого возраста и любого социального положения. С этой целью в своей речи кулинар использует эпитеты, разговорные фразы, сленг и другие приёмы, которые позволяют ему обратить на себя внимание англоязычной публики. Однако не все эти выражения оказывают тот же самый эффект на русскоязычную аудиторию.

Так, одной из сложностей, с которыми сталкивается переводчик при переводе шоу – фразы Джейми Оливера, характерные для британского телевидения, но не характерные для русского. Например, *Every idiot can do this/ сделать её (стружку) проще простого; Real idiot proof cooking! / Проще не придумаешь!* В русском языке имеются похожие выражения, которые также относятся к разговорному стилю, однако русскоязычный реципиент вряд ли услышит их с экрана телевизора. Исключения могут составлять эмоциональные ток-шоу, на которых решаются проблемы социального характера, целью которых является привлечение публики

всеми возможными способами. По той же самой причине переводчик использует приём нейтрализации и в следующем случае: *Kick-assflavor/ Насыщенная пикантная нотка*. Второй проблемой, с которой сталкивается переводчик при передаче эмоционально окрашенных выражений с английского языка на русский – обилие эпитетов, используемых Джейми Оливером в оригинальной версии шоу. Так как для русскоязычной аудитории наличие более двух эпитетов в одной фразе покажется излишним, переводчик компенсирует подобные выражения употреблением уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например: *So, we've got a nice littleroll / Получается аккуратная трубочка; I'm going to show you how to make them ostincredible chicken dish – Piri-Piri chicken – absolutely gorgeous crispy skin, grilled peppers and a lovely home made Piri-Piri sauce / Я помогу вам приготовить невероятно вкусную курочку с хрустящей корочкой, запеченным перчиком и домашним ароматным соусом «пири-пири»*. Также в некоторых случаях переводчик опускает все или часть эпитетов: *Lovely little pasty cases/ Уже готовые тарталетки*.

В некоторых эпизодах, когда Джейми Оливер описывает трансформации, происходящие с продуктами, переводчик использует приём целостного преобразования, чтобы сделать перевод ориентированным не столько на слова шеф-повара, сколько на ситуацию. Таким образом телезритель может сопоставлять увиденное с услышанным, а значит, эмоциональный эффект получается сильнее. Так, в следующем примере переводчик решает обыграть ситуацию, в которой Джейми кружится по комнате с разведенными руками, как делают дети, когда изображают самолёт: *But that's good 'cause eat it with your mouth is going to be a dream/ Посмотрите на тесто, такое впечатление, что оно кружится, но это у вас голова закружится от такого вкуса*.

Также при переводе некоторых эпизодов переводчик прибегает к приёму целостного преобразования, *We've got sweet potatoes and potatoes going, I've got the pastry cases in the oven and I've got the chicken looking damn good / Картофель варится в микроволновке, в духовке доходят сдобные корзиночки, курочка шкворчит и румянится*. Джейми Оливер привлекает внимание телезрителя к происходящему на экране и вызывает в нём желание записать рецепт и приготовить блюдо.

Наконец, следует уделить внимание стилю речи кулинара. В данном шоу он использует молодёжный сленг и разговорные выражения. Задача переводчика – сохранить этот стиль в переводе с английского языка на русский. В ходе исследования было установлено, что выполнить эту задачу переводчику скорее не удалось.

С одной стороны, переводчик использует типичные для русскоязычного сообщества разговорные выражения, например: *One more little whizzup / Снова делаем вжик-вжик; Have a little taste, hmmm, nice / Попробуем. Хм, класс!* Или *What a beautiful salad / Обалденный салат!*

В 16 серии Джейми готовит рыбное рагу, сам рецепт вставлен в клип, который был снят с другими поварами, участвующими в данном шоу. Клип посвящен рецепту рыбного рагу и представлен в форме речитатива. Представленный в такой форме рецепт имеет функцию развлечения и привлечения внимания зрителя. Но данные функции теряются, так как переводчик совершил перевод рецепта, но не перевел песню, из-за чего реципиенту будет не понятно, с какой целью видео рецепта было вставлено в клип.

Однако переводчик не всегда придерживается единой стратегии: переведённая речь Джейми Оливера то представляет собой разговорный вариант, то звучит слишком вычурно: *And it really does make it different / Добавим в нашу симфонию вкусов пикантную нотку.* Кроме того, зачастую при переводе разговорных фраз и выражений или сленга переводчик заменяет данные лексические единицы на более нейтральные. Например, *It gives our sauce an incredible taste, that's gonna blow you away / Наш маринад просто великолепен на вкус. Проверьте; I'm gonna serve it with two killer salads / К нему я подам два вида салата; I'm just sort of cleaning the environment where these bad boys can bake – Создаем атмосферу, в которой наша еда будет запекаться.*

Джейми Оливер стремится создать на своей кухне атмосферу дружеского взаимодействия с любителями шоу. С этой целью кулинар, во-первых, устанавливает зрительный контакт с аудиторией, во-вторых, использует в своей речи обращения, которые не сохраняются переводчиком при переводе. Например, *So, look at that, guys/ Посмотрите на это изобилие; We've got the caramel, guys. / Ну все, карамель готова.* Лишь в одном эпизоде русскоязычный телезритель может услышать обращение: *So, here we go, guys. / Ну вот и все, друзья.* С другой стороны, при переводе переводчик использует эллиптические предложения, которые звучат как инструкции или команды аудитории, добавляет фразы, призывающие к вниманию, или использует местоимения второго лица множественного числа: *You wanna a nice big hand ful of basil / Нам понадобится большой пучок листьев этой пряной травы. Make sort of shavings / Просто нарезаем сыр длинной стружкой; You got this skin side here/ Смотрите! Кладем кожей вниз.* Таким образом, несмотря на опущение

переводчиком непосредственных обращений Джейми к аудитории, такая черта шоу, как диалогичность, сохраняется.

Итак, с одной стороны переводчик одомашнивает текст, убирая из него не характерные для русскоязычного сообщества выражения, заменяя их на другие, с другой стороны, он отступает от единой стратегии перевода эмоционально окрашенных фраз и частично опускает обращение к аудитории. Это означает, что переводчику не всегда удаётся адекватно передать экспрессивную функцию при переводе данного шоу.

В ряде случаев (48 примеров) переводчику приходится осуществлять прагматическую адаптацию второго (78,1%) и третьего (22,1%) типов, то есть нейтрализовать, компенсировать или трансформировать иными способами элементы исходного текста. Чаще всего осуществить подобные преобразования переводчику помогают такие приёмы перевода, как компенсация (44,6%), целостное преобразование (26,4%), нейтрализация (19%), опущение (4,7%) и модуляция (4,5%).

Список литературы

1. Видео [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/jamieoliver> (дата обращения 2.04.2020).
2. Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. –202-228с.
3. Телешоу с участием Джейми Оливера [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://jaymi-oliver.ru/o-dzhejmi/428-teleshou-s-uchastiem-dzhejmi-olivera> (дата обращения 2.04.2020).
4. Chaume F. Audiovisual Translation Trends. Growing Diversity, Choice, and Enhanced Localization // Media Across Borders: Localizing TV, Film and Video Games. London: Routledge, 2016. P. 68–84.
5. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.
6. Karamitroglou F. Towards a Methodology for the Investigation of Norms in Audiovisual Translation: The Choice Between Subtitling and Revoicing in Greece. Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 2000. 300 p.

УДК 81.26.

Лексико-стилистические особенности туристической рекламы

Гафарова Лиана Ахтамзяновна

Студент кафедры теории и практики перевода, Институт международных отношений
Казанский Федеральный Университет, РТ, г. Казань
GafarovaLi@mail.ru

Шигапова Фарида Финсуровна

Старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт
международных отношений, Казанский Федеральный Университет, РТ, г. Казань
Faridash.81@mail.ru

Lexical and stylistic features of tourism advertising

Gafarova Liana Akhtamzyanovna

Student of Theory and Practice of Translation Department
Institute of International Relations, Kazan Federal University
Tatarstan, Kazan

Shigapova Farida Finsurovna

Senior lecturer of Theory and Practice of Translation Department
Institute of International Relations, Kazan Federal University
Tatarstan, Kazan

Аннотация. В данной статье рассматриваются лексико-стилистические особенности туристической рекламы на материале двух сайтов «Baikalvision» и «RoughGuides». Основное внимание в работе посвящено изучению выразительных средств, применяемых в англоязычной и русскоязычной рекламе. В статье представлены конкретные примеры презентации туристических сайтов, а также описываются приемы воздействия на людей, помогающие создать красочный образ. Приведена обобщенная характеристика рекламы и продуктов сферы туризма. Данное направление дополняется также рассмотрением языковых стратегий, обеспечивающих эффективное продвижение товаров и услуг туристических компаний.

Ключевые слова: туризм, языковые средства, реклама, клиент, речевые особенности, информация, коммуникация.

Abstract. The article considers the lexical and stylistic features of tourism advertising based on the material of two sites "Baikalvision" and "RoughGuides". The main attention in the work is devoted to the study of expressive means used in English and Russian languages of advertising. The article presents specific examples of the presentation of tourist sites, as well as describes methods of influencing people to help create a colorful image. A generalized characteristic of advertising and tourism products is given. This research is also supplemented by a review of language strategies that ensure effective promotion of products and services of travel companies.

Keywords: tourism, language, advertising, customer, speech patterns, information, communication.

В период глобализации и цифровой информации наблюдается активный рост и развитие такой области как туризм, которая в течение достаточно длительного периода является одним из условий стабильности и экономического развития общества. Благодаря этому сфера туризма стала объектом изучения для отечественных и зарубежных ученых. Туризм исследуют различные науки, особенно эта сфера представляет большой интерес для лингвистики и переводоведения.

Деятельность любой туристической компании не может осуществляться без наличия какой-нибудь рекламы. Обычно реклама представляет собой систему мероприятий, нацеленных на презентацию клиенту специально отобранной и подготовленной информации. Она напрямую связана со сферой туристических услуг и продуктов для развлечения, отдыха и путешествий.

Туристический продукт – это комплекс работ, товаров и услуг, которые необходимы для удовлетворения потребностей туриста в рамках его туристского путешествия. Основными тремя элементами туристических продуктов является тур, товары и дополнительные туристско-экскурсионные услуги - размещение, питание, транспортные услуги, досуг. Тур реализуется клиенту как единое целое.

Объектом исследования являются тексты туристических реклам на английском и русском языках.

Цель исследования – изучить речевые особенности презентации туристических продуктов в английском и русском языках.

Научная новизна исследования заключается в уточнении характеристик туристического дискурса и анализе особенностей его презентации на туристических Интернет-сайтах на русском и английском языках.

Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания английского языка, на курсах лексикологии, а также могут служить базой для дальнейшего исследования.

Материалом исследования послужили рекламные тексты туристических сайтов на русском и английском языках.

Сайт «BAIKALVISION» был создан для поддержания и развития не только отечественного, но и международного туризма в Байкальском регионе. На сайте клиент может найти практически любую интересующую его информацию по поводу путешествия в этот чудесный край. Так, например, на сайте представлены базы отдыха, гостиницы, туры, экскурсии, памятники природы, туристические клубы, описание уникальных мест, услуги гида и переводчика, транспорт и так далее.

Разработчики сайта для достижения целей используют и реализуют эффективные коммуникативные стратегии, несущие в себе лексико-стилистические особенности языка.

В текстах выявлены следующие лексико-стилистические особенности:

1. Большое количество риторических вопросов, включающих местоимение «Вы».

Вы впервые на Байкале и Вам хочется увидеть все самое-самое о нашем регионе? Возможно Вы к нам проездом и у Вас не так много времени? Может быть Вы путешествуете по Транссибирской магистрали и не хотите, чтобы Байкал оставался за окном, а желаете познакомиться с ним?

2. Использование оценочной лексики с эмоционально-экспрессивной окраской:

- употребление эпитетов, стремление к гиперболизации

Наикрасивейший природный ландшафт, кристально чистая вода озера; нетронутая человеком цветущая флора и фауна; глубочайшее озеро; завораживающие взор виды; белоснежное покрывало; популярнейшее место; золотистые пляжи, теплая вода, плотный лес вдоль берега и солнце, солнце, солнце.

- сравнения, метафоры, олицетворения выделяют самобытность природных объектов:

над берегом, словно на ходулях, поднимаются великаны-лиственницы; сосны, оторвавшись от земли, шагают по берегу, словно стражи озера; бурятский народ поклоняется водной стихии, словно вода сошла с небес и может исполнять желания; необходимо посетить Чивыркуйскую долину с её усыпанным звёздами ночным небом, похожее на скопление бриллиантов.

- перифразы служат для избегания повторов: Байкал – «Жемчужина Сибири»; центральное озеро Азии; «Святое море» Иркутской области.

3. Употребление терминологии, относящейся к разновидностям активного отдыха, популярного в регионах Восточной Сибири: *минеральный ключ, минеральные воды, дикорастущие лекарственные травы, каменные столбы, подземные пещеры, экологические тропы, огромные торосы и ледяные наплески, окаменелости водорослей, реликтовые растения, заповедная зона.*

4. Незначительное употребление терминологии и лозунгов, отражающих культурные реалии бурятского народа (их традиции, обычаи, легенды и мифы): *владыка рек; Остров Ольхон – Бурятской Ассоциацией Шаманов объявлен*

святилищем и местом, которое олицетворяет сакральную природу Бурятского народа; Если Вы интересуетесь всем сакральным и паранормальным, то Вам строго сюда; скала Шаманка, еще одно название мыс Бурхан, является святым для бурятского народа, здесь шаманы проводят свои обряды; Существует мнение, что данная легенда связана с воспоминаниями людей о падении некоего небесного тела, и что геомагнитная активность острова Ольхон обязана этой катастрофе; У Вас есть тоже прекрасная возможность приобщиться к бурятской культуре, пройти тайные шаманские обряды, побыть наедине с собой, прочувствовать энергию острова, и может быть найти себя в медитации, так как все условия для этого здесь есть.

5. Частое употребление клише, связанное с убеждением в уникальности, привлекательности и безопасности предлагаемой услуги: *перед Вашими глазами откроется умиротворенный вид; каждый уважающий себя турист должен знать; в этом путешествии **Вы увидите** один, из пока еще нетронутых и диких уголков озера Байкал, где редко вступала нога человека; Просто представьте, заснеженные просторы и километры прозрачного льда, ледяные скалы и пещеры, множество фотографий и незабываемых эмоций, все это **Вас ждет** в данном туре; только здесь **Вы** забудете о городской суете.*

6. Превалирующее употребление имен собственных, что связано с необходимостью в номинации природных, культурных или иных объектов: *Поселок Аршан, Долина Шумак, Столбы Хуухэйн-Хада, город Иркутск, остров Ольхон, музей Тальцы, деревня Листвянка, река Кынгырга.*

7. В разделе «Описание и характеристики территории» можно встретить названия животных и птиц, населяющих данный регион: *горностаи, нерпы, соболи, бурые медведи, сибирский углозуб, бурозубка, кабаны, коршуны, куропатки, тетерева, свиристели.*

8. Употребление ксенолексики, слов иностранного происхождения, проникших в русский язык на рубеже XX и XXI веков: *кейтеринг (англ. catering) – отрасль общественного питания, связанная с оказанием услуг на удалённых точках, рафтинг (англ. rafting) – спортивный сплав по горным рекам, каньонинг (англ. canyoning) – преодоление каньонов без помощи плавающих средств, параглайдинг (англ. paragliding) – полеты на парашюте, zip-лайн (англ. zip line) – спуск с использованием сил гравитации по стальному канату с отрывом от земли, по воздуху, с помощью специального устройства, использующего блоки.*

В целом, объявления на сайте характеризуются высокой информативностью. В текстах отражены точные географические наименования, маршруты, числа, называются все места, которые доступны для посещения туристам, и кратко описываются возможные виды деятельности. Клиенты могут узнать цены и акции на любой тур.

Для проведения исследования был использован материал с сайта «RoughGuides» – крупнейший независимый туристический агент и путеводитель Великобритании. Данный сайт предлагает клиентам туры в любые точки мира в соответствии с их индивидуальными запросами.

Рассмотрим, какие речевые особенности функционируют в текстах английской туристической рекламы.

Первым и наиболее главным признаком является **краткость (компактность)**. С помощью этого метода можно передать необходимую информацию без лишних слов. Лаконичность формы изложения способна значительно повысить эффективность воздействия, тем самым увеличивая вероятность побуждения адресата к совершению покупки услуги. Слоган является самым интертекстуально насыщенным элементом текста туристической рекламы. Его основная функция – привлечь внимание реципиентов и запомниться им. Отсюда следует высокий процент цитации в этом компоненте рекламного текста. Более того, будучи рекламной константой, слоган порождает огромное количество метатекстов, продвигаясь в интертексте и во времени.

Например: хорошо рифмующийся слоган *Shop, Hop, & Top* говорит о том, что данная поездка включает в себя все туры по городу + подъем на вершину горы + день для посещения магазинов. *Hop On Hop Off Bus Tours* – обзорная экскурсия по городу, где можно в любой момент зайти и выйти из автобуса. *All-inclusive* – система обслуживания в отелях, при которой услуги, касающиеся питания, напитков, салонов, спортивных залов уже включены в стоимость проживания. *Multi-stop holiday* – в данном путешествии предусмотрено несколько остановок для посещения главных достопримечательностей. *Up-to-date information* – наиболее актуальная информация, которая содержит самые свежие данные.

Важнейшую роль играют используемые в больших количествах в рекламных текстах числительные, которые не только привлекают внимание, но и иногда поражают воображение потребителя. Например: *Make sure to visit all 220 designer and name brand outlet stores, where you will find impressive savings*. Порой нам трудно

представить, как можно уместить такое количество бутиков в одном месте, поэтому возникает желание посетить данную локацию и увидеть всё собственными глазами.

*Visit Australia and experience the two big natural attractions: the **2000km-long** Great Barrier Reef off the Queensland coast, with its complex of islands and underwater splendour, and the brooding monolith of Uluru (Ayers Rock), in the Northern Territory's Red Centre.*

*During the summer months from May to September the city boils – July and August are especially suffocating – with average temperatures in the high **30s to low 40s** (and frequently higher).*

Использование языковых средств с эмоционально-экспрессивной окраской.

1. **Метафора.** Она помогает рекламодателю создавать в воображении потенциального потребителя выгодный ему образ. По замечанию С.Г. Кара-Мурзы, «поэтическая метафора, создающая в воображении красочный образ, оказывает на сознание чудодейственный эффект, надолго отшибая здравый смысл. Чем парадоксальнее метафора (т.е. чем дальше она отстоит от реальности), тем она лучше действует»: *well-packed holiday* – комплексный тур, включающий весь перечень услуг; *hot tours* – горячие туры; *necklace Islands* – ожерелье островов; *pearl of the Mediterranean sea* – жемчужина Средиземного моря; *journey deep into an eco-paradise, where steamy volcanic ranges and tropical rainforests meet a coastline awash in white ocean surf* – путешествие глубоко в эко-рай, где пары вулканических хребтов и влажные тропические леса встречают побережье, захлебнувшееся в белом океане серфинга; *for anyone with a cultural bone in their body, Greece travel cannot fail to inspire* – путешествие по Греции вдохновит любого человека, у которого имеется желание познать достопримечательности культуры; *the land itself is a freak of nature, its lifeblood the River Nile* – сама земля – это причуда природы, а река Нил – источник ее жизненной энергии; *a self-indulgent haven of magical hotels* – место волшебных отелей, способных исполнять желания; *higgledy-piggledy labyrinth of bustling souks with spices* – хаотичные лабиринты шумных базаров с пряностями; *you'll experience spectacular views of the Arkansas River Valley's numerous 14 000 foot tall peaks as you soar through pristine aspen groves and high mountain pine forests* – перед вами откроются захватывающие виды на многочисленные вершины долины реки Арканзас высотой 14 000 футов, и Вы почувствуете будто парите над нетронутой осиновой рощей и высокими горами.

2. **Гипербола** – преувеличение всех предлагаемых и описываемых в рекламных текстах предметов, явлений, услуг, характеристик. Рекламодатель с

помощью этой стилистической фигуры речи убеждает покупателя в том, что он приобретает всё самое безупречное и идеальное. Гиперболы затрагивают практически все аспекты жизни туриста: транспорт, отель, питание, пляжи, природу, развлечения, шопинг, экскурсии, спорт и т.д. - внушая адресату, что все то, что он получает, является «конечной» и высшей степенью турпродукта. Гиперболизация придает особую окрашенность текстам, рекламирующим туруслуги:

История, экскурсии, достопримечательности: *The most unique of the seven Emirates - самый уникальный* из семи эмиратов; *the oldest architectural structure of the city - старейшее* архитектурное сооружение города; *here, Rhodes and Kos, two of Greece's largest and most-visited islands, are the stars of the show* – здесь, острова Родос и Кос, **наикрупнейшие и самые посещаемые** острова Греции, являются изюминкой нашей поездки; *among them the unsurpassable trio at Giza, the vast necropolis of Saqqara and the pyramids at Dahshur* – среди них **непревзойденное** трио в Гизе, обширный некрополь Саккары и пирамиды в Дахшуре;

Покупки: *a huge number of stores and shops - огромное количество* магазинов и лавок; *eye-poppingly extravagant mall* – **поразительно дорогой** торговый центр;

Сервис: *guarantee of perfect service* - гарантия **безупречного** сервиса.

3. **Эпитеты** – это определения, придающие особый характер предмету рекламирования, обеспечивающие его отличие от стандартных, привычных форм и моделей, подчеркивающие уникальность и единичность предлагаемого: *exquisite furniture* - изысканная мебель, *charming views* - чарующий вид, *impeccable service* - безупречный сервис, *luxurious design* - роскошный дизайн, *romantic getaway* - романтический отдых, *luxury hotel* - элитный отель, *brilliant mountain hiking* – великолепная пешая прогулка в горах, *spectacular beaches* – чудесные пляжи, *stunning view* – завораживающий вид, *wonderfully clear water* – удивительно чистая вода, *superlative restaurants* – превосходные рестораны, *sumptuous suites* – роскошный номер-люкс, *lavish vacations* – шикарный отдых, *aromatic alleyways* – ароматные (душистые) улочки; *balmy weather* – безумно теплая погода. Иными словами, эпитеты уточняют образ в представлении адресата.

4. **Метонимия**, которая применяется для переноса названия с одного предмета на другой при наличии смежности между ними.

Dubai is a home of sandboarding. Слово страна здесь по смежности заменяется словом «home».

Santorini never sleeps, it has a buzzing nightlife and its own sophisticated restaurants. (В этом случае имеется ввиду, что жители города никогда не спят, а не сам город).

Кроме того, можно заметить активное использование местоимения «you». *For easy island hopping, **you** can't beat the beauty of the Cyclades. If **you** don't have time to spare, a stay on Crete just might give **you** everything **you** could want in a Greek island and more, with its top notch beaches, remote spots and friendly people.*

Употребление устаревших терминов, относящихся к сфере туризма и гостиничного сервиса также встречается на сайте. Например: *tavern* – закусочная, *a la Carte* – обслуживание в ресторане по меню;

Проведя анализ русскоязычного и англоязычного туристических сайтов, можно сделать следующий вывод. Приемы **речевого воздействия** для манипулирования сознанием адресата в рекламных текстах гостиничного бизнеса реализуются различными языковыми способами, один из них – использование тропов. Манипулятивный потенциал стилистических средств основан на создании красочных образов, обладающих высокой степенью суггестивности.

Итак, реклама отелей и турпродуктов будет эффективной лишь в том случае, если она будет полностью сочетать в себе все необходимые коммуникативно-прагматические аспекты. Подобным образом для рекламы необходимо сформулировать и поставить задачу, которая будет определяться в зависимости от выбранной целевой аудитории. Наличие рекламы и информации об отеле в Интернете в наше время является неотъемлемой частью имиджа любого туристического агентства или сайта.

Современное общество уже привыкло воспринимать необходимую информацию визуально, по этой причине основным источников мировых новостей для людей сегодня являются электронные средства массовой информации. Все рекламные объявления или новости могут быть незамедлительно опубликованы в Интернете, что позволяет потребителям узнавать что-то новое, не покидая стен дома. Проанализировав рекламные тексты, мы сделали вывод, что для них характерна определенная коммуникативно-прагматическая направленность. Воздействие текстов рекламы на объект заключается не только в сообщении информации, но и в оказании определенного влияния на чувства и эмоции человека, его душевного состояния с целью вызвать положительную реакцию. Как правило, для создания заинтересованности у читателя в рекламных туристических текстах часто используются различные языковые средства выразительности. Мы можем заметить,

что в «промоушене» широко применяются метафора, сравнение, олицетворение, различные виды повторов, императивных форм глагола и так далее.

Важно помнить, что тексты рекламы в сфере туризма содержат огромное количество культурных понятий и исторических событий, которые называются реалиями. Отсылка к культурным реалиям помогает агентствам и компаниям лучше продвигать продукт, так как реалии свидетельствуют о правдивости и достоверности информации, вызывают доверие у тех, кто планирует купить товар (тур, путевку, сувенир).

Таким образом, текст туристической рекламы выступает в качестве речемыслительной формы, которая представляет целостную картину мира в виде системы суждений и идей; она помогает реципиенту не только ознакомиться с продуктом, но и сформировать свое собственное отношение к объекту рекламы, привлечь внимание покупателей. В настоящее время терминология русскоязычной и англоязычной рекламы очень развита и расширена, включает в себя целый ряд экстралингвистических компонентов, которые придают тексту гармоничность и адекватность восприятия.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. - М.: Эдиториал УРСС, 2015. - 360 с.
2. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам / Е.М. Верещагин, В.Г. Колстомаров. М.: МГУ, 2014. - 349 с.
3. Гриднева Н.А. Лексикографическое описание цитат / Н.А. Гриднева. - Самара: Международный Институт Рынка, 2016. - 206 с.

Список источников

4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2015. - 376 с.
5. Кулеша В.И. Путеводитель желаний / В.И. Кулеша. – СПб.: Полярная звезда, 2016. – 64 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2015. - 459 с.
7. Baikal Vision [Электронный ресурс] URL : <https://www.baikalvision.com/olkhon> (дата обращения 10.04.20)
8. Rough Guides [Электронный ресурс] URL: <https://www.roughguides.com/> (дата обращения 15.04.20)

УДК 8.81.119

Реконструкция языковой личности адресатов российской и британской прессы (на основе анализа прецедентных феноменов в заголовках статей)

Зырянова Ирина Петровна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, методики и теории обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал), РФ, г. Нижний Тагил
zyryanovairena@gmail.com

Reconstructing language identity of Russian and British press addressees (based on analyzing precedent phenomena)

Zyryanova Irina Petrovna

Cand. Sci (Philology), associate professor of foreign languages department, methods and theory of teaching, Russian State Professional Pedagogical University Nizhnii Tagil State Social Pedagogical Institute (branch), Russia, Nizhnii Tagil

Аннотация. Настоящая статья посвящена реконструкции языковой личности адресата российских и британских средств массовой информации на основе исследования прецедентных феноменов, находящихся в позиции заголовка. Автор предлагает методику, следуя которой, представляется возможным воссоздать данный образ. В частности, первым этапом является определение сфер-источников культурного знания, послуживших источниками зафиксированных прецедентных феноменов. Далее следует исторический, цель которого заключается в определении исторических периодов, к которым относятся выявленные прецедентные единицы. На заключительном третьем этапе целесообразно провести классификацию исследуемых феноменов по национально-культурному источнику, поскольку усваивая эталоны культуры, сообщество людей приобретает некоторую национально-маркированную систему координат, которая фиксируется в языковом сознании и проявляется в дискурсе. На каждом из указанных этапов происходит сопоставление полученных результатов, выявляются общие и специфические черты адресатов российской и британской прессы.

Ключевые слова языковая личность, дискурс СМИ, прецедентный феномен, адресат СМИ, заголовок.

Abstract. The article is devoted to reconstructing language identity of potential addressees of Russian and British press based on analyzing precedent phenomena found in the newspaper headlines. The author suggests following several steps to achieve this purpose. The first one is to determine spheres of culture to which precedent phenomena refer to. The second one is historical which serves the idea of showing the time when the precedent phenomena were created. The final stage is devoted to analyzing the national sources of precedence. The author explains reference to them and shows the importance of their studying in recreating cultural/language knowledge of potential addresses of the press.

Key words language identity, mass media discourse, precedent phenomenon, mass media addressee, headline, title.

Тексты современных СМИ представляют собой ментально-языковое пространство, в котором пересекаются фрагменты национальной картины мира, отражаемые языковыми личностями автора и адресата [2, 5, 7]. Последние обладают языковым сознанием, то есть разновидностью сознания, которая связана с речевой деятельностью личности, и реализуют свои деятельностные потребности в тексте и через текст как основную единицу коммуникации [8, с. 15]. В условиях коммуникативного речевого акта любая языковая личность проявляется через систему когнитивно-тезаурусных и коммуникативно-прагматических показателей [1, с. 3]. Следовательно, языковую личность адресата текстов СМИ можно воссоздать при помощи лингвистического анализа прецедентных феноменов (ПФ), под которыми понимаются знаки, хорошо известные значительной части представителей лингвокультурного общества, актуальные в познавательном и эмоциональном плане, к которым периодически обращаются в своей речи представители данной лингвокультурной общности [4, с. 5].

Материалом исследования являются различные по жанровой принадлежности и общественно-политической окраске газетно-публицистические тексты, опубликованные в высокотиражных российских и британских изданиях и размещенные на соответствующих официальных сайтах глобальной сети Интернет: «Аргументы и факты», «Российские вести», «Российская газета», «Известия», «Новое время», «Times», «Sunday Times», «Daily Telegraph», «Independent», «Economist», «Forbes», «Time», «Guardian», «BBC News». Всего проанализировано 2745 прецедентных феноменов, которые были зафиксированы в заголовках российской и британской прессы (1383 и 1362 единицы соответственно).

Поскольку важным условием успешной коммуникации в СМИ является адресная обусловленность, автор, при выборе того или иного ПФ, учитывает идеологические установки и ценности в картине мира адресата, его фоновые знания. В связи с этим, предполагается, что применение комплексной методики анализа ПФ в позиции заголовка, приводит к воссозданию языковой личности ее адресата. Для подтверждения данной гипотезы предлагается следующий алгоритм достижения поставленной цели, сопровождаемый результатами его применения:

Во-первых, необходимо выявить сферы-источники культурного знания ПФ, зафиксированных в заголовках статей. Данные, полученные в результате такого анализа, предоставляют важную информацию о фоновых знаниях данного лингвокультурного общества, о его образе мысли, ценностных ориентирах на конкретном этапе исторического развития.

Так, в российском газетно-журнальном дискурсе было выделено 24 сферы-источника культурного знания, к которым апеллирует языковая личность данного лингвокультурного общества. Проиллюстрируем наиболее частотные области фоновых знаний примерами в порядке убывания.

Сфера-источник «Литература» (23,6%): «*Все хорошие музеи счастливы одинаково*» (НВ, 28.08.17). Заголовок является квазицитатой первых строк романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Сфера-источник «Пословицы и поговорки» (17,2%): «*Один в банке не доллар*» (АиФ, 16.05–22.05.17). Ср.: «Один в поле не воин».

Сфера-источник «Мировая история и политика» (14,9%): «*Шенгенский забор вместо "Железного занавеса"*» (РВ, 27.04.17). Понятие «Железный занавес» введено премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и обозначает информационный, политический и пограничный барьер, отделяющий возведенный социалистические страны от капиталистических стран Запада

Сфера-источник «Киноискусство» (13,5%): «*Ищи, Мухтар!*» (РГ, 26.03.18). Мухтар – герой фильма «Ко мне, Мухтар!», самоотверженная овчарка, готовая заплатить жизнью за любовь, выручает хозяина в опаснейших ситуациях, которые постоянно создает им нелегкая служба.

Сфера-источник «Музыка» (9,8%): «*Жизнь за царя*» (РГ, 22.02.18). «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») – опера М. И. Глинки (премьера 27 ноября (9 декабря) 1836 г., Большой театр); эталон народной любви к власти, который взяли за образец не только потомки Николая I, но и те, кто свергал царскую власть.

Сфера-источник «Религия» (4,8): «*Время собирать камни*» (РВ, 23.02–1.03.19). Цитата из Книги Екклесиаста, или Проповедника (Ветхий Завет): «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время разбрасывать камни, и время собирать камни».

Соответственно в британской прессе ПФ, зафиксированные в заголовках, относятся к 29 сферам-источникам, среди которых наиболее значимыми являются следующие:

Сфера-источник «Мировая история и политика» (19,4%): «*Wind of change*» (The Economist, January 10, 2018). The Wind of Change speech – выступление британского премьер-министра Г. Макмиллана (Harold Macmillan), адресованное Парламенту Южной Африки 3 февр. 1960 г., об обретении в ближайшем будущем независимости некоторыми колониями Великобритании.

Сфера-источник «Киноискусство» (17,3%): *Please sir, my name is Bond, James Bond* (The Guardian, March 20, 2015). Приводится знаменитая фраза агента 007, звучащая во всех фильмах о Дж. Бонде.

Сфера-источник «Литература» (11,6%): *A tale of two Mexicos* (The Economist, April 24, 2018). «A tale of Two Cities» – исторический роман Ч. Диккенса, начинается с почти стихотворного каданса, задающего ритм противопоставлений, который пронизывает всю книгу, – между верхами и низами, аристократией и парижским «дном», любящими и ненавидящими, Парижем и Лондоном.

Сфера-источник «Пословицы и поговорки» (9,0%): *An apple a day* (The Times, May 27, 2016). Ср.: An apple a day keeps a doctor away.

Сфера-источник «Музыка» (8,1%): *Look Ma, no capital* (The Economist, April 24, 2018). Ср: Look Ma, No Hands – песня, исполняемая Элтоном Джоном.

Сфера-источник «Религия» (7,7%) представлена более широко в русскоязычном корпусе ПФ (выделяются подгруппы «Христианство» и «Мусульманство»), что объясняется историческим соседством мусульман и христиан, чего не наблюдается в Великобритании: *Fertility treatment: Made, not begotten* (The Economist July 26, 2017). Цитата из Библии: «Jesus Christ – the Son of God, begotten, not made».

В то время как сфера-источник «Теракты и катастрофы» (0,6%) более актуальна для британского общества: *Calls for inquiry into MI5 failure to prevent 7-7* (The Daily Telegraph, May 1, 2017). В заголовке зафиксирована отсылка к террористическому акту 7.07.05 в Великобритании.

Наблюдаются также некоторые отличия в наличии ссылок на сферы-источники «Мюзиклы» (0,3%) и «Комиксы» (0,2%) в корпусе британских ПФ. Отсылки к указанным сферам не высокочастотны, но показательны для нас, так как данные направления являются относительно новыми для русской культуры, и на данный момент не входят в корпус ПФ данного лингвокультурного общества.

Promises, promises (The Economist, June 21, 2017). В заголовке используется ПФ Promises, Promises – название популярного мюзикла.

What if Otto had been plain Count Donkeyhead (The Independent, October 14, 2017). Donkey Head – герой серии комиксов, созданных Даниэлем Бейкером.

Вторым этапом реконструкции языковой личности является исторический. Поскольку на каждом историческом этапе развития лингвокультурного общества существует свой корпус ПФ, необходимо провести историческую классификацию,

цель которой заключается в определении исторических периодов, к которым относятся ПФ, зафиксированные в заголовках. Предполагается, что полученные результаты помогут выявить наиболее активные временные отрезки, в которые создавались прецеденты, функционирующие в современном газетно-журнальном дискурсе, а также определить наиболее значимые сферы-источники, в рассматриваемые нами исторические периоды и объяснить их важность. Предложенная классификация поможет объяснить временные особенности использования ПФ в современном газетно-журнальном дискурсе, а также выявить историко-политические и социальные факторы, влияющие на создание корпуса прецедентных текстов и формирование языковой личности данного лингвокультурного общества.

Так, проведенный сопоставительный исторический анализ ПФ, зафиксированных в заголовках российской и британской прессы, позволяет выделить следующие временные отрезки, значимые в формировании корпусов ПФ, к которым апеллируют русская и британская языковые личности. Значительный процент ПФ, датируемый 4 в. до н.э. – 2 в. н.э., (12,9% и 12,5% соответственно) относится к культуре Древнего Рима и Древней Греции. Данный факт свидетельствует о том, что в XXI веке античное наследие не утратило своей актуальности, создав прочную основу современной европейской культуры, что подтверждается при анализе газетного дискурса России и Великобритании.

Требуется дамоклов меч (НВ, 30.04.16). Дамоклов меч – нависшая над кем-либо постоянная угроза при видимом благополучии (древнегреческое предание о сиракузском тиране Дионисии Старшем и его приближенном Дамокле).

Далее наиболее значимыми историческими периодами для русской языковой личности являются 17 век (3,6%), благодаря ПФ иностранного происхождения, 18 (4,0%) и 19 века (19,9%).

Путин прорубает окно в Азию (Известия, 14.12.15). Выражение «прорубить окно в Европу» связано с политикой Петра I, ориентированной на Запад.

Екатерина Великая (РГ, 18.01.17). Екатерина II (1729–1796 гг.) – российская императрица с 1762 по 1796 гг.

Как же грачи прилетели? (АиФ, 16.04–22.04.18). Заголовок создан на обыгрывании названия полотна А. К. Саврасова «Грачи прилетели» (1881 г.).

Отметим, что количество зарубежных ПФ 19 и 20 веков сравнительно одинаковое. Данная тенденция объясняется тем фактом, что в 19 веке формируется классическая европейская культура, составляющая мировой культурный фонд. ПФ

этого периода, используемые в заголовках российских СМИ, являются транснациональными.

Для 20 века (48,9%) характерна культурная закрытость, определяемая политикой государства в данный исторический период, на что указывает низкий процент ПФ зарубежного происхождения.

Почем "кузькина мать"? (АиФ, 29.10–4.11.18). Ссылка на знаменитое обещание Н. С. Хрущева «показать кузькину мать» враждебно настроенным странам (15 Ассамблея ООН 21.09.60.), идиоматическое выражение угрозы.

Как показывает анализ, в 80-90-е годы наблюдается рост ПФ зарубежного происхождения, что является результатом социальных и политических изменений в государстве. Данная тенденция укрепляется в 21 веке.

Михаил Жванецкий: "Нами правят Майклы Джексоны?" (АиФ, 11.06–17.06.18). Майкл Джексон – популярный поп-исполнитель

Белорусы – крепкие орешки (РГ, 18.01.17). Крепкий орешек – популярный боевик 1988 года.

Для британской языковой личности важными периодами становятся 14 и 15 века (2,0% и 1,4% соответственно), время создания английских народных баллад, становления британской литературы, что получило отражение в корпусе зафиксированных ПФ.

Coolhunter Robin's hoody (The Times, October 20, 2017). Robin Hood – герой английского фольклора, боролся за справедливость (грабил богатых рыцарей и священников, отдавая добытое беднякам).

Актуальными также являются 16 и 17 века (6,4% и 5,7% соответственно), что является следствием наступления эпоха географических открытий, путешествий англичан в другие страны. Данный факт отражается на высокой частотности ссылок на ПФ зарубежного происхождения, датируемые данным периодом. Важность данного временного отрезка связана с творчеством У. Шекспира, внесшего весомый вклад в культуру британского общества.

Friends, thetans, countrymen (The Daily Telegraph, September 9, 2017). В примере использовано трансформированное начало обращения Антония к плебеям на могиле Цезаря из произведения «Julius Caesar». Ср: Friends, Romans, Countrymen.

Значимыми является 18 век (3,0%), в связи с Войной за Независимость в США, и 19 век (18,0%), благодаря расцвету классического европейского искусства.

In pursuit of the old and pure (The Economist, August 2, 2017). Используется трансформированная цитата из Декларации Независимости США: «Life, liberty and the pursuit of happiness».

A Jane Austen state of mind (The Times, August 30, 2016). Jane Austen (1775–1817 гг.) – английская писательница, чьи произведения отличаются реализмом, иронией, острой критикой социальных проблем.

В 20 веке (41,9%) зафиксировано примерно одинаковое соотношение британских и зарубежных ПФ, так как Великобритания занимает важное место на мировой политической арене. Важными также становятся сферы-источники массовой культуры «Музыка», «Киноискусство».

The show must go on (The Times, November 01, 2016). Используется название песни английской рок-группы Queen из альбома «Innuendo».

Silencing of the lambs (The Economist May 8, 2018). В заголовке трансформируется название триллера «The Silence of the Lambs».

Для 21 века (7,4%) характерно смещение акцентов с областей искусства на сферы-источники «Теракты и катастрофы», «Экономика» и «Радио и телевидение».

Bush: "Iraq withdrawal may spark 9-11 repeat" (The Daily Telegraph, March 20, 2017);

Investing in Russia: Forgive and forget (The Economist, February 10, 2015). Forgive or Forget – ток-шоу, появившееся на экранах США в 1998 г., где рассказывается о сложных ситуациях, в которых оказываются простые люди.

На третьем этапе целесообразно провести классификацию ПФ по национально-культурному источнику. Актуальность данного анализа объясняется тем, что усваивая эталоны культуры, сообщество людей приобретает некоторую национально-маркированную систему координат, которая фиксируется в языковом сознании и проявляется в дискурсе [4, с. 27] Следовательно, для более детального представления языковой личности адресата СМИ определенного лингвокультурного общества необходимо определение областей знаний иных культур, к которым апеллирует автор при создании текста.

Так, проведенный анализ ПФ показывает, что основным источником прецедентности, к которому наиболее часто обращаются российские и британские журналисты, является отечественная культура (82,9% и 69,1% соответственно) поскольку для представителей российского и британского лингвокультурных общества она считается более авторитетной, доказательной и выразительной, что подтверждается другими исследователями [6; 3; 4; 7]. География зарубежных

источников ПФ в британской прессе шире, чем в российской (29 и 15 соответственно), поскольку наиболее значимую роль в формировании корпусов ПФ изучаемых лингвокультурных обществ играет XX век.

В заголовках российской прессы первое место занимает культура англоязычного мира (США (5,7%) и Великобритании (4,9%)). Данный факт можно объяснить тем, что английский язык является международным средством общения, что делает его культуру открытой, выставленной напоказ всему остальному человечеству не смотря на «национальную любовь англичан к закрытости — «My home is my fortress» («Мой дом — моя крепость») [9, с. 20]. В заимствованных англоязычных реалиях особое место занимает культура США, а именно кинопродукция Голливуда, что является следствием ее популярности в России.

Родился русский СИ-ЭН-ЭН (РВ, 15.06–21.06.15). CNN – американский телеканал, созданный в 1980 году.

Александр Невский добил Билла (АиФ, 2.04–8.04.18). Убить Билла – кинодиалогия американского режиссёра и сценариста Квентино Тарантино.

Наблюдаются также частые отсылки к американским и английским литературным произведениям, что указывает на литературоцентричность русской нации.

Прощай, оружие (РГ, 29.03.18). Прощай, оружие! – роман американского писателя Эрнеста Хемингуэя.

Автор в зазеркалье (НВ, 29.10.16). Алиса в Зазеркалье – детская книга английского математика и писателя Льюиса Кэрролла.

Высокая частотность ПФ, возникших во французской (1,9%) и немецкой (1,4%) культурах, является следствием их высокого социального престижа в русском лингвокультурном обществе. Данное положение находит подтверждение в частых обращениях к литературе, истории и политике Франции, а также в многократных отсылках к классической немецкой литературе, музыке и истории XX века.

Дети капитана Гранта (РГ, 21.07.15). Дети капитана Гранта – роман французского писателя Жюль Верна

Лишние Фаусты (НВ, 26.11.16). Фауст – герой одноименной философской драма для чтения, которая считается главным трудом Иоганна Вольфганга Гёте.

Как показывает анализ ПФ в британских заголовках, ПФ американского происхождения (12,9%) также весьма востребованы языковой личностью данного лингвокультурного общества. Это объясняется сохраняющимися особыми

отношениями Великобритании с США, которые во многом определяются общностью языка, близостью традиций, культуры.

Official Elvises vie to step into his blue suede shoes (The Guardian, August 16, 2017). Элвис Пресли (1935–1977 гг.) – самый успешный исполнитель популярной музыки XX века.

Весьма частотны ссылки на европейскую культуру в сферах-источниках блоков «Искусство» «История и политика» и «СМИ», что объясняется географической и культурной близостью.

America's Berlin Wall (The Economist, June 12, 2018). Берлинская стена (1961–1989 гг.) отделяла Западный Берлин от восточной части Берлина и территории ГДР, является одним из самых известных символов холодной войны.

The Kouchner effect (The Economist, May 24, 2017). Bernard Kouchner (р. 1939 г.) – бывший министр иностранных дел Франции, известен основанием организации «Врачи без границ» для помощи жертвам вооруженных конфликтов.

Анализ результатов данной классификации также указывает на активное знание реалий азиатского происхождения, что является следствием современной политической и экономической ситуации, например, в Китае (1,2%), Иране (0,8%), Ираке (0,8%), где Великобритания занимает активную политическую позицию.

Still in Mao's shadow (The Economist, October 11, 2017). Мао (1893–1976 гг.) – китайский государственный и политический деятель XX в., главный теоретик китайского коммунизма.

How 'Little Saddam' the despot's daughter spent her longest night (The Times, January 06, 2017). Saddam Hussein (1937–2006 гг.) – иракский государственный и политический деятель, президент Ирака с 1979 по 2003 гг. Знание культуры Индии (1,0%) является результатом британского колониального исторического прошлого.

The cult of the dabbawala (The Economist, July 10, 2018). Dabbawala – система питания, созданная изначально для британцев в Мумбае. Даббавала-сборщики получают упакованные обеды у производителей и доставляют к поездам – основному виду массового транспорта в Мумбае. Затем на других станциях даббавала-доставщики забирают обеды и доставляют их по указанному адресу.

Итак, используя ПФ в сильной позиции текста, автор публикации всегда предполагает, что чужое слово будет корректно расшифровано потенциальным читателем, что позволяет нам, в свою очередь, воссоздать языковые личности адресатов российской и британской прессы на основе предложенной методики, а также выявить их общие и специфические черты, что представляют интерес для

специалистов в сфере журналистики, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Либроком, 2019. – 264 с.
2. Корниенко Е.Р. Полидискурсивная языковая личность как объект исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И Герцена. – Вып. 193. – СПб., 2019. – С.73 – 83.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова, Н.Д. Единицы лингвокультурного пространства // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – Вып. VI. – СПб., 2003. – С. 13–18.
4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М. : , 2003.
5. Лутовина Л.В. Становление понятия «языковая личность»: от «языка в человеке» до «человека в языке» // Вестник Волгоградского педагогического университета. – Вып. 1 (114). – Волгоград, 2017. – С. 82–89.
6. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ. автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / Ю.Б. Пикулева – Екатеринбург, 2003.
7. Слышкин Г.Г. Интертекстуальность как инструмент лингвистического маркетинга (на материале переводов названий текстов массовой культуры) // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография. 3-е издание / Слышкин Г.Г., Бочарникова Н.В. // Москва. 2016 – 16 с.
8. Тарасова М.С. Роль языковой личности в дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. – Вып. 1. – Москва, 2019. – С. 41–50.
9. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 352 с.
10. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. – М. : URSS, 2016. – 294 с.

УДК 811.11

Номинация вопроса как объект оценки с позиций «народной лингвистики»

Петрова Елена Серафимовна

канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
e.s.petrova@spbu.ru

Соколова Наталья Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
n.y.sokolova@spbu.ru

Nomination of Question as Object of Evaluation in Folk Linguistics

Petrova Elena Serafimovna

Cand. Sci (Philology), Associate professor of the Translation and Interpreting Department
Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Sokolova Natalia Yurievna

Cand. Sci (Philology), Associate professor of the Department of English Philology and
Cultural Linguistics, Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования оценочных прилагательных *good* и *bad* в сочетании с метаязыковым существительным *question*, которое служит базовой номинацией речевого акта вопроса в английском языке. Словосочетания *good question* и *bad question* впервые рассматриваются с позиций «народной лингвистики» -- совокупности бытовых представлений социума о сущности и когнитивных характеристиках единиц коммуникации. Функциональный анализ употребления указанных словосочетаний в бытовом, а не научном дискурсе показал, что рядовые представители англоязычного социума используют их не столько с целью оценки содержания или формы заданного собеседником вопроса, сколько с целью моделирования коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: хороший вопрос, плохой вопрос, «народная лингвистика», оценка, оценочные прилагательные, моделирование коммуникативной ситуации, прагматическая установка.

Abstract. The article investigates the functional characteristics of the evaluative adjectives *good* and *bad* in noun phrases with the head word *question*, which serves as the basic nomination of the corresponding speech act in English. The noun phrases *good question* and *bad question* are seen as part of the language inventory of folk linguistics, viewed as a set of popular beliefs about the nature and cognitive characteristics of communication units. The functional analysis of their use in anglophone non-scholarly discourse has shown that average English language speakers use these noun phrases as tools for communicative situation modelling rather than purely evaluative units.

Key words: good question, bad question, folk linguistic, evaluation, evaluative adjectives, communicative situation modelling, pragmatic goal.

Представителям различных культурно-языковых сообществ свойственно формировать обиходные, не имеющие научного обоснования представления о языке и речи в целом, а также об их отдельных единицах. Наивное сознание проявляет склонность к рефлексии над языковыми и речевыми явлениями и складывает комплекс бытовых высказываний, названный в профессиональной среде народной или «наивной» лингвистикой (англ. *folk linguistics*). В связи с развитием когнитивного подхода «наивнолингвистический» материал, включающий как ненаучные суждения о языке в общем, так и попытки осмысления рядовыми говорящими частных языковых явлений, вызывает разносторонний интерес профессиональных исследователей в нашей стране и за рубежом. Специфике бытовых представлений о языке посвящены недавние работы, выполненные, к примеру, в русле изучения языковой мифологии и стереотипов, закрепленных в обыденном языковом сознании [8, с. 106-107], в свете диалектной и этносоциолингвистической проблематики [3], в рамках активно разрабатываемого дискурсивного подхода [10]. То обстоятельство, что внимание к аспектам «народной» лингвистики сохраняется в течение последних десятилетий, позволяет исследователям проследить развитие самого понятия и области изучения [6].

Актуальность данной работы обусловлена исследовательским вниманием к сегменту бытовых представлений о языке как фрагменту общей картины мира, присущей той или иной культурно-языковой общности, а также тем обстоятельством, что оценка является не только неотъемлемым компонентом обиходных взглядов, но и модусом их формирования. Проведение исследования на материале английского языка особенно актуально, поскольку в настоящее время заметно активизируется интерес рядовых британцев к родному языку, что находит выражение в значительном количестве научно-популярной лингвистической литературы, телевизионных передач о проблемах современного состояния языка с активным вовлечением телезрителей; такое положение дел опирается на британскую традицию сетований на нарушение языковых норм, получившую название “complaint tradition” [11].

С нашей точки зрения, по аналогии с существованием лингвистической прагматики в профессиональной системе лингвистических взглядов, в комплексе «наивнолингвистических» представлений закономерно ответвление области «наивной прагматики». Новизна настоящей работы состоит в обращении к области суждений о фактах речи, которую мы предлагаем называть «народной прагматикой» и понимать как совокупность обиходных представлений о сущности и когнитивных

характеристиках единиц коммуникации, в частности, вопроса, а также об оценочном компоненте их восприятия рядовым говорящим – «народным лингвистом».

Ни лингвистическая прагматика, ни эротетическая логика до сих пор не занимались изучением восприятия речевого акта вопроса как такового в категориях «хороший – плохой». Однако в повседневной речи носителей английского языка весьма распространены «народно-прагматические» суждения, построенные по модели (*that's a*) *good/bad question*. Исследование речевого функционирования словосочетаний *good question* и *bad question* предпринято с целью выявления обиходных, «народно-прагматических» представлений участников англоязычного социума о вопросе – речевом действии, которое номинируется метаязыковым существительным *question* и становится объектом оценки. Для выражения такой оценки типично использование именно базовых оценочных прилагательных английского языка – *good* и *bad*.

Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи по выявлению когнитивных характеристик, которыми англоязычное сознание наделяет вопросы, стимулирующие не столько ответ по существу, сколько оценочное суждение по поводу заданного вопроса, имеющее форму *Good question* и *Bad question*, и последующее уточнение оснований и реальных объектов таких оценок в коммуникативной ситуации.

Материал исследования, содержащий номинации *good question* и *bad question*, был получен из электронных корпусов британского и американского вариантов английского языка.

Одно из основных положений прагматики заключается в том, что речь – неотъемлемая часть жизни, а это значит, что отдельные речевые явления также обладают жизненной значимостью для участников коммуникативных ситуаций.

Таким неотъемлемым компонентом общения, а также важнейшей единицей языка и речи является вопрос, имеющий не только общенаучное, но и общекультурное значение [2, с. 5]. Вопрос представляет собой реляционное понятие и вместе с ответом образует вопросно-ответное единство, в котором научными изысканиями ключевая роль отводится именно вопросу: «Вопрос более независим, чем ответ» [5, с. 134].

Профессиональным мнениям не противоречат и отдельные «наивные», или «народные», представления о когнитивных характеристиках сущности речевого акта вопроса в англоязычном сознании. Как показывает проведенное ранее исследование функционирования номинации вопроса в английском языке и культуре, в обиходных

представлениях членов англоязычного социума речевой акт вопроса мыслится как осязаемая сущность, имеющая определенные параметры (преимущественно значительные «размеры»: *enormous question, giant question, vast question*) и способная к каузации целого спектра чувств (по большей части, отрицательно оцениваемых: *terrifying question, pressing question, burning question, explosive question*) [7, с. 45].

В этой связи вызывают научный интерес представления участников англоязычной общности о «хорошем» и «плохом» вопросе, а также о коммуникативных ситуациях, связанных с репрезентацией этих представлений.

Оценка является наиболее показательным представителем прагматического значения, под которым понимается то значение, которое слово приобретает в коммуникативной ситуации. В отличие от значения дескриптивных слов, раскрытие недескриптивных значений не может рассматриваться вне контекста высказывания. Как компонент прагматического значения, оценка делает первостепенной задачу интерпретации. Определение недескриптивных значений – прагматическая проблема, поскольку для того, чтобы правильно употреблять оценочные прилагательные, прежде всего *хороший* и *плохой*, невозможно обойтись без информации о прагматическом окружении [1, с. 5-6].

Оценка находится в зависимости от говорящего субъекта и обращена на адресата речи. В оценочное высказывание включен как фактор адресата, так и коммуникативная цель отдельного речевого акта. «Главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние (*create an influence*)» [1, с. 43]. Цель оценочных суждений состоит в том, чтобы сформировать определенное отношение или мнение, оказать воздействие на других или дать самому возможность принять практическое решение. Как таковой оценочный предикат уже содержит иллокутивную силу [1, с. 46].

В ходе анализа оценочных суждений исследователи уделяют особое внимание функционированию прилагательных *хороший* и *плохой*, которые Н.Д. Аругюнова относит к числу «общеоценочных», подчеркивая, что диапазон ситуаций их применения обширен и вариативен. Поскольку эти прилагательные предлагают холистическую оценку без указания на дескриптивный признак объекта, их употреблению необходима последующая интерпретация. Более того, смысл высказывания, которое содержит прилагательное *good*, часто неоднозначен [1, с. 94], следовательно, отдельные случаи неоднозначных высказываний требуют от

говорящего дополнительной информацией, позволяющей сделать высказывание в достаточной степени прозрачным для собеседника.

По мнению З. Вендлера, качество *goodness* отстоит от объекта дальше, чем любые другие качества, набор которых и демонстрирует сам объект. В отличие от них *good* является внешней характеристикой существующего объекта [4]. Именно эта удаленность от объекта заставляет предположить, что некоторое ослабление семантических связей будет компенсировано усилением прагматической составляющей коммуникации.

Идея характеристики объекта «извне» воплощена в грамматическом правиле употребления прилагательных в английском языке, согласно которому прилагательные, обозначающие более постоянный признак, стоят ближе к существительному. Таким образом, оценочные прилагательные, *good* и *bad* в первую очередь, отстоят в этой цепочке далее всего от определяемого существительного, уступая место прилагательным, обозначающим размер, возраст, форму, цвет, происхождение, материал, предназначение (по мере приближения к существительному).

Такое «расположение» слова *good* в цепочке определений П. Зифф связывает с высоким рангом этого прилагательного, объясняющимся широкой сферой употребления [12]. По смыслу *good* соединяется с существительным через релевантный глагол. Таким образом, слово *good* может являться характеристикой человека или предмета в нескольких случаях: с позиции обычной или потенциальной деятельности, а также с точки зрения использования или пригодности для той или иной роли. Таким образом, при рассмотрении примеров, среди которых “*John is a good dancer*”, “*John is a good poet*”, не составляет труда понять смысл этих высказываний, а также то обстоятельство, что слово *good* характеризует танцора и поэта в контексте их деятельности, а, скажем, не личностных качеств [4].

Если следовать этой логике, то оценочный смысл высказывания “*That’s a good question*” может быть однозначно истолкован в том случае, если на вопрос “*Good/bad for what?*” можно дать конкретный ответ с использованием релевантного глагола. Однако изолированные высказывания типа “*That’s a good/bad question to ask*”, “*That’s a good/bad question to answer/to respond to*”, как видится, не вполне способны пролить свет на трактовку понятия *good/bad question* обиходным языковым сознанием. Еще менее тому способствует метафорическая сочетаемость, как, например, в высказываниях “*That’s a good/bad question to bring up*”, “*That’s a good/bad question to beg*”, “*That’s a good/bad question to parry*”.

Для решения этой проблемы обратимся к прагматическому окружению указанной номинации и рассмотрим фрагменты народного дискурса, зафиксированные электронными корпусами английского языка и содержащие употребление номинации вопроса в сочетании с прилагательным *good*.

(1) *"I think that's a good question"*. (Pause). *"And what's the answer?"* (Laugh). *"Yes, I mean I don't think anybody really knows"*. (Contemporary history of China: Lecture (Edu/inf). Rec. on 12 Nov 1992) [BNC] / «Думаю, это хороший вопрос». (Пауза). «И каков же ответ?» (Смех). «Да, я что хочу сказать: думаю, вряд ли его кто-нибудь знает». (Здесь и далее перевод авторов статьи – Е.П., Н.С.).

Как видно из контекста, фраза *"...that's a good question"* не является непосредственной констатацией того факта, что вопросу (который в данном случае остается в импликации), присуще качество *goodness*. Скорее наоборот: оратору, судя по всему, задали вопрос с подвохом, «неудобный» и нежелательный, который ставит его в тупик перед аудиторией и грозит ему потерей лица. В свете этого стереотипная реплика *"...that's a good question"* приобретает в данной ситуации иронический смысл: на первый взгляд, вопрос как таковой не содержал в себе оснований для квалификации его как «хорошего». Прототипическое значение положительной оценки реализуется прежде всего в коммуникативном и когнитивном аспектах. Вопрос расценивается как «хороший» в силу его оригинальности и релевантности для обсуждаемой темы. При этом положительная оценка, пусть даже крайне ослабленная, переносится по смежности, с одной стороны, на задавшего вопрос собеседника, поскольку тот проявил внимание к теме обсуждения, нетривиальность мышления и вовлеченность в коммуникацию. С другой стороны, положительная оценка также переносится по смежности на коммуникативную ситуацию в целом, поскольку употребление клишированной реагирующей реплики *"...that's a good question"*, не потребовавшей от говорящего речемыслительных усилий, было нацелено им на позитивные результаты, а именно: установление эмпатии с аудиторией, выигрыш дополнительного времени для преодоления коммуникативного затруднения (на которое указывает невербальный компонент – пауза), планирование своей речи и уход от конкретного ответа, причем без потери лица. Иначе говоря, в высказывании *"Good question"* англоязычное сознание усматривает основание для положительной оценочности прежде всего не в смысловом содержании и не в изящной форме обсуждаемого вопроса, а в направленности этого клишированного отзыва о заданном вопросе на положительный результат коммуникации, даже при неспособности говорящего дать ответ на этот вопрос.

Эти наблюдения подтверждаются и другими ситуациями, в частности, теми, где вопрос был задан не с умозрительными, дискуссионными целями, а с сугубо практическими, например:

(2) *“When are we meeting again?” “Oh yeah, good question. Another six weeks.” “When is that?” (unclear) “...of March. And thank you so much everybody and mainly for putting up with me.” (Charity committee meeting. Rec. on 26 Jan 1994) [BNC]* / «Когда мы снова соберемся?» «Ах да, хороший вопрос. Недель через шесть». «Когда именно?» (неразборчиво) «...марта. Большое всем спасибо, и главным образом за то, что терпели меня».

Адресат вопросительной реплики вполне понимает, что обращенный к нему вопрос содержит две иллокутивные силы: собственно запрос информации о дате следующего заседания и косвенное побуждение к назначению очередной встречи, грамматически выраженное употреблением времени Present Continuous для обозначения заранее намеченных планов. Однако, не стремясь к скорейшим контактам (что подтверждает сначала отсылка к весьма приблизительному периоду времени, а затем намеренное замалчивание конкретного ответа), адресат инициального вопроса «отделяется» клишированной репликой *“Good question”* (предваряя ее небрежным восклицанием) для ухода от незамедлительного ответа, причем нежелательного для собеседника. При этом каких-либо объективных оснований для положительной оценки заданного вопроса нет: это рутинный запрос информации в институциональном дискурсе. Прототипический оценочный компонент, как и в примере (1), не очевиден: он частично переходит по смежности от совершенно нейтрального вопроса, как объекта оценки, на собеседника, якобы сделавшего свой своевременный и уместный запрос. Но здесь оценивающий субъект более эксплицитно нарушает условия искренности: им движет не столько неспособность, сколько нежелание давать ответ и тем самым связывать себя обязательствами; он прибегает к манипулятивной тактике и притупляет внимание адресата, во-первых, рудиментарной положительной оценкой, содержащейся в прилагательном *good*, а во-вторых, расчетливым нарушением постулата манеры: говорит так, чтобы его не расслышали, без промедления предлагая другую клишированную реплику, чтобы завершить текущую коммуникацию. Таким способом он моделирует коммуникативную ситуацию в собственных интересах.

Характерно, что клишированное выражение *“Good question”* не всегда гармонизирует общение или хотя бы устраняет возможный конфликт. Рассмотрим в этой связи пример (3).

(3) *"I was going to ring you". "Why didn't you?" "Good question. You never gave me your number". "You never gave me yours either. But we're both in the books." "Ah". There was an uncomfortable silence for a moment and then she went on. (Chimera. Gallagher, Stephen. Sevenoaks: New English Library, 1991. pp. 133-250) [BNC] / «Я собирался тебе позвонить». – «Почему же не позвонил?» – «Хороший вопрос. Ты так и не оставила мне свой номер телефона». – «И ты не давал мне свой номер. Но оба номера есть в справочниках». – «Да?» На мгновение воцарилось неловкое молчание, после чего она продолжила.*

В данном примере высказывание *"Good question"* используется как своего рода защитная реплика, призванная «оградить» первого коммуниканта от упрека, высказанного в форме запроса информации о причине прерывания контактов. Такое речевое действие является вторжением в личную сферу собеседника и порицается англоязычной лингвокультурой. Используя выражение *"Good question"*, говорящий пытается ввести в заблуждение свою собеседницу. Он прибегает к осторожной лести, рассчитывая, видимо, на то, что конвенциональный смысл его клишированной фразы будет воспринят собеседницей как похвала, перенесенная по смежности на ее личность и способная нейтрализовать ее недовольство, однако это коммуникативное намерение оказывается не реализованным. Попытка моделирования коммуникативной ситуации при помощи фразы *"Good question"* вызвала коммуникативный сбой и оказалась unsuccessful.

Необходимо отметить, что в ряде случаев прагматическое окружение все же указывает на то, что реплика *"Good question"* действительно репрезентирует когнитивную характеристику вопроса как положительно оцениваемой сущности. Например:

(4) *"How often do ducks lay eggs?" "Good question. Don't know. Apparently, they are laying profusely at the moment". (62 convs. rec. by 'Dorothy' between 13 and 20 March 1992) [BNC] / «Как часто утки несут яйца?» «Хороший вопрос. Не знаю. Скорее всего они и сейчас обильно несутся».*

Как следует из источника, приведенный пример представляет собой фрагмент разговора взрослого собеседника и ребенка на тему имеющегося у них подсобного хозяйства. В данном случае запрос информации, явно наделенный суггестивными свойствами, действительно оценивается адресатом как «хороший вопрос»: такой вопрос «хорош для» совместного принятия решений, его продуктивное обсуждение способно побудить коммуникантов к моделированию конкретных действий – именно с таким дальним прицелом первый коммуникант и запрашивает необходимые

сведения. Надевая заданный ему вопрос когнитивной характеристикой “goodness”, второй участник коммуникации, тем не менее, испытывает коммуникативное затруднение, поскольку не владеет запрашиваемой информацией и может лишь высказать свое предположение. Иными словами, положительной оценке вопроса с помощью прилагательного *good* не препятствует осознанная неспособность дать на него конкретный, прямой ответ. В данном случае нетрудно усмотреть и смещение оценочности по смежности на личность юного коммуниканта, задавшего дельный, не праздный вопрос.

В отличие от атрибутивной сочетаемости прилагательного *good* и существительного *question*, аналогичные словосочетания и включающие их оценочные высказывания с прилагательным *bad* в электронных корпусах английского языка значительно менее частотны: и количество биномов *bad question* составляет лишь около 1% - 2% от числа биномов *good question*. Рассмотрим следующий случай:

(5) *When asked to forecast the level of unemployment in a year's time he becomes uncharacteristically coy. “That’s a bad question”, he told me. “I can't give an answer. It depends on how we undertake our economic reform”.* (Marxism Today. 1990) [BNC] / Когда его просят спрогнозировать уровень безработицы через год, он отвечает чрезвычайно уклончиво. «Это плохой вопрос», – сказал он мне. «Я не могу дать на него ответ. Зависит от того, как мы проведем экономическую реформу».

Причин более низкой частотности бинома *bad question* несколько, но одной из ведущих представляются функциональные ограничения. Если бином *good question* функционирует как речевой стереотип (по Т.П. Третьяковой) [9, с. 203], причем и в структуре полного предложения, и в структуре односоставного назывного, то бином *bad question* зафиксирован только в структуре двусоставного предложения и не выступает как речевой стереотип. Помимо этого, прилагательное *bad* полисеманлично и в одном из лексико-семантических (сленговых) вариантов смыкается со своей противоположностью – *good*, тогда как *good* остается в рамках сугубо положительной оценочности и при этом сохраняет способность к передаче иронических смыслов, близких англоязычному менталитету – см. выше, пример (1).

Понятие «плохого», как противоположность «хорошего», правомерно рассматривать с аналогичных позиций – в терминах «не-полезности для чего-либо». В данном случае вынесение говорящим отрицательной оценки заданному собеседником вопросу обусловлено, как следует из контекста, невозможностью дать на него ответ. Впрочем, как показали примеры (1)–(4), невозможность,

неспособность или нежелание давать ответ не препятствуют положительной оценке вопроса и описанию его при помощи выражения *good question*. Представляется, что в примере (5) номинация *bad question* не связана с языковой неадекватностью или ситуативной нерелевантностью вопроса, заданного говорящему. Квалификация вопроса как «плохого» может быть сопряжена с экстралингвистическим контекстом, который в момент коммуникации, здесь и сейчас, определяет не только невозможность дать единственно правильный ответ, но и затрагивает трудную, болезненную для оценивающего субъекта тему.

Если в примере (5) «плохой» вопрос затрагивал сложную сферу ответственности говорящего, то в примере (6) заданный вопрос потенциально мог относиться к любой сфере бытования говорящего:

(6) *And there was this really awkward pause because everybody knew that that was really a bad question to ask. (Fresh Air 12:00 AM EST) [COCA]* / Повисла по-настоящему неловкая пауза, так как все знали, что это действительно плохой вопрос.

Вопрос, который оценивается как «плохой», моделирует общую ситуацию общения в невыгодном для оценивающего субъекта направлении. При этом, как следует из примера (6), предполагается, что участники этой коммуникативной ситуации руководствуются схожими соображениями, общими в данном случае для всех коммуникантов критериями оценки, что выражается в единодушной отрицательной реакции на вопрос.

Итак, делая вывод о специфике «народнопрагматической» трактовки рассмотренных биномов, можно отметить следующее.

В «народной» прагматике выражение положительной оценочности за счет актуализации биннома *good question* обычно оказывается ослабленным: положительная оценка, как мы показали, распределяется по смежности между эксплицитным или имплицитным содержанием речевого акта вопроса, с одной стороны, и автором «хорошего» вопроса – с другой; при этом положительная оценка не обязательно удовлетворяет критерию искренности, а за счет иронии способна преобразовываться в свою противоположность – отрицательную оценку. Но основная коммуникативная цель включения в речь этого конвенционального клише состоит не в выражении оценки вопроса или собеседника, а в реализации прагматических установок говорящего – субъекта оценки, таких, как попытка (не обязательно успешная) воздействовать на слушателей, выиграть время для планирования ответа по существу дела, уклониться от прямого ответа, привлечь внимание к собственному вкладу в коммуникацию. В случае успешной реализации интенций говорящего

актуализованный бинот *good question* оказывается инструментом моделирования коммуникативной ситуации.

В свою очередь, употребление словосочетания *bad question*, не являющегося речевым стереотипом, предполагает более высокую степень действительной оценочности, которая распределяется между такими объектами отрицательной оценки, как содержание самого вопроса, с одной стороны, и сложившейся для говорящего ситуацией, с другой. Дополнительным подтверждением ослабленного прагматического потенциала бинота *bad question* по сравнению с *good question*, служит тот факт, что в «народнопрагматическом» англоязычном сознании *bad question* не проявляет способности к реверсии знака оценки за счет иронии.

Данная статья открывает перспективы для дальнейших исследований области «народной прагматики» с привлечением номинаций других феноменов речевого общения.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Белнап Н., Стил. Т. Логика вопросов и ответов. М.: Прогресс, 1981. 288 с.
3. Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.
4. Вендлер З. О слове GOOD. [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/grammar/155.new-in-linguistics-10/source/worddocuments/good.htm>
5. (дата обращения: 11.05.2020).
6. Голубева-Монаткина Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1991. №1. С. 125 – 134.
7. Пэн В. «Наивная» лингвистика: эволюция понятия // Международный аспирантский вестник. Русский языка за рубежом. М., 2019. – №1. С. 50-55.
8. Соколова Н. Ю. О некоторых философских взглядах на вопрос: научные и бытовые представления. Научное мнение, 2018. №12. С. 42-47.
9. Стернин И.А. Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании // Лингвистика без границ. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. С. 106-131.
10. Третьякова Т.П. О лингвистической интерпретации современных стереотипов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т.7. - №1. С. 201-208.
11. Babcock R.D. Rhetorical argument, folk linguistics, and content-oriented discourse analysis: A follow-up study // Ampersand. An International Journal of General and Applied Linguistics, 2 (2015). P. 61-69.
12. Milroy J., Milroy L. Authority in Language: Investigating Standard English. – Routledge. London and New York, 2012. 208 p.
13. Ziff P. Semantic Analysis. Cornell University Press, 1960. 276 p.

Список источников

19. BNC – The British National Corpus. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 11.05.2020).
20. COCA – The Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 11.05.2020).

УДК 8.81

Особенности перевода медицинской терминологии с английского языка на русский

Савинова Полина Владимировна

студентка 4 курса факультета истории и международных отношений
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
savinova.polina2012@yandex.ru

Селифонова Елена Дмитриевна

к.филол.н, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
idiomal@yandex.ru

The peculiarities of translating medical terminology from English into Russian

Savinova Polina Vladimirovna

4th year student History and International relations Faculty
Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Selifonova Elena Dmitrievna

PhD in Philology, assistant professor of the English language theory and translation theory
department, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Аннотация. Статья посвящена проблеме адекватного и эквивалентного перевода медицинской терминологии с английского языка на русский язык. На основании анализа официальных статей Всемирной организации здравоохранения, посвященных проблеме распространения и борьбы с COVID-19, устанавливаются и рассматриваются наиболее эффективные переводческие приемы, используемые при работе с медицинским дискурсом. В частности, автор приходит к заключению, что комплекс таких лексико-грамматических трансформаций как смысловое развитие, перегруппировка семантических компонентов, замена частей речи и синтаксических конструкций способствуют достижению переводческой адекватности и эквивалентности. В работе автор также акцентирует на выборе переводческой стратегии для успешного решения поставленной переводческой задачи.

Ключевые слова: переводческая адекватность, эквивалентность перевода, медицинский дискурс, коронавирусная инфекция COVID-19, термин, лексическая и грамматическая трансформация.

Abstract. This article is devoted to the problem of adequate and equivalent translation of medical terminology from English into Russian. Taking into account the results of the analysis of the official COVID-19 articles at the World Health organization site, the most efficient translation means that can be used in the field of medical discourse are defined and studied. In particular, the author comes to the conclusion that the complex of such lexico-grammatical transformations as semantic development, regrouping of semantic components, changes of parts of speech and syntactic constructions help to achieve adequate and equivalent translation. The author underlines the problem of choosing the appropriate translation strategy for efficient translation.

Key words: translation adequacy, equivalence, medical discourse, COVID-19 virus, term, lexical and grammatical transformation.

На современном этапе развития человечество сталкивается с глобальными проблемами разного характера, например, парниковый эффект, пандемии и эндемии вирусов разного происхождения. Такие вопросы не могут быть решены в одностороннем порядке. Они глобальны по своей сути и должны решаться на глобальном уровне. В такие моменты координация усилия ученых и политиков разных стран представляется крайне важной. Следовательно, возникает потребность в качественном узконаправленном профессиональном переводе.

Например, перевод, соответствующий всем нормам и стандартам, необходим в медицинской сфере, особенно в настоящее время на фоне распространения новых вирусов (одним из которых является COVID-19). Потребность в качественном переводе научных работ обуславливается также необходимостью в новых знаниях об уже изученных заболеваниях и методах для их лечения.

Общеизвестно, что письменный перевод с одного языка на другой должен удовлетворять всем требованиям, заменяя собой оригинал. Однако из-за того, что полной тождественности между оригиналом и его переводом не удастся добиться, следует обратить внимание на такие взаимосвязанные понятия, как *эквивалентность* и *адекватность перевода*. Эквивалентность является центральной проблемой в переводе, хотя ее определение, актуальность и применимость в области теории перевода вызвали ожесточенные противоречия, и за последние пятьдесят лет в этой области было разработано много различных теорий концепции эквивалентности (В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, В.В.Сдобников и т.д.) [1, 3, 5].

С понятием «эквивалентный перевод» тесно связано понятие «адекватный перевод», под которым принято подразумевать «перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения данной цели уровне эквивалентности при соблюдении всех норм перевода» [1, с. 121].

Согласно теории Я.И. Рецкера, эквивалентными терминами являются равносильные слова, соответствующие друг другу относительно своих значений. Слова называются эквивалентами, так как «между ними существуют заранее заданные жесткие соответствия, определенные не контекстом, а словарем» [2, с. 77]. В качестве примера из медицинской сферы можно привести термин *coronavirus* – ‘тип распространенного вируса, который заражает людей, обычно приводя к инфекции верхних дыхательных путей’ [MedicineNet, [http](http://)], который эквивалентен русскому названию болезни коронавируса – ‘семейство вирусов, объединяющее РНК-содержащие плеоморфные вирусы средней величины, на поверхности которых имеются характерные бахромчатые ворсинки’ [Большая Медицинская Энциклопедия, [http](http://)].

Также Я. И. Рецкер выделяет группу слов, называемых адекватные замены. К этой категории относятся те, слова, при переводе которых переводчик должен отойти от словаря для точного и соответствующего контексту изложения мысли. Таким образом, переводчику необходимо следовать данным критериям при переводе с английского языка на русский, чтобы не допустить ошибок при передаче смысла и идеи оригинального текста.

Выбор переводческой стратегии также является важным фактором для достижения высокого уровня адекватности и эквивалентности [3].

Анализируя такие лингвистические изменения как появление новых терминов и расширение семантического поля имеющихся лексических единиц, происходящие в языке из-за пандемии коронавируса, которая уже оказала значительное давление на индивидуальные и коллективные языковые ресурсы, мы определили наиболее эффективные переводческие приемы работы с англоязычным медицинским дискурсом.

Для выявления наиболее эффективных переводческих приемов, используемых при переводе с английского языка на русский, были проанализированы официальные статьи, посвященные проблеме распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Исследуемые статьи размещены на официальном сайте Всемирной организации здравоохранения (World Health Organisation).

Анализ одной из статей, представленных на сайте Всемирной организации здравоохранения, и ее русского варианта, доступного на том же сайте, позволяет прийти к следующим выводам. В процессе перевода статьи «Best practices for infection prevention and control, with a spotlight on COVID-19: countries share experiences» [[http](http://),

4] использовался целый ряд лексико-грамматических трансформаций, который позволил достичь высокого уровня переводческой эквивалентности и адекватности.

Во-первых, следует обратить внимание на тот факт, что в английском варианте статьи при перечислении передовых методов профилактики COVID-19 используются лексические единицы, в основном субстантивные и глагольные, подчеркивающие добровольный, а не принудительный характер действий, что говорит о готовности каждого члена мирового сообщества поддержать внедрение основных компонентов для профилактики коронавирусной инфекции, например, *to share experience, to address to smb, to actively support, etc.*

Разработаны специальные термины для обозначения мер профилактики коронавирусной инфекции, например, *infection prevention and control (IPC) practices* - профилактика инфекций и инфекционного контроля (ПИИК), *IPC programmes* - программы ПИИК, *IPC guidelines* - руководства по ПИИК, *multimodal strategies* - многомодальные стратегии, *monitoring and audit of IPC practices and feedback* - мониторинг и аудит практических методов ПИИК и обратная связь, *equipment for IPC at acute health-care facility level* - оборудование для ПИИК на уровне учреждений неотложной медицинской помощи [http, 4].

Во-вторых, грамматические трансформации изменения порядка слов, замены части речи и т.д. использовались для того, чтобы информация исходного текста медицински-информационного характера была максимально корректно отражена в языке перевода. Например, в ходе анализа статьи можно выделить использование грамматических трансформаций изменения структуры предложения. Например, использование двойного отрицания в английском языке нежелательно, в то время как, при переводе с английского на русский язык, этот прием необходимо использовать для точной передачи смысла предложения, так как в русском языке мы не можем без него обойтись. Так, в русском языке в одном предложении можно использовать несколько отрицательных грамматических и лексических единиц, что является неприемлемым для грамматики английского языка.

e.g. No country, area or health system can claim to be free of HAIs.

Ни одна страна, территория или система здравоохранения не может похвастаться полным отсутствием ИСМП.

Кроме того, здесь мы видим не только грамматическую трансформацию при переводе, но и смысловое преобразование. Для иллюстрации данного утверждения можно привести глагол *claim* – ‘to say that you have done or achieved something -

заявлять, утверждать, требовать' [Cambridge Dictionary [http](http://)]. Однако в русском варианте статьи глагол переводится при помощи лексемы 'похвастаться'.

Смысловое преобразование как переводческий прием эффективно применяется в медицинском дискурсе для точного и достоверного изложения мысли.

e.g. The purpose of the meeting was to reassess the level of implementation of the 8 core components of IPC and share country and subregional experiences.

Целью совещания было провести очередную оценку нынешнего уровня внедрения восьми основных компонентов ПИИК и представить накопленный страновой и субрегиональный опыт.

Оригинальное значение глагола *share* – 'to have or use something at the same time as someone else - делиться (проблемами, мнениями, идеями), разделять (интерес, мнение)' [Cambridge Dictionary [http](http://)]. Однако контекст данного предложения является более общим, соответственно для сохранения адекватности перевода был выбран глагол *представить*. Таким образом, такие лексические трансформации как генерализация (*to share* – *представить*), калькирование (*country and subregional experience* – *страновой и субрегиональный опыт*) в совокупности с грамматическими трансформациями замены части речи «глагол – существительное» (*to reassess the level* – *провести очередную оценку*) позволяют передать смысл исходного предложения с высокой степенью переводческой эквивалентности и адекватности.

Адекватность перевода достигается также посредством использования такого лексико-грамматического приема как перегруппировка семантических компонентов. Данный прием помогает избежать буквальности словосочетания, потому что определение и определяемые слова меняются местами.

e.g. Every year, defective infection prevention and control (IPC) practices in everyday health care cause harm to millions of patients worldwide.

Неэффективные методы профилактики инфекций и инфекционного контроля (ПИИК), применяемые в процессе ежедневного оказания медицинской помощи, ежегодно наносят вред миллионам пациентов во всем мире.

В ряде случаев переводчик прибегает к использованию конкретизации, чтобы подобрать наиболее эквивалентный вариант перевода. Например, субстантивная лексема *participant* – 'a person who takes part in or becomes involved in a particular activity - участник' [Cambridge Dictionary [http](http://)] переводится при помощи существительного *специалист*, которое имеет более узкое значение.

e.g. Participants took part in training, discussions and a simulation exercise in order to provide them with a clearer picture of the complexities and challenges associated with COVID-19 and containing potential outbreaks, as well as familiarizing them with the tools and resources available.

Прибывшие на совещание специалисты приняли участие в семинаре, обсуждениях и имитационных учениях, прозванных дать им более четкое представление о сложностях и вызовах, связанных с COVID-19 и локализацией возможных вспышек, а также ознакомить их с имеющимися инструментами и ресурсами.

В данном, как и в других анализируемых предложениях, применяется такая грамматическая трансформация, как замена частей речи, что приводит к изменению синтаксической структуры предложения. Перегруппировка семантических компонентов в словосочетании *the tools and resources available* позволяет достичь адекватного перевода, потому что в языке перевода используются подходящие грамматические эквиваленты.

В некоторых случаях можно наблюдать лексические трансформации, направленные на смягчение значения лексемы в языке перевода. Например, в предложении *Until you force yourself into a scenario simulating such a patient, you don't necessarily come up with all the pitfalls in managing them safely – taking into account both their safety as well as that of those around them* вместо глагольной лексемы *to force* – ‘to make something happen or make someone do something difficult, unpleasant, or unusual, especially by threatening or not offering the possibility of choice’ – заставить [Cambridge dictionary, [http](http://)] переводчик использовал русскую лексему *отрабатывать (действия)* и, таким образом, значительно снизил эмоциональное напряжение.

Итак, умелое использование лексико-грамматических трансформаций, а также выбор верной переводческой стратегии при работе с текстами, относящимися к медицинскому дискурсу, несомненно, гарантирует высокую степень переводческой адекватности и эквивалентности.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011.
2. Рецкер Я.И., Теория перевода и переводческая практика. – URSS, 2016.
3. Сдобников В.В., Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] – М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.
4. Степина А.В., Селифонова Е.Д. Переводческая стратегия: понятия, подходы, классификации // Перспективы науки -2015: Сборник докладов I

Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ / научный ред. А.В. Гумеров. Казань: Ракета Союз, 2015. С. 378-381.

5. Федоров А.В., Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак-тов иностр.языков. Учеб. Пособие.- 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Б.: ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002.

Список источников

6. Best practices for infection prevention and control, with a spotlight on COVID-19: countries share experiences [электронный ресурс] // URL: <http://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/best-practices-for-infection-prevention-and-control,-with-a-spotlight-on-covid-19-countries-share-experiences> (Дата обращения: 15.04.2020)
7. Большая Медицинская Энциклопедия [электронный ресурс] // URL: <https://бмэ.орг/index.php/КОРОНАВИРУСЫ> (Дата обращения: 17. 04.2020)
8. Cambridge dictionary [электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 20.04.2020)
9. MedicineNet [электронный ресурс] // URL: <https://www.medicinenet.com/script/main/art.asp?articlekey=22789> (Дата обращения: 20.04.2020)

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК-8.81

Вербальная и невербальная агрессия в международном политическом дискурсе

Кириченко Анастасия Павловна

студентка 3 курса факультета иностранных языков
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
ana.kirichenko@yandex.ru

Селифонова Елена Дмитриевна

к.филол.н, доцент кафедры теории английского языка и переводоведения
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского, РФ, г. Брянск
idiomal@yandex.ru

Verbal and non-verbal aggression in international political discourse

Kirichenko Anastasia Pavlovna

3rd year student Foreign Languages Faculty, Bryansk State University named
after I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Selifonova Elena Dmitrievna

PhD in Philology, assistant professor of the English language theory and translation theory
department, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk

Аннотация. В статье представлены результаты социолингвистического исследования в области вербальной и невербальной агрессии. На примере выступлений политических и общественных деятелей на ведущих международных площадках анализируются случаи вербальной и невербальной агрессии, которые используются для манипулирования общественным сознанием. Автор рассматривает манипуляцию общественным сознанием как разновидность языкового преступления.

Ключевые слова: эколлингвистика, вербальная агрессия, невербальная агрессия, манипулирование, общественное сознание, языковое преступление

Abstract. This article describes the results of sociolinguistic research in terms of verbal and non-verbal aggression. The cases of verbal and non-verbal aggression which is used for the manipulation of the social conscience are analyzed in the speeches of politicians and public personalities given on the international arena. The author considers manipulation of the social conscience as a kind of a language offence.

Keywords: ecolinguistics, verbal aggression, non-verbal aggression manipulation, social conscience, language offence.

В данный момент мир сталкивается с невероятным количеством проблем разного характера: экономический кризис, политические разногласия, социальные и этнические волнения, пандемия COVID-19. На этом фоне происходят неизбежные глобальные и, к сожалению, иногда необратимые изменения, прямо или косвенно

влияющие на жизнь мирового социума. Общество все больше становится зависимым не только от цифровых технологий, как в случае с вынужденным переходом в виртуальное пространство в целях борьбы с COVID-19, но и политтехнологий, которые используются в политическом и международном дискурсе для решения конкретных общественно или индивидуально значимых задач. Именно второй тип технологий способен оказать необходимое воздействие на общественное сознание – убедить, отвлечь, заставить поверить ложным фактам и политическим домыслам.

Анализ публичных выступлений на международном уровне показывает, что речевая агрессия вербального и невербального характера является одним из наиболее распространенных типов языковых преступлений, используемых политическими и общественными деятелями для осуществления эффективного процесса манипуляции общественным сознанием путем создания ложной картины мира.

Являясь средством осмысления социокультурного опыта, событийный поток в СМИ помогает человеку ориентироваться в постоянно меняющихся условиях. Медиапространство может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на психоэмоциональное состояние и представление о мире отдельных граждан и на общество в целом [4].

Негативное влияние медиапространства манифестируется в нарушении речевых норм и постулатов вежливого общения, когда доминирование негативного контента в новостном пространстве наносит социуму психологическую травму, провоцируя рост отрицания важности институтов власти, в ощущении дискомфорта, падении интереса к институтам гражданского общества, создании ложной картины мира [7, 10, 11].

На протяжении человеческой истории языковые манипуляции являются одним из самых распространенных методов дипломатического и политического дискурса. Под манипуляцией мы понимаем психологическое воздействие, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями.

Принимая во внимание особенности политического дискурса, можно сказать, что стратегия языковой манипуляции была, есть и будет крайне популярна в периоды пропаганды против какого-нибудь врага – истинного или вымышленного. В течение XX-XXI веков к стратегии языковой манипуляции общественным сознанием не раз прибегали в Старом и Новом Свете.

Примерами установленных и неоспоримых по характеру языковых манипуляций общественным сознанием в XX веке являются ситуации в Германии

1936 года, когда многолетнее существование нацизма привело к интенсивному языковому манипулированию общественным национальным сознанием. Во второй половине XX века правительство США использовало языковое манипулирование глобальным общественным сознанием в вопросах, связанных с агрессией США в Вьетнаме. В прессе предпринимались меры, чтобы успокоить общественность. Например, «вьетнамский английский» (то есть язык этих публикаций) стал копилкой эвфемизмов. Такие примеры, как *pacification* / умиротворение – ‘полное уничтожение’, *protective reaction* / защитная реакция – ‘бомбардировка’, *friendly fire* / дружественный огонь – когда ‘по ошибке обстреливают или бомбят своих’, являются яркими примерами злоупотребления языком [3].

Так как основная задача медийной коммуникации – минимизировать негативное воздействие информации на общество, отклонение от данной задачи может интерпретироваться как языковое (речевое) преступление.

Под языковым (речевым) преступлением понимается ложь, носящая разрушительный характер, распространяемая политической системой социума (власти или оппозиции) и тиражируемая в средствах массовой информации данного общества.

Основными характеристиками языкового преступления являются 1) навязывание ложной картины мира 2) апелляция к общественному сознанию 3) тиражируемость в СМИ. Одной из факультативных характеристик языковых преступлений является их преднамеренность [5].

Политика языкового воздействия на общественное сознание применяется во многих высокоразвитых странах. Политические деятели осознанно и неосознанно совершают языковые преступления, к которым и относится речевая агрессия и манипулирование общественным сознанием посредством распространения заведомо ложной, искаженной информации в СМИ и официальных источниках, направленной на подрыв репутации того или иного политического или общественного актора.

Речевая агрессия понимается как «речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, насмешка, угроза» [2].

Для обозначения проявлений агрессии в языке применяются различные термины: «языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «языковое насилие», «язык вражды», «языковая демагогия» и др. При широком понимании под речевой агрессией подразумеваются все виды доминирующего поведения [1].

Речевая агрессия рассматривается в аспекте экологии языка как выражение антинормы, как средство засорения речи, как фактор, оказывающий отрицательное эмоциональное воздействие, как коммуникативная стратегия в ситуации конфликта [9].

К речевой агрессии также относится и невербальное общение, которое чаще всего оказывает больше влияния, чем вербальное, например, мимика и интонация, за которыми скрывается больше смысла, чем говорящий вкладывает в свою речь. Речевая деятельность политических и общественных деятелей характеризуется «намерениями адресанта оказать определенное воздействие на адресата текста, а также осознанностью выбора отправителем коммуникативных стратегий и тактик, а также речевых средств их вербализации» [6].

Анализ одной из многочисленных речей представителя США в ООН Саманты Пауэр (Samantha Power) в 2017 году [12] и одного из выступлений экоактивистки Греты Тунберг в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в сентябре 2019 года [13] показывает, что вербальная агрессия базируется в первую очередь на создании оппозиции «свой-чужой», где компонент «свой» соотносится с лексическими единицами с ярко выраженной положительной коннотацией, а «чужой» представлен при помощи лексем с отрицательной коннотацией.

Например, создание образов США и России в глазах мировой общественности построено на стилистическом приеме антитезы, созданной на оппозиции «США-протагонист vs Россия-антагонист». Говоря о своей стране, пресс-секретарь использует выражения с исключительно положительной коннотацией. В предложении *our values, our security, our prosperity, and our way of life* притяжательное местоимение *our* словно подчеркивает исключительность и правильность «образа жизни» США. Словосочетания *our unity* и *our great nation* четко передают ярко выраженную патриотическую позицию граждан Америки к своей стране.

Сочетание субстантивной лексемы с положительной коннотацией *democracy* с глагольными лексемами с отрицательной коннотацией, подчеркивает весь ужас ситуации, в которой Россия оказывает непосредственную угрозу основной ценности американского общества: *the vulnerabilities within our democracy that Russia's attacks have exposed; the Russian government's latest efforts to interfere in America's democracy; the Russian government's actions, which not only threaten our democracy; undermining our democracy as a way of advancing their interests; how best to protect our democracy и другие.*

В высказывании Саманты Пауэр «*There is a world of difference between supporting free and fair elections, and investing in independent institutions that advance human rights, accountability, and transparency, as we do; and, on the other hand, trying to sow distrust in democratic processes, misinform citizens, and swing elections toward illiberal parties, as Russia is doing*», перечислены многочисленные заслуги и политически верные действия США, а именно поддержка свободных и справедливых выборов (*supporting free and fair elections*), инвестиции в независимые институты, защищающие права человека и прозрачность экономической системы (*investing in independent institutions that advance human rights, accountability, and transparency*). В противопоставление говорится, что Россия сеет недоверие к демократическим процессам (*sow distrust in democratic processes*), дезинформирует граждан (*misinform citizens*) и проводит выборы в пользу нелиберальных партий, то есть, так или иначе, оказывают давление в ходе избирательной кампании (*swing elections toward illiberal parties*).

Следует обратить внимание на выбор грамматических структур для описания действий США и России. Говоря о США, спикер использует Present Simple Tense *as we do*, подчеркивая, что вышеперечисленные действия постоянны и привычны для администрации Президента США. При описании России используется Present Progressive Tense *as Russia is doing*, благодаря чему акцентируется внимание на действиях ныне действующего правительства России.

Наиболее распространенными приемами и средствами, способствующими искажению объективной реальности, являются эвфемизмы (*euphemisms*), логическая двусмысленность (*doublespeak*) и лексика с ярко выраженной отрицательной коннотацией.

В политике эвфемизмы или, другими словами, нейтральные по смыслу и эмоциональной нагрузке слова или описательные выражения, используемые в текстах и публичных высказываниях для замены других, считающихся неприличными или неуместными часто используются для смягчения некоторых слов и выражений с целью введения общественности в заблуждение и фальсификации действительности [8].

Например, *vulnerability* вместо *drawback* ‘недостаток, отрицательная сторона’: *the vulnerabilities within our democracy, identify the vulnerabilities of our democratic system, those who have discovered vulnerabilities in our system would not try to exploit them again and again, the vulnerabilities that Washington saw*.

Как правило, выступления американских дипломатов последнего десятилетия построены на оппозициях «добро – зло», «справедливость – агрессия», где добро и справедливость ассоциируются с американской политикой, а зло и агрессия с российской. О наличии завуалированной речевой агрессии вербального характера, направленной на понижение статуса России и создание ложного, искаженного образа РФ в глазах американской и мировой общественности, можно говорить, исходя из анализа лексической составляющей выступлений. Вербальный политический портрет Российской Федерации создается при помощи многократного повторения лексем *to undermine American democracy, to interfere into American life, deny and lie, to attack and hack, threat, aggressive*. В то время как образ США представлен в глазах среднестатистического американца и мировой общественности при помощи лексем с положительной коннотацией, например, *democracy, great nation, prosperity, values, unity, to defend*.

Мы можем говорить о нарушении языковой политики общепринятого международного образца, так как происходит навязывание ложной картины мира общественному (американскому и мировому) сознанию, которое усугубляется тиражируемостью подобных выступлений в СМИ.

Невербальная агрессия в речи политиков и общественных деятелей может носить разный характер. К первому типу относится несознательная речевая агрессия, которая может быть вызвана психическими заболеваниями или личностными проблемами в момент выступления. Ко второму типу относится «осознанная» невербальная агрессия, используемая, в основном, политиками с целью манипулирования общественным сознанием.

Ярчайшим примером несознательной речевой агрессии невербального типа являются выступления экоактивистки Греты Тунберг, так как они содержат невербальные элементы, выражающие прямую агрессию в сторону мировых лидеров. Хотя собственно языковая часть выступления является относительно нейтральной, за исключением большого числа вопросительных и повелительных конструкций, которые не характерны для политического дискурса, невербальная составляющая ее речей является настолько агрессивной и эмоционально отрицательной и подавляющей, что может рассматриваться как разновидность речевой агрессии.

Во-первых, во время выступления у девушки была достаточно красноречивая мимика, выраженная в поджатых губах и хмуро сведенных бровях, а также в жестком взгляде. Мимика идеально подкрепила агрессивные выражения: *How dare you!; We'll be watching you; We'll never forgive you; Whether you like or not; We will not let you get*

away with this; You are failing us [13]. Во-вторых, интонация, на которой построено все выступление, воспринимается достаточно истеричной за счет постоянного повышения и понижения голоса. Однако, существует мнение, что выступления Греты Тунберг скорее несут характер неосознанной невербальной агрессии, что объясняется ее возрастом, в первую очередь.

Примером «сознательной» речевой агрессии невербального типа могут служить выступления ряда российских и украинских политиков. Например, почти каждая речь В.В. Жириновского и П. Порошенко являются собой мини-спектакль, включающий элементы невербальной агрессии, которая, как правило, направлена на внешнего врага.

Таким образом, на примере выступлений на международном политическом уровне можно продемонстрировать, что речевая агрессия вербального и невербального типа является одной из самых распространенных полит-технологий, целью которых является манипулирование общественным сознанием.

Список литературы

1. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации/ Е.Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск: НГУ, 2004. – Вып.7
2. Воронцова Т. А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-kommunikativno-diskursivnoy-paradigme> (дата обращения 20.04.2020)
3. Золотарёва Ю. А. О дефиниции термина «Языковое преступление» // Политическая лингвистика. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-definitcii-termi-na-yazykovoe-prestuplenie> (дата обращения 12.04.2020).
4. Ильинова Е. Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2010. №2-12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvisticheskiy-modus-sobytiynosti-v-prostranstve-massmediynogo-diskursa> (дата обращения 12.04.2020).
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. Изд: ООО «ТД Алгоритм», 2015.
6. Кириченко А.П. Языковые преступления в политическом и международном дискурсе как предмет особого интереса эколингвистики // Сборник тезисов работ участников XVII Всероссийского молодежного форума «ЮНЭКО-2019» и VII Всероссийского молодежного форума «АПК – Молодежь, Наука, Инновации»/ Под ред. А.А. Румянцева, Е.А. Румянцевой.– М.: НС «ИНТЕГРАЦИЯ», Минсельхоз России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, Минкультуры России, Минздрав России, Минтранс России, РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, РОСКОСМОС, РОСВОЕНЦЕНТР, РПЦ, РИА, РАО, 2019.– 490 с.
7. Романов, А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А. А. Романов. – М.; Тверь : ИЯ РАН :ТвГУ, 2002. – 191 с.
8. Селифонова Е.Д. English for international relations. Пособие по английскому языку для студентов 4 курса, обучающихся по специальности «Международные отношения» / М. | Берлин, 2015. – 177 с.

9. Суховерхов Антон Владимирович Современные тенденции в развитии эколоингвистики // Язык и культура. 2014. №3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-razvitii-ekolingvistiki>
10. Шамне Н. Л., Карякин А. В. Речевая агрессия как нарушение экологичности политического дискурса // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2011. №1-13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-kak-narushenie-ekologichnosti-politicheskogo-diskursa> (дата обращения 15.04.2020).
11. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас. М.: Издательство «Весь мир», 2008.

Интернет-ресурсы

12. A conversation with Samantha Power, US Ambassador to the United Nations [Электронный ресурс] // <https://www.youtube.com/watch?v=95sk9g-QCus> (дата обращения 1.12.2019).
13. Climate activist Greta Thunberg rebukes world leaders | A New Climate [Электронный ресурс] // <https://www.youtube.com/watch?v=rYxt0BeTrT8> (дата обращения 1.12.2019).

УДК 811.111-26

Способы репрезентации фейковой информации в социальной сфере американского медиадискурса

Ляшенко Дарья Игоревна

студент 4 курса, Южный федеральный университет, РФ, г. Ростов-на-Дону
daryavdonsk@yandex.ru

Научный руководитель

Яковенко Татьяна Игоревна

к. филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, Южный федеральный университет
РФ, г. Ростов-на-Дону
jakovenkotatiana@yandex.ru

Representation of fake information in the social sphere of American media discourse

Lyashenko Daria Igorevna

4th year student, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Scientific adviser

Jakovenko Tatiana Igorevna

Ph. D in Linguistics, Assistant Professor, Intercultural Communication and Methodology of Foreign Languages Teaching Department, Southern Federal University
Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. Статья посвящена лексическим и синтаксическим способам реализации фейковых новостей в американском медиадискурсе. Последние, являясь одним из наиболее эффективных видов речевого воздействия, получают особое развитие в течение последних пяти лет. В исследовании обобщены наиболее распространенные в современной журналистике стилистические средства (лексические, синтаксические и лексико-синтаксические), а также уточнены функции компонентов эмотивно-оценочного фонда. В статье рассматриваются основные пути усиления образности и экспрессивности излагаемого материала в фейковых новостях социальной сферы общества. Основное условие успешной реализации фейка - метафоризация, повышение образности субъективно описываемых явлений реальности.

Ключевые слова: медиадискурс, речевое воздействие, фейковые новости, экспрессивность, эксплицитность.

Abstract. The article is devoted to lexical and syntactic ways of representation fake news in American media discourse. The latter, being one of the most effective types of linguistic persuasion, has been particularly developed over the past five years. The research summarizes the most common stylistic devices in modern journalism (lexical, syntactic, and lexical-syntactic), as well as specifies the functions of the components of the emotive-evaluative fund. The article discusses the main ways to enhance the imagery and expressivity of the material presented in fake news in the social sphere of society. The main condition for successful fake implementation is metaphorization, increasing the imagery of subjectively described phenomena.

Keywords: media discourse, linguistic persuasion, fake news, expressivity, explicitness.

Одной из главных особенностей современной коммуникации является ее переход в онлайн-сферу, в то время как в последние два десятилетия основными трансляторами информации в общество стали различные СМИ и социальные сети. В погоне за сенсацией и как можно большей аудиторией редакторы и журналисты зачастую пренебрегают верификацией публикуемых данных, что, в свою очередь, ведет к появлению фальшивых сообщений. В этом случае следует говорить о функционировании такого лингвистического феномена как фейковые новости. Достаточная новизна понятия обуславливает малое число комплексных работ в анализируемой сфере. В современной отечественной лингвистике исследование данного явления представлено преимущественно работами О. С. Иссерс [Иссерс, 2008] и С. Н. Ильченко [Ильченко, 2016], которые, придерживаясь коммуникативного подхода, предлагают следующее определение фейка: «любая подделка, выдаваемая за настоящую вещь» [Иссерс, 2014, 113]. В качестве особенности фейка следует отметить краткий период существования новости (как правило, от нескольких часов до одних суток), что обусловлено быстрым выпуском опровержения и введением истинных данных в сознание адресата [Ильченко, 2016].

В рамках проведенного исследования нами было сформулировано следующее определение фейка как вида речевого воздействия с учетом его основных дифференциальных признаков: фейк - вид эксплицитного речевого воздействия, предполагающий трансформацию когнитивной и/или эмоциональной сферы индивида посредством привлечения общественно значимой фальшивой информации под видом достоверных сообщений, обладающих некоторой коммуникативной перспективой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки четких критериев определения фейка, а также средств их реализации, чему и посвящена данная работа. Отбор материала осуществлялся на основании публикаций крупных и средних американских СМИ, чьи сообщения были определены как фальшивые посредством сопоставительного анализа данных из различных источников по предмету сообщения. Данные новостные отрывки также были помещены на специальном портале Snopes.com, где, в свою очередь, представлены ссылки на «истинное» изложение событий. Так, данный сайт оценивает материалы при помощи самостоятельно разработанной шкалы, распределяя все новости по следующим категориям: True, Mostly True, Mixture, Mostly False, False, Unproven, Outdated, Miscalcaptioned, Correct Attribution, Misattributed, Scam, Legend, Labeled Satire и Lost Legend. Подобная система позволяет не только установить справедливость, но и обеспечить доступ широкой аудитории к коррелирующей с реальной действительностью информации, а также помочь им разграничить достоверные сведения и вымысел.

В качестве основной особенности фейковых новостей, реализующихся в социальной сфере, можно рассматривать менее жесткую цензуру, что определяет возможность использования «прямых» номинаций по отношению к ряду реалий действительности. В то же время открытое выражение коммуникатором собственных мыслей уменьшает долю используемых изобразительно-выразительных средств, оставляя их лишь для выражения значительной экспрессивности. Здесь так же, как и в политической сфере, частотна демонстрация негативных эмоций по отношению к предмету речи, однако подобное описание приобретает особый статус ироничного, начиная реалией, описанной в новости, и заканчивая способами ее репрезентации.

В отобранных в рамках данного исследования примерах наиболее частотным лексическим средством оказались аллюзии, разнообразных характер которых позволил коммуникатору выразить целый спектр эмоций. Следует отметить, что в сравнении с политическими фейками, где производились отсылки преимущественно к мировой истории, здесь встречается обращение к мифологии, литературным

произведениям и отдельным публичным личностям (*Pandora's box, Nazi Germany, Fagin in "Oliver Twist", Holocaust-era, Steve Irving, etc.*). Так, в новости "Elderly Woman Accused Of Training Her 65 Cats To Steal From Neighbors" проводится аналогия между пожилой женщиной и одним из персонажей романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» [5]. Подобно Фейгину, главарю обученных им детей-мошенников, героиня фейка «тренирует» котов, чтобы те преуспели в совершении краж у соседей. Гротескное изображение женщины доводит описываемые события до абсурда, максимальной интенсивности, тем не менее, заставляя реципиентов идентифицировать изложенную информацию как правдивую.

Еще одним примером аллюзии можем считать отсылку к деятельности Стива Ирвина в сообщении "Florida Man Arrested For Tranquilizing And Raping Alligators In Everglades" [6]. Следует отметить, что данное лексическое средство используется для контраста. Так, американский натуралист много работал с крокодилами, ловил их для парка рептилий своих родителей. Если его деятельность можно оценить как положительную, то герой данной новости проявляет крайнюю жестокость по отношению к пресмыкающимся, испытывая на них транквилизаторы и совершая насильственные действия по отношению к животным. Данный контраст в совокупности с аллюзией позволяет коммуникатору сформировать у реципиентов негативные эмоции по отношению к мужчине, в то время как излишняя экспрессивность препятствует распознаванию подделки.

Не менее интересны многочисленные эпитеты, привлекаемые для создания большей образности, красочности: *ominous warning sign, frankly outrageous decisions, prolific serial killer, an awkward attempt, unhinged flair Trump's supporters*. Так, в статье "Europe Poised to Put Warning Labels on Jewish-Made Products" [7] решение о маркировке сделанных евреями товаров охарактеризовано как "*frankly outrageous*". В то же время автор отсылает нас к порядкам военного времени, *Holocaust-era*, тем самым показывая отклонение от одного из основных концептов современности – «тотальной» толерантности. Попытка сыграть на чувствах людей посредством использования эпитетов и аллюзий увенчалась успехом: аудитория испытывает негодование, фейк полноценно функционирует.

Еще одним лексическим средством, уверенно привлекаемым авторами подделок, выступает метафора, обеспечивающая скрытое яркое сравнение описываемого объекта с иным на основе какого-либо признака (*a sea of darkness, the "Israel colony", a sexual predator, etc.*). Например, в статье "Minnesota Schools Make Arabic Classes Mandatory" [8] внимание читателей привлекает единица "*a sea of*

darkness”, имеющая двойное толкование. В первом значении автор противопоставляет лексемы *light* и *darkness*, имея в виду именно наличие или отсутствие света. В то же время мы можем отметить и переносное значение: коммуникатор также подразумевает печальное будущее и захват Америки представителями Ислама, что им мыслится как тьма. Журналист воспроизводит данную метафору с целью косвенного намека на собственную позицию по вопросу введения обязательных занятий арабского языка в школах. Это своего рода умелая скрытая манипуляция, т.к. реципиент подсознательно воспринимает указанное выражение с негативной коннотацией, что способствует формированию заранее заданного отрицательного мнения и недоверия к представителям данной религии.

Особый интерес в рамках данного исследования представляют многочисленные примеры иронии, яркость и острота которой не позволяет аудитории остаться равнодушной к предмету фейка. Так, новость “Two Altar Boys Were Arrested For Putting Weed In The Censer-Burner” [9], описывающая происшествие в одном из соборов, приобретает юмористический характер за счет введенного автором ироничного отрывка: “... *it was a familiar smell but I could not relate it to anything, but in my son’s bedroom sometimes smell like that*”. Сравнивая запах травы из кадила с «ароматом» в комнате сына-подростка, коммуникатор располагает читателей к себе, создает более доверительную атмосферу, что позволяет фейку остаться не распознанным. Такой подход, вызывая доверие у читателей, в то же время блокирует их критическое мышление.

Меньшее распространение в фейковых новостях получает зевгма, что обусловлено сложностью ее конструирования и восприятия. Сочетание в одной синтагме слов, разных по своей грамматической или семантической принадлежности, приводит к созданию комического эффекта или усложнению смысла. Так, в статье “FBI Agent Suspected in Hillary Email Leak Found Dead in Apparent Murder Suicide” [10], посвященной жестокому убийству, автор использует зевгму для того, чтобы сформировать сочувствие, сострадание у аудитории по отношению к жертвам: “FBI Director James Comey refused to comment at this time but ***asked for privacy and prayer...***” Более ярким примером репрезентации данного художественного средства выступает статья “President Trump Urges Americans To Boycott Chinese Restaurants” [11], где автор приводит фальшивую цитату Д. Трампа: “*I’m making him **Secretary of Defense and Delicious Chicken***”. Якобы заявляя о введении новой должности, президент Америки высмеивает рестораны китайской еды и их работников. Подобный прием, усиливая комичность ситуации, доводя ее до абсурда, отвлекает

реципиентов от деталей, демонстрирующих недостоверность информации, и заставляет принимать ее на веру.

Особым лексическим средством репрезентации фейковой информации в социальной сфере становится пан, имеющий структурную разницу в сравнении с зевгмой. Являясь «сквозным» приёмом, он реализуется во всем предложении или абзаце. Например, в новости о введении обязательных уроков арабского языка “Minnesota Schools Make Arabic Classes Mandatory” [8] коммуникатором умело обыгрывается глагол *to fail*: “If they don’t know Arabic, they **will fail** and we do not want our children **to fail in life**.” Следует отметить, что неудача на экзамене в интерпретации журналиста приобретает более серьезный статус и оборачивается провалом в жизни, который рушит ее (*to fail the exam – to fail in life*). Коммуникатор взывает к сознательности адресатов, указывая им на вероятные последствия предлагаемой меры, в свою очередь, данный серьезный тон заставляет людей верить всей информации, изложенной в статье.

Не менее интересным примером этого же средства можно считать новость о судебном иске в адрес McDonald’s от мужчины, который не испытал счастья, съев Happy Meal (Man Sues McDonald’s For Still Being Depressed After Eating Happy Meal [12]). Моделирующий комичную ситуацию пан находим в следующем отрывке: “... a *chronically depressed man is suing McDonald’s for 1.5 million dollars after he **ate a happy meal and didn’t feel happy at all but felt more depressed***.” В данной цитате название продукта (Happy Meal) обыгрывается как нечто, приносящее положительные эмоции, однако рассматриваемый объект не является плацебо, поэтому реализация *to feel happy* невозможна. Подобный способ преподнесения и наивность упоминаемого в новости мужчины доводит ее до абсурдности, вызывая смех у реципиентов и не оставляя им необходимость дифференцировать поддельную или истинную информацию.

Таким образом, фейки социальной сферы характеризуются привлечением значительного числа разнообразных лексических средств (аллюзии, эпитеты, метафоры, ирония, пан и т.д.), которые позволяют коммуникатору наиболее эффективно реализовывать речевое воздействие.

Единственным лексико-синтаксическим средством, обнаруженным нами в фейковых новостях данной сферы, стал перифраз, позволяющий посредством выделения значимого признака дать номинацию предмету, избегая его «прямого» названия. Подобный пример находим в статье “Florida Man Arrested For Tranquilizing And Raping Alligators In Everglades” [6], где преступник сравнивается с американским

натуралистом Стивом Ирвином. Последний удостоивается иного наименования, основанного на роде его деятельности, - *the crocodile hunter*. Здесь следует отметить негативную коннотацию, которой обладает лексема *hunter*, что используется с целью непосредственно показать всю бесчеловечность поступка преступника, обвиняемого в насильственных действиях по отношению к рептилиям.

Иную репрезентацию получает синтаксический уровень реализации воздействия в фейках социальной сферы в американском медиадискурсе. Следует отметить большее количество примеров подобных средств, что, на наш взгляд, можно объяснить тематикой сообщений и значительной свободой в выборе формы преподнесения фальшивой информации.

Как и в политических фейках, в данной группе наиболее распространенным синтаксическим средством является повтор. В рассмотренных фейках этот прием выполняет, в первую очередь, функцию усиления, повторяющиеся слова в тексте расположены близко, что производит впечатление живой речи. Так, в статье “Donald Trump Ends School Shootings By Banning Schools” наблюдаем повтор единиц *shootings* и *believe me* [13]. Первая лексема выделяет ключевое понятие в новости и указывает на основную, по мнению Д. Трампа, проблему современного образования в США. При помощи второй конструкции коммуникатор устами президента Америки призывает аудиторию поверить ему, блокирует критическое сознание, осуществляя массовую манипуляцию. В этом же тексте присутствует предложение “*You know it, I know it, everybody knows it*”, демонстрирующее интенсификацию высказывания о важности вопроса стрельбы в школах. Посредством утверждения причастности каждого к этой проблеме автор не оставляет незаинтересованным никого из аудитории, формируя заранее заданное отношение к объекту фейка.

В качестве особой разновидности повтора, встречающейся в фейках данной группы, можно отметить анадиплосис (*catch repetition*). Подобный прием используется с целью усиления логической связи предложений и вычленения значимых частей новости. Например, в статье “Minnesota Schools Make Arabic Classes Mandatory” [8] находим следующие конструкции: “*In order to have a future in the state, one must be able to adapt. This adaptation will involve an ability to master a new landscape.*” Говоря о складывающейся новой реальности, связанной с арабскими государствами, автор подчеркивает неминуемость этого события и важность следовать за ним в темп, чтобы не потерять свой статус в мире. Анадиплосис позволяет коммуникатору логично и последовательно излагать свои мысли,

привлекая весомые доказательства и не ставя под сомнение подлинность преподносимой информации.

В этом же новостном отрывке находим иное средство репрезентации фейковой информации – парцелляцию. Экспрессивный синтаксис, демонстрируемый в ряде *“The country is changing. And not for the better. This has to stop”* [8] в очередной раз указывает на важность рассматриваемой проблемы и апеллирует к эмоциональной сфере адресата. Преднамеренное членения предложения словно отмеряет срок изменения страны и делает этот процесс неизбежным ни для кого. Подобный подход, являясь частью манипулятивной технологии, способствует возникновению у реципиентов чувства сопричастности и блокированию критического мышления, отвечающего за выявление фальшивых данных.

Следующее синтаксическое средство, обнаруживающее себя в фейках социальной сферы, - параллелизм, позволяющий придать высказываниям определенную четкость, логичность и последовательность. Так, в статье *“California Upholds ‘Right’ For Pedophiles To Marry 10 Year Old Kids”* [14] находим сходные по построению конструкции: *“People who want to limit such marriages say the total is in the thousands, while those who oppose the bill say that’s vastly inflated.”* Данное высказывание демонстрирует читателям две противоположные позиции по вопросу заключения брака с несовершеннолетними детьми и ненавязчиво предлагает адресатам выбрать для себя наиболее приемлемую. Чувство собственной значимости, являющееся определяющим во многих ситуациях, не позволяет адекватно оценивать преподнесенные сведения.

Наименьшее распространение в фейках социальной сферы занимают инверсия и апозиопезис, являясь относительно непродуктивными способами осуществления речевого воздействия. На наш взгляд, причина их непопулярности заключается в относительной простоте данных средств, т.к. они довольно распространены во всех дискурсах и в новостях любой тематики. Инверсия помогает придать оттенок разговорности сообщаемой адаптировать ее для восприятия более широкой аудиторией. Например, в новости *“President Trump Urges Americans To Boycott Chinese Restaurants”* [11] предложение *“**Not only did he call for more tariffs, but he urged Americans to boycott Chinese restaurants**”* обращает внимание читателей на объект фейка и вводит их в повествование. Несмотря на терминологическое обозначение, апозиопезис (или умолчание) также имеет место в фейковых новостях. Основная его функция – реализация эффекта неожиданности и за счет этого обращение взгляда

адресата к выделяемому фрагменту, что мы можем наблюдать в следующем примере: “*English has taken a basket to, of all languages.....Arabic*” [8].

Мы видим, что синтаксический уровень фейков социальной сферы представлен более разнообразно, чем лексический, что объясняется наличием большей вариативности при построении предложений. Несмотря на этот факт, говорящий всегда выбирает средства, соответствующие его коммуникативному замыслу и обеспечивающие максимально продуктивное речевое воздействие.

В качестве дополнительных средств репрезентации фейковой информации представляется целесообразным отметить значительное распространение идиом для придания тексту особой яркости и оригинальности. Тематика данных языковых единиц разнообразна: некоторые из них содержат в себе отсылки к древнегреческой мифологии, другие представляют собой стандартизированные по структуре выражения, значение которых уже не членимо. Наиболее яркими, на наш взгляд, являются следующие идиомы: *Pandora's box, to open the door to something, to come into money, open and shut case, to cost somebody everything, etc.*

В качестве еще одной особенности лексической стороны оформления фейков следует отметить развернутое использование эвфемизмов, что объясняется наличием определенной цензуры. Несмотря на то, что она не является такой строгой, как в сфере политики, журналист все равно вынужден соблюдать определенные нормы, более того, ему приходится по возможности избегать резких экспрессивно-оценочных слов, подбирая относительно нейтральные лексемы и выражения, такие как *turning the gun on himself, to take his own life, to be running rampant, to out themselves, under the most trying of circumstances, one female student.*

Таким образом, фейки, реализующиеся в социальной сфере американского медиадискурса, характеризуются наличием, в первую очередь, менее строгой, чем в политике, цензуры, а также успешно функционируют благодаря комплексному использованию изобразительно-выразительных средств. Среди наиболее продуктивных лексических средств следует отметить аллюзию, метафору, эпитет и зевгму, которые, трансформируя слово и его значение, делают излагаемый материал более красочным и привлекательным для реципиентов. В то же время синтаксические средства упрощают сложные конструкции, делая тексты понятными большому числу людей и расширяя тем самым аудиторию новостных порталов. В данной группе наиболее распространенными являются разнообразные повторы, парцелляция и параллелизм. Интенсифицируя предложенный материал, эти средства позволяют усилить речевое воздействие на реципиентов и продлить срок функционирования

фейковой новости. Несмотря на это, выбор художественных средств всегда отвечает цели коммуникатора, а степень их привлечения зависит от его интенций.

Список литературы

1. Ильченко С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2237>
2. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 153, № 22-3. – С. 14-18.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] : монография / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией. - Коммуникативные исследования, № 2, 2014. С. 112-123.
5. Elderly Woman Accused Of Training Her 65 Cats To Steal From Neighbors [электронный ресурс] // World News Daily Report. [2017]. URL: <https://worldnewsdailyreport.com/elderly-woman-accused-of-training-her-65-cats-to-steal-from-neighbors/> [дата обращения: 15.04.2020]
6. Florida Man Arrested For Tranquilizing And Raping Alligators In Everglades [электронный ресурс] // Huzlers.com. [2018]. URL: <https://www.huzlers.com/florida-man-arrested-for-tranquilizing-and-raping-alligators-in-everglades/> [дата обращения: 15.04.2020]
7. Europe Poised to Put Warning Labels on Jewish-Made Products [электронный ресурс] // The Washington Free Beacon. [2019]. URL: <http://archive.is/9DWEg> [дата обращения: 15.04.2020]
8. Minnesota Schools Make Arabic Classes Mandatory [электронный ресурс] // Taters Gonna Tate. [2019]. URL: <https://archive.is/PieaQ#selection-79.0-79.47> [дата обращения: 15.04.2020]
9. Two Altar Boys Were Arrested For Putting Weed In The Censer-Burner [электронный ресурс] // BREAKING-NEWS.CA. [2018]. URL: <https://breaking-news.ca/two-altar-boys-were-arrested-for-putting-weed-in-the-censer-burner/> [дата обращения: 15.04.2020]
10. FBI Agent Suspected in Hillary Email Leak Found Dead in Apparent Murder Suicide [электронный ресурс] // The Denver Guardian. [2016]. URL: <https://web.archive.org/web/20161115023815/http://denverguardian.com/2016/11/05/fbi-agent-suspected-hillary-email-leaks-found-dead-apparent-murder-suicide/> [дата обращения: 15.04.2020]
11. President Trump Urges Americans To Boycott Chinese Restaurants [электронный ресурс] // The Patheos blog. [2019]. URL: <https://www.patheos.com/blogs/laughingindisbelief/2019/01/president-trump-urges-americans-to-boycott-chinese-restaurants/> [дата обращения: 15.04.2020]
12. Man Sues McDonald's For Still Being Depressed After Eating Happy Meal [электронный ресурс] // Huzlers.com. [2018]. URL: <https://www.huzlers.com/dc-man-sues-mcdonalds-for-still-being-depressed-after-eating-happy-meal/> [дата обращения: 15.04.2020]
13. Donald Trump Ends School Shootings By Banning Schools [электронный ресурс] // 8shit.net. [2018]. URL: <https://web.archive.org/web/20180302204733/https://www.8shit.net/donald-trump-ends-school-shootings-banning-schools/> [дата обращения: 15.04.2020]

14. California Upholds 'Right' For Pedophiles To Marry 10 Year Old Kids [электронный ресурс] // News Punch. [2017]. URL: <http://archive.fo/enMcb#selection-589.0-589.67/> [дата обращения: 15.04.2020]

УДК 81.42

Интерпретативная и моделирующая прагматика медийного дискурса

Стародубова Ольга Юрьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного ИМОП
Московский государственный лингвистический университет, РФ, Москва
oystarodubova@mail.ru

Interpretative and modeling pragmatics of media discourse

Starodubova Olga Yurievna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Foreign languages department
Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

Аннотация. Медиацентризм современной культуры диктует новые правила взаимодействия автора и читателя, тактики и стратегии коммуникации. На этом фоне доминирующими атрибутами медийного дискурса становятся интерпретативная прагматика и моделирующий потенциал, который заключается в том, что медийный текст, являясь порождением определенного событийного сегмента действительности, видоизменяет его и, интерпретируя при помощи различных языковых ресурсов, создает (моделирует) новую реальность и когнитивную парадигму. Объектом тиражирования при этом становится не факт, а его интерпретация, корректирующая базовые этнокультурные ценности. Текст СМИ, таким образом, представляет собой механизм лингвокогнитивного моделирования национальных, культурных, нравственных констант.

Ключевые слова: медийный дискурс, интерпретация, прагматика, прецедентный феномен, картина мира, базовые ценности нации, когнитивная парадигма.

Abstract. The mediacentrism of modern culture dictates new rules for the interaction of the author and the reader, tactics and communication strategies. Against this background, interpretative pragmatics and modeling potential become the dominant attributes of media discourse, which consists in the fact that the media text, being a product of a certain event segment of reality, modifies it and, interpreting with the help of various language resources, creates (models) a new reality and cognitive paradigm. The object of replication in this case is not a fact, but its interpretation, changing the basic ethnocultural values. The text of the media, therefore, is a mechanism of linguistic-cognitive modeling of national, cultural, moral constants.

Keywords: media discourse, interpretation, pragmatics, precedent phenomena, picture of the world, basic values of a nation, cognitive paradigm.

На рубеже XX – XXI веков происходят значительные изменения во всех сферах нашей жизни – наблюдается действие целого ряда разнонаправленных тенденций: на фоне *антропоцентризма* существует потребительское отношение к человеческой природе, *толерантность* сопровождается вытеснением и забвением гуманистических ценностей [22], *глобализация* сочетается с нейтрализацией этнокультурного компонента картины мира общества. На этом фоне медийный дискурс, отражающий быстро меняющуюся действительность, в связи с его спецификой – интерпретативным характером, манипулятивной прагматикой [25, 28, 29] – становится объектом пристального внимания междисциплинарных исследований, *целью* которых является выяснение различных видов механизмов трактовки событийности, при помощи которых происходит реформативное изменение общественного сознания, нейтрализация базовых культурных констант с одновременным формированием новой когнитивной парадигмы [24].

Новая картина мира находит отражение в тексте, который, ориентируясь на базовые принципы когнитивной лингвистики, следует воспринимать как вербализованную модель действительности, подводящую «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [13, с. 23]. В тексте (дискурсе) происходит концептуализация мира, представляющая новую парадигму мышления. Таким образом, медийный текст становится лингвокультурным маркером новой языковой личности, отражающей историко-культурную, национальную, гендерную, социальную и другие виды идентичности, которые также претерпевают изменения. Коммуникативные и прагматические аспекты культуры речи иллюстрируют значительные парадигмальные смещения в организации диалога автора и реципиента текста, основным атрибутом которого на современном этапе становится интертекстуальность, проявляющаяся в прецедентности. [24, 26, 27].

Настоящее исследование опирается на теоретическую базу, основы которой были заложены в трудах М. Бахтина, выдвинувшего положение о диалогичности текста и возможности его понимания только на фоне соотнесенности с другими. Указанная гипотеза рассматривается также в работах Р. Барта [2], Ю. Кристевой (термин *интертекстуальность*), Менджеричкой Е.О. [15], Б.М. Гаспарова, Н.А. Кузьминой, Е.А. Баженовой [1] и др. «Нынче мы знаем, что текст представляет собой <...> многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [2, с. 388]. «Каждый текст

представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [2, с. 428]. Прецедентный феномен рассматривается в трудах Ю.Н. Караулова [10], В.В. Красных [11], Г.Г. Слышкина [20], О.В. Лисоченко [14], Д.Б. Гудкова [7], Е.А. Журавлевой [8] и др.

По мнению Е.О. Менджеричкой, коммуникационная специфика обуславливает «концепт манипуляционного влияния медиадискурса на сознание и особенности его использования». [3, с. 53]

В ходе анализа собранного материала в связи с междисциплинарным характером исследования и лингвокогнитивным подходом в осмыслении медиакартины мира были использованы контекстно-ситуативный, риторический, когнитивно-прагматический и другие методы.

«Реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов», в то время как «функциональную деятельность по становлению и интерпретации смысла» [18, с.118] активизирует слово, в частности вмонтированный автором в текст прецедентный феномен, который становится показателем культуры мышления пишущего и одновременно механизмом формирования когнитивной и коммуникативной грамотности реципиента.

Медийный дискурс становится не столько средством интерпретации реальности, сколько новой реальностью, его дескриптивная функция вытесняется прескриптивной, императивной, предписывающей поведенческие модели *Я-центризма* и потребительской психологии [24, 27].

Прагматика текста диктует необходимость выстраивания отношений адресанта и адресата, суть стратегии основана на явлении прецедентности. Эксплицированные языковые модели, реализуемые скриптором (в терминологии Р. Барта) через прецедентный феномен (ПФ) на фоне процессов глобализации становятся амбивалентным средством *критической интерпретации* разных аспектов внутри- и внешнеполитической сфер действительности и *механизмом национально-культурной идентификации*.

Интерпретации подвергается не столько конкретный факт, сколько концепт, таким образом, происходит абстрагирование от событийной основы и перенесение модели восприятия на аналогичные сюжеты. При этом необходимо помнить о том, что *новый дивный мир* встраивается в когнитивные модели сознания, формируя картину мира поколения, которое будет активно перестраивать существующую

модель в связи с заложенными тенденциями. В связи с этим важным представляется сохранение этнокультурной целостности общества, умение минимизировать речевую манипуляцию, которая понимается как «воздействие на человека, управление его чувствами, мыслями, поступками, которое осуществляется помимо его воли» [19, с. 101], а также понимание значимости национальной и генетической идентичности, осознание необходимости сохранения генома Гомера [23, с. 197], поскольку часто *Субъект* новостей или рекламы, пройдя концептуальную стадию (категоризацию) потребителя, превращается в *объект*. По мнению Э. Шострома, «Современный человек – манипулятор» [29, с. 7].

Эпоха культуры готового слова выводит на новый уровень интерпретацию факта [21, с. 34], формирует особую модель национально-культурных стереотипов, когнитивную и нравственную парадигму [30].

Источниками прецедентности становится фольклор как концептуальное национальное наследие (*не хлеб едим мы, от всего серба,*), художественная отечественная литература (*Ночь, улица, фонарь... аптека, герой нашего времени, счастливые часы не наблюдают, но мы не властны над собой*), имена публичных персон, высказывания известных политиков, фразы из художественных фильмов и зарубежная литература (*Быть или не быть, Рублевка – life от Голсуорси*). Наиболее частотным, например, в российском медиадискурсе является обращение к золотому фонду литературы – наследию А.С. Пушкина, А.П. Чехова, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Е. Баратынского, А. Блока и т.д., что свидетельствует о стабильности нравственных констант современного общества.

В ходе интерпретации событийности на фоне ПФ может происходить *пейоративация* исходного смысла, которая часто сопровождается *мнимой толерантностью* (как побочный эффект глобализации), вследствие чего формируется *потребительская модель мира*. При этом категория *универсального* в расширенной оппозиции *своего* и *чужого* нейтрализует национальный компонент. *Черные пятницы* являются неотъемлемым атрибутом *нашей* реальности. Даже реклама детского сада на центральных российских каналах содержит угрозу национальной безопасности, выраженную лингвистическими ресурсами «*Мои дети раньше ходили в обычный детский сад..., а теперь мы пошли в наш, круглый, ... там даже физкультура на английском*». В этом фрагменте текста через антитезу ПФ *обычный* (читаем: советский, российский) и *наш* (европейский или американский) очевидна пейоративация отечественной системы ценностей как непрестижной (возврат к проблематике грибоедовской эпохи, который демонстрирует диахронный

диалог эпох и культур), возникающая на фоне оппозиции *свое – чужое*. Степень конфликтности таких текстов весьма высока, а сама ситуация представляет открытую угрозу национальной безопасности – девальвация отечественной системы ценностей.

При помещении ПФ в новый событийный контекст может происходить *десакрализация* исходного концепта, что иллюстрирует следующий пример использования готового слова: *Что ищет он в краю далеком?* – ПФ, вынесенный в заголовок новости о проблемах в лагерях для беженцев (телеканал РенТВ, 2020) смещает вектор интерпретации трагедии глобального масштаба в ироническое русло, что способствует, во-первых, формированию в сознании потребителя за счет *лингвоцинизмов* (слова или обороты речи, в которых закреплен цинизм мировоззрения – термин А.П. Сковородникова) новой нравственной нормы: эмпатия становится отчужденным фрагментом восприятия событийности. При этом доминирует *стратегия подмены, вытеснения, умалчивания*. Ирония как тип оценки отвлекает внимание от истинной событийности и ее масштаба, переводя новостной сегмент в *развлекательную* сферу. Во-вторых, сам источник ПФ – национальная классическая литература – стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус» и его концептуальный смысл подвергаются *пейоративации* на фоне нового контекста: вопросы поиска смысла жизни, страдания романтического героя-одиночки смещаются в секулярную сферу, ограничиваясь потребительской психологией восприятия. *Интерпретативно – прагматическая* доминанта медийного дискурса на фоне массовости аудитории и использования указанных приемов становится очевидной реальностью.

Интересен следующий пример, также интерпретируемый в русле тенденции пейоративации: *Они сражались за Одина* (реклама – анонс телесериала «Викинги» РенТВ март 2020г.). В цитате соединяются сразу два ПФ разного формата и из разных по типу и этнокультурному коду источников. Используется элемент *языковой игры* – созвучие имени собственного Один (языческое божество, верховный бог в германоскандинавской мифологии, мудрец и шаман, бог войны и победы. Один одноглазый жертвует свой глаз, чтобы испить из источника мудрости. Подобное самопожертвование во имя мудрости – не редкость для Одина, в частности, чтобы постичь силу рун, он приносит в жертву самого себя) и слова Родина (концепт патриотизма). Переделанный ПФ сконструирован по модели – «Они сражались за Родину» – известный советский фильм Сергея Бондарчука по одноимённому роману Михаила Шолохова. Лучший фильм по опросу журнала «Советский экран» в 1976

году. Съёмки фильма проходили с мая по октябрь 1974 года в Волгоградской области. В 1977 году был удостоен Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых.

Сам факт помещения двух ПФ, входящих в когнитивную базу нации, в сферу современной *киноиндустрии*, сопряженной не столько с пропагандой базовых ценностей (как это было в советский период), сколько с моделированием картины мира, отвечающей потребительскому спросу для извлечения прибыли, уже способствует *десакрализации* мифологемы (прецедентного имени) скандинавского эпоса и советского формата концепта патриотизма. Результатом сложного приема становится *интерференция* двух концептуальных смыслов в сниженном контексте современного блокбастера с параллельным смещением ядра из сферы культурной памяти (патетики жертвенности и борьбы за мудрость в контексте скандинавского эпоса и национальную идентичность, сохранение целостности Отечества в контексте русской культуры) в развлекательный контекст, при этом в связи со сложной аллюзией возникает побочный комический эффект – ирония порождает *лингвоцинизм*. При видимой сложности приема, интересной, с точки зрения техники, очевидно несоблюдение профессиональной этики журналистской работы. Подобные контексты в последнее время становятся нормой, моделируют неуважительное отношение к исторической памяти, культурным традициям, вольное обращение с наследием для достижения экспрессии, эпатажа читательской аудитории.

В то же время существуют и другие тексты. Например, реклама фильма «Спасти Ленинград», посвященного годовщине снятия блокады: «*Сегодняшним аршином не измерить подвиг ленинградцев*». ПФ узнаваем – строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять, *аршином общим не измерить*» – и в данном случае является лингвистическим механизмом стабилизации системы ценностных констант (патриотизма, исторической памяти, преемственности поколений), которые укрепляют национальную идентичность и безопасность.

Поэтому в современных исследованиях должны учитываться актуальность и необходимость выявления механизмов коррекции когнитивных процессов современной языковой личности, которые в диалоге разных культурных кодов позволят сохранить национальную идентичность и в то же время избежать межкультурных конфликтов.

ПФ затрагивает фактически все значимые концепты картины мира: внешняя и внутренняя политика, экономика и финансы, социальные отношения (пенсионная реформа, спорт, туризм), бытовой аспект, гендерный, сферу природы, семейные ценности, патриотические, историческое наследие и т.д.

Сопутствующий прецедентному феномену эмоциональный фон колеблется от юмористической, иронической коннотации до цинизма, с которым обсуждают эпатажные подробности жизни известных персон некоторые журналисты, используя прецедентный текст (ПТ), формируя тем самым сознание нового обезличенного потребителя, лишённого критического мышления. Все это следствие синдрома профессиональной деформации, а потому журналистика – это род деятельности, связанный с повышенной социальной ответственностью.

Интерпретируя современную действительность (или первичный текст) сквозь призму прецедентности, пишущий (автор или скриптор) намеренно или нет повышает ценность, значимость этих феноменов в сознании адресата (реципиента, читателя). Доминанта прецедентности (интертекстуальность) как средства интерпретации над собственно творчеством – примета времени, естественная эволюция общества. Важно при этом критически (аналитически) воспринимать агрессию формы и учитывать пресуппозицию, в противном случае мы получаем новую информационную когнитивную парадигму, и ее атрибутом станет десакрализация ценностей, на которых строится коллективное бессознательное, например, жизни и смерти и низведения до уровня физиологических явлений, в которых приоритетным является материальное благополучие.

Эволюция культуры – явление, несомненно, естественное, но если оно проходит в пределах нормы: «Даже в периоды скачков <...> старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только оттесняются на задний план, но не покидают «вечного града». Об этом следует помнить». [17, с.262-263].

Таким образом, ПТ становится вмонтированным смыслом, сквозь призму которого вектор читательских (потребительских) усилий перенаправляется умелым автором в нужную сторону. При этом «Фигура говорящего/наблюдателя с ее меняющейся пространственно-временной позицией, способами познания и коммуникативными намерениями, с богатством оценок и реакций, освещает внутренний мир текста...». [9, с. 110].

При интерпретации факта, события ПФ становится универсальным механизмом, способным формировать ценностные установки. На этом фоне автор выступает в роли транслятора ценностей, в результате чего выстраивается конструкт (структура), который на языке современной лингвистики укладывается в систему устойчивых фреймов, сценариев, формирующих новые стереотипы. В прагматической традиции такой автор называется *коммуникатором*.

Эпоха культуры готового слова (раскавыченного) выводит на новый уровень интерпретацию факта, формирует особую модель национально-культурных стереотипов, когнитивную и нравственную парадигму. Фактически прагматика медийного дискурса идентична технике нейролингвистического программирования (НЛП) как направления в практической психологии, которое создает модели поведения и претворяет их в жизнь. Основы НЛП были разработаны американскими учеными Ричардом Бэндлером и Джоном Гриндером в середине семидесятых XX века [5]. «НЛП занимается проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы, а также изучает, каким образом психические процессы и нервная система формируют наш язык, языковые шаблоны и находят в них отражение» [6, с. 16]. На выходе подобного интерпретативно-манипулятивного продукта, который является объектом риторической герменевтики [23] мы получаем новую информационную парадигму, и ее атрибутом становится десакрализация ценностей, низведение до уровня материальной доминанты. [3, 4]. Так происходит «переключение» народов» [6, с. 16].

На фоне глобализации формируется единое информационное пространство. В то же время происходит унификация сознания, которая предполагает его стандартизацию и создает условия для нейтрализации национального компонента. При этом прецедентный феномен становится одним из ведущих способов интерпретации действительности, а СМИ «обладая монополией на информацию, ... задают приоритеты событий, интерпретируют эти события, осуществляя социально преобразующую репрезентацию реальности» [12, с. 34]. В связи с этим интерпретативная и моделирующая прагматика современной лингвокультурной ситуации становится объектом пристального внимания ученых.

Список литературы

1. Баженова Е. А. Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (9). Пермь, 2010. С. 32–36.
2. Барт Р. Избранные труды: семиотика. Поэтика: пер. с фр. \ сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М., 1989. 616 с.
3. Бессонов Б. Н. Пропаганда и манипуляция как инструменты духовного порабощения [Электронный ресурс] / Б. Н. Бессонов // Идеология духовного подавления. – М.: Мысль, 1971. – 295 с.
4. Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова / К. Бредемайер. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2014. – 183 с.
5. Бэндлер, Р. Большая энциклопедия НЛП. Структура магии / Р. Бэндлер, Дж. Гриндер. – Москва: АСТ, 2015. - 445 с.
6. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб: ПИТЕР, 2014. – 256 с.

7. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Москва, 1999. 150 с.
8. Журавлева Е. А. Прецедентные тексты начала XXI века. Москва, 2007. 255 с.
9. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. №1. Москва, 2001. С. 107–113.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2007. 264 с.
11. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9, № 3. Москва, 1997. С. 62–75.
12. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир: Фак. Журналистики МГУ, 2008. 242 с.
13. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11–24.
14. Лисоченко О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи. Ростов-на-Дону, 2007. 318 с.
15. Менджеричская Е.О. Термин дискурс и типология медиадискурса // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – N 2. - 2016. - С. 50-55.
16. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII – XIX веков. Москва, 1997. 912 с.
17. Панченко А. М. О русской истории и культуре. Санкт-Петербург, 2000. 464 с.
18. Пищальникова В.А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 117–120.
19. Седов, К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 440 с. 101]
20. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Москва, 2000. 139 с.
21. Солганик Г. Я. Без кавычек. Об одном новом явлении в языке газеты // Журналистика и культура русской речи. Вып. 4. Москва, 1997. С. 32–34.
22. Стародубова О.Ю. Геном Гомера как механизм преодоления барьера в межкультурной коммуникации. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 10 (803). С.194–205.
23. Стародубова О.Ю. Риторическая герменевтика (вариации на тему или... «нераздельность и неслиянность» - система антиномий как примета текстов науки и культуры) Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 10. С. 160-165
24. Стародубова О.Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. №5. С. 100-112.
25. Хомский, Н. Десять стратегий манипулирования с помощью СМИ [Электронный ресурс] / Н. Хомский. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/manipulation3.htm> (дата обращения 15.11.2016).
26. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
27. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учебное пособие. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 200 с. (с. 148 – интертекстуальность ...)

28. Шмелева, Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение / Т. В. Шмелева // Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т., 2012. – С. 56–61.
29. М. Шостром, Э. Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации / Э. Шостром. – М.: Апрель-Пресс, Психотерапия, 2008. – 192 с.
30. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 811.521

Особенности реализации персуазивного воздействия в деловых письмах (на материале кружковых сообщений Университета Хоккайдо)

Ефимова Сардана Кимовна

доцент кафедры восточных языков и страноведения
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, РФ, г. Якутск
Sardana_efimova@mail.ru

Дмитриева Татьяна Борисовна

студентка кафедры восточных языков и страноведения
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, РФ, г. Якутск
tat.dm1tr@yandex.ru;

Features of implementing persuasive impact in business letters (by the material of the club messages of Hokkaido University)

Efimova Sardana Kimovna

Associate professor at the Department of Oriental languages
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia, Yakutsk

Dmitrieva Tatiana Borisovna

Student of Department of Oriental languages
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia, Yakutsk

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации персуазивности посредством персуазивных тактик во внутриорганизационной коммуникации кружка по айкидо Университета Хоккайдо. Персуазивность понимается как эксплицитное речевое воздействие, оказываемое адресантом сообщения с целью поменять поведение и повлиять на мысли адресата. В статье акцентируется внимание на наиболее часто используемых тактиках и на причинах опущения других.

Ключевые слова: японский язык, персуазивность, персуазивные тактики, персуазивная коммуникация, деловое письмо.

Abstract. The article discusses the features of persuasive influence of club messages. Messages from the chat of Aikido club in Japanese were used as a material. Persuasiveness is understood as an explicit speech impact exerted by the sender of the message in order to change behavior and influence the mind of the addressee. The article focuses on the most commonly used tactics and the reasons for omitting others.

Keywords: Japanese language, persuasiveness, persuasive tactics, persuasive communication, business letters.

С развитием средств связи деловой стиль проник во многие сферы коммуникативной деятельности, начиная с внутреннего и внешнего делопроизводства и заканчивая международным сотрудничеством. В связи с появлением новых средств общения, таких как социальные сети, мессенджеры и электронная почта, объем деловых писем, несомненно, увеличился, что повлекло за собой изменения в традиции написания делового письма. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к исследованиям речевого воздействия на реципиента путем использований категорий персуазивности в деловом письме. Вследствие этого увеличивается необходимость в дополнении уже имеющихся работ учёных по заданной научной проблеме, в удовлетворении потребности научного общества в анализе и обобщении современных тенденций, существующих и развивающихся в японском деловом письме.

Существуют различные подходы к определению персуазивности, в нашем исследовании мы берем за основу определение, предложенное Е.М. Торбик, по которому персуазивность понимается как осмысленное обеими сторонами коммуникативное воздействие, включающее в себя индуктора (адресанта), реципиента и сообщение. Воздействующее поведение эксплицитно, осуществляется коммуникативными стратегиями, имеет под собой основания, т.е. аргументировано, и оставляет возможность принятия решений самостоятельно реципиентом [5, с. 7].

Исследователями персуазивное влияние рассматривается на уровне делового дискурса, деловой коммуникации. Эта коммуникация реализуется через обмен письмами и деловыми сообщениями между организациями или внутри нее, а темой является совместная деятельность, осуществляемая в жанре официальных документов [2]. Для деловых писем характерны: сухость и нейтральность речи; использование клише и рубрики текста; аргументированность и рациональность; точность и лаконичность высказываний [3, с. 7]. Однако в условиях устного делового общения коммуникация может терять логичность, краткость, и наоборот, приобретать эмоциональность в высказываниях [4, с. 7].

Что касается рубрики японского делового письма, оно включает в себя открывающее приветствие, сезонное слово, благодарность, переход к главной части, основной запрос, фразу о «дальнейшей благосклонности», извинения за письмо и заключительное слово [6, с. 98]. Традиция написания японских деловых писем обладает некоторой спецификой, а именно наличием этикетных фраз и сезонных приветствий [1].

Также особенностью японской традиции написания писем деловым партнерам и японского языка в целом является градация использования вежливых форм речи - teineigo, kenjougo и sonkeigo, употребление которых зависит от величины, статуса и типа компаний, к которым относятся собеседники [3, с. 9]. Принимая во внимание этикет написания внутриорганизационных писем, где излишняя вежливость опускается по принципу uchi soto (свои и чужие), деловое общение не всегда предполагает следование всем выставляемым требованиям и признакам; деловое письмо, как и деловая коммуникация, предопределяются характером ситуации и дистанцией между собеседниками [4, с. 10].

В японских реалиях существует такое понятие, как электронный этикет ネチケット (nechiketto), предписывающий надлежащее написание электронных писем партнерам [6, с. 75]. Ввиду существующей тенденции упрощения написания писем, реализации приветствия в разговорном стиле и повышенной информативности [2], мы причисляем кружковые сообщения к жанру деловых писем, так как, по нашему мнению, они в полной мере отвечают вышеприведенным требованиям, осуществляя коммуникацию от вышестоящих старшекурсников к нижестоящим первокурсникам. На наш взгляд, экстралингвистическая ситуация задает тон общения, несмотря на упрощенность структуры текста и опущение вежливых, сезонных и приветственных фраз.

Для нашего исследования были отобраны 23 сообщения для участников кружка айкидо Университета Хоккайдо из мессенджера Line на различные темы, например, перенос или отмена мероприятий, сбор средств на проведение лагеря, набор участников для культурного обмена, расписание и адрес проводимого мероприятия, просьба оплатить членский взнос и т.п. Данный выбор обусловлен тем, что деловая переписка молодежи имеет свои особенности, и в ней находят отражения последние тенденции в изменении эпистолярного стиля.

В данном исследовании мы провели анализ общей контактоформирующей стратегии персуазивного воздействия (по Е.М. Торбик). Непосредственно персуазивное влияние общей контактоформирующей стратегии следует

рассматривать через синтез четырех частных стратегий: контактоустанавливающей, поддерживающей, самопрезентующей и прекращающей контакт стратегий, которые состоят из тактик [4].

1) В частной стратегии установления контакта были найдены следующие тактики:

1. Тактика благодарности и вежливости, с помощью которой эксплицитно выражается признательность за совместно проведенную успешную деятельность, замечена в 4 сообщениях:

● 1週間の合宿、お疲れ様でした。備品運搬における、32代目の協力は本当に助かりました。ありがとうございます (Isshūkan no gasshuku, otsukaresamadeshita. Bihin unpan ni okeru, 32-daime no kyōryoku wa hontōni tasukarimashita. Arigatōgozaimashita) – Благодарю вас за участие в недельном лагере. Помощь со стороны 32 поколения неоценима. Выражаю благодарность.

● 30周年記念式典お疲れ様です (30 Shūnenkinen shikiten otsukaresamadesu) – Благодарим вас за участие в церемонии тридцатилетия.

2. Тактика краткого обзора проекта, отвечающая за формирование представления о сути сообщения в начале текста, была найдена в 14 сообщениях:

● ピクニックについて連絡します (Pikunikku ni tsuite renraku shimasu) – Извещаю вас о пикнике.

● 5/16(木)の稽古についてお知らせします (5/ 16 (moku) no keiko ni tsuite oshirase shimasu) – Извещаю о тренировке 05.16 (четверг).

2) В частной стратегии поддержания контакта были найдены актуализации следующих тактик:

1. Тактика резюмирования – вербализация воспроизведения, требующая какого-либо действия; данная тактика была обнаружена в 4 сообщениях:

● 五級審査の動画の編集が終わりましたので、皆様に共有して頂こうと思います (Gokyū shinsa no dōga no henshū ga owarimashitanode, minasama ni kyōyū shite itadakou to omoimasu) – Так как монтаж видео с экзамена на пятый кю было завершено, я бы хотел с вами им поделиться.

● 以前連絡したように、交流会、懇親会は原則全員参加(留学生の参加は任意)ですが、授業がある場合はそちらを優先してください (Izen renraku shita yō ni, kōryūkai, konshinkai wa gensoku zenin sankā (ryūgakusei no sankā wa nin'i) desuga, jugyō ga aru baai wa sochira o yūsen shite kudasai) – Как я уже вам ранее сообщал, участие в мероприятии по культурному обмену и дружеской встрече является обязательным (для студентов

по обмену на свое усмотрение). Однако при наличии занятий отдайте предпочтение им.

2. Тактика подготовки почвы для дальнейшего общения, направленная на дальнейшее совместное сотрудничество с актуализацией рекламных формул, не была обнаружена в ходе исследования;

3. Тактика благодарности с вежливостью – этикетные фразы, ориентированные на дальнейшее сотрудничество, были найдены в 4 сообщениях:

- どうかご協力よろしくお願いたします (Dōka go kyōryoku yoroshiku onegai itashimasu) – Нижайше прошу Вашего сотрудничества.

- よろしくお願いたします (Yoroshiku onegaītashimasu) – Надеюсь на сотрудничество.

3) К частной стратегии самопрезентации относятся:

1. Тактика персонализации, где подчеркивается монолитность единой компании через использования личных местоимений “наш” и “мы”; данная тактика была зафиксирована нами в 1 сообщении:

- 30周年記念行事は私たち北大合気会合気道部の歴史の中でも重要な式典となりますので、現役部員は原則参加でお願いします (30 Shūnenkinen gyōji wa watashitachi Hokudai aikikai aikidō-bu no rekishi no naka demo jūyōna shikiten to narimasunode, gen'eki buin wa gensoku sankā de onegaishimasu) – Так как в истории нашего клуба “Айкикай” университета Хоккайдо церемония тридцатилетия является важным событием, участие для всех является обязательным.

2. Тактика создания «своего круга», тактика оппозиционирования, тактика подчеркивания качественных и количественных показателей, тактика ссылки на опыт не были обнаружены.

4) Частная стратегия прекращения контакта осуществляется через:

1. Тактику завершения письма, реализуемую посредством использования лексических единиц уважения, указывающих на прекращение контакта. В 11 сообщениях была найдена фраза-клише, используемая при завершении сообщения – “Если у вас есть вопросы, прошу связаться ...”:

- 何かございましたら、連絡ください (Nanika gozaimashitara, renraku kudasai) – Обращайтесь по любым вопросам, пожалуйста.

- 不明点等ありましたら、御子神まで連絡をお願いします (Fumei ten nado arimashitara, Mikogami made renraku wo onegaishimasu) – По всем вопросам прошу обращаться к Микогами.

Выводы

В ходе исследования мы выделили следующие особенности реализации персуазивного воздействия общей контактоформирующей стратегии в сообщениях кружка по айкидо Университета Хоккайдо:

1. Персуазивное воздействие данной стратегии чаще выражено контактоустанавливающей стратегией (18) и стратегией прекращения контакта (11), реже встречаются стратегии поддержания контакта (8) и самопрезентации (1);

2. Большинство контактоустанавливающих стратегий выражено тактикой краткого обзора проекта (14). Незначительное использование тактики благодарности и вежливости (4) данной частной стратегии обусловлено, по нашему мнению, тем, что сообщения передаются старшими по курсу студентами младшим по курсу, так как те занимают вышестоящую должность в иерархии кружка;

3. В частной стратегии поддержания контакта тактика резюмирования и тактика благодарности с вежливостью использовались одинаковое количество раз (4). Тактики подготовки почвы для дальнейшего общения выявлено не было, что объясняется тем, что данная группа изначально была создана для сообщения указаний и распоряжений; обсуждения организационных моментов. В этом свете использование данной тактики является неуместным;

4. В частной стратегии самопрезентации тактика персонализации была выявлена только в 1 сообщении, что объясняется необходимостью скорости передачи и лаконичности письма. Отсутствие тактики создания «своего круга», тактики оппозиционирования, тактики подчеркивания качественных и количественных показателей, тактики ссылки на опыт обусловлено, по нашему мнению, созданием группы с определенной целью общения единомышленников, где нет необходимости создавать благоприятный имидж кружку;

5. Частная стратегия прекращения контакта предусматривает тактику завершения письма, которая выражается фразой-клише «Если у вас есть вопросы, прошу связаться ...», что характерно для сообщений старших по иерархии по отношению к младшим и равным по положению;

Таким образом, в нашем исследовании мы выявили особенности реализации персуазивного воздействия в деловых сообщениях членов спортивного кружка по айкидо Университета Хоккайдо. Кроме того, нами подчеркивается необходимость проведения дальнейших исследований деловой переписки в кругах молодежи, т.к. в современном мире традиция написания деловых писем имеет тенденцию видоизменяться и приобретать новые качества.

Список литературы

1. Гвоздевская Галина Анатольевна Роль языка и традиционного искусства в постижении специфики деловой культуры Востока (на примере Японии) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazyka-i-traditsionnogo-iskusstva-v-postizhenii-spetsifiki-delovoi-kultury-vostoka-na-primere-yaponii> (дата обращения: 27.05.2020).
2. Корнеева Мария Геннадьевна Особенности реализации некоторых категорий текста на материале электронного делового письма // Известия ВГПУ. 2015. №5 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennost-realizatsii-nekotorykh-kategoriy-teksta-na-materiale-elektronnogo-delovogo-pisma> (дата обращения: 27.04.2020).
3. Потапова Я.М. Норма делового стиля в японском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Я.М. Потапова ; РАН Ин-т востоковедения. -Москва, 1995. - 16 с.
4. Свирина, Н.М. Деловой стиль японского языка в устной форме : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Н.М. Свирина ; Моск. гос. унт им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. - Москва, 2008. - 22 с.
5. Торбик, Е.М. Персуазивные коммуникативные стратегии в деловом дискурсе : на материале англоязычных проектных заявок : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Торбик Елена Михайловна; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. - Тверь, 2016. - 19 с.
6. Фролова, Е.Л. Японский язык. Эпистолярный стиль / Е.Л. Фролова. -Москва : АСТ : Восток-Запад, 2005. - 247 с.

УДК 811.111-26

Географические и административно-территориальные реалии в романах Джека Лондона «Белый клык» и «Мартин Иден»

Панич Эльзара Нусретовна

магистрантка кафедры английского языка и литературы, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, РФ, г. Симферополь
pani.elzara@yandex.ru

Geographical and administrative-territorial realities in Jack London's novels "White Fang" and "Martin Eden"

Panich Jelzara Nusretovna

undergraduate of the Department of English language and literature, Crimean engineering and pedagogical University Fevzi Yakubova, Russia, Simferopol

Аннотация. В статье проанализированы романы «Белый клык» и «Мартин Иден» Джека Лондона и обозначены географические реалии, встречаемые в данных произведениях. Актуальность нашего исследования определяется потребностью более глубокого изучения слов-реалий в современном английском языке.

Ключевые слова: реалия, безэквивалентная лексика, Джек Лондон.

Abstract. The article analyzes the novels "White Fang" and "Martin Eden" by Jack London and identifies the geographical realities encountered in these works. The relevance of our research is determined by the need for a deeper study of realities in modern English.

Keywords: reality, non-equivalent, linguistics.

В наше время очень часто становится вопрос о языковых реалиях, который несомненно является одной из актуальных проблем в лингвистике. Многие ученые вплотную и многократно обращались к данной теме.

Вопросы, связанные с реалиями, всегда рассматриваются на стыке нескольких научных направлений. Необходимо отметить, что изучением слов-реалий занимались многие переводоведы и лингвисты, такие как А.В. Федоров, Г.Д. Томахин, В.М. Россельс, И.А. Кашкин, Н.Н. Кузнецова, Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. Д. Райхштейн, Л. Н. Соболев, А. Е. Супрун, Г. В. Чернов. и т.д. Но, тем не менее, вопрос передачи реалий до сих пор остается открытым в языкознании, что обусловлено уникальностью семантики этих лексических единиц, их сложностью для перевода, и малой степенью осознания их значения представителями других культур.

Слова реалии являются такими носителями уникальной информации в каждой культуре [7, с. 3].

Чаще всего встречаются такие определения термина «реалия»:

Реалия - ж. [от лат. *realis* – действительный, истинный]. Действительные, существующие вещи; объективные факты как исторический фон литературного или иного описания; в методике преподавания иностранных языков – этнические или национальные особенности, получившие отражение в данном языке, но непередаваемые на другие [1].

Реалия – единичный предмет, вещь; то, что есть, существует [2].

Из таких наук как переводоведение, сопоставительное языкознание и лингвострановедение, мы узнаем, что реалии – это такие слова, которые обозначают предметы и явления, связанные с культурой, бытом и историей, экономикой региона изучаемого языка. Поэтому возникает вопрос в чем же разница между реалией и другой безэквивалентной лексики. Здесь следует отметить, что не только реалии обладают признаками безэквивалентной лексики. Безэквивалентными могут быть неологизмы, семантические лакуны, иноязычные вкрапления, междометия, ассоциативные лакуны, варваризмы, экзотическая лексика и т.д.

По мнению В.С. Виноградова, к реалиям относятся все специфические факты социальной жизни, истории и государственной структуры, своеобразные предметы быта, этнографические, фольклорные понятия. [3, с.37].

Цель нашей работы состоит в том, чтобы с помощью анализа теоретического материала уточнить понятие географической реалии и выявить их особенности употребления в англоязычном художественном произведении.

Материалом анализа мы выбрали оригинальные тексты произведений Джека Лондона «Мартин Иден» и «Белый клык», а также их переводы на русский язык. В данных текстах методом сплошной выборки были установлены географические реалии, связанные с административно-территориальным делением, и определены их значения. Для анализа и характеристики реалий мы опирались на исследования в этой области таких ученых, как Верещагина Е.М., Костомарова В.Г., а также Влахова С.И., Флорина С., Виноградова В.С.

Творчество Джека Лондона занимает видное место в прогрессивной американской литературе. Книги Джека Лондона были наполнены демократической и жизнеутверждающей силой. Для анализа нами был выбран его роман «Белый клык» из серии романов о животных, демонстрирующий профессионализм Лондона при описании жизни животных. Его книги о животных пронизаны глубоким смыслом и затрагивают проблемы нелегкой жизни как людей, так и животных. В данном романе нами были выбраны всевозможные географические реалии и названия эндемиков, которые также входят в группу географических реалий, а также реалии административно-территориального деления.

(1) «An' while I'm wishin', I wisht the trip was over an' done with, an' you an' me a-sittin' by the fire in Fort McGurry just about now an' playing cribbage - that's what I wisht." «Приехать бы уж поскорее, и дело с концом! Сидеть бы нам с тобой сейчас у камина в форте Мак-Гэрри, играть в криббедж... Много бы я дал за это!»

Форт Макгэрри (1865-1868) - военный пост США, основанный в 1865 году майором Альбертом г. Брэкеттом, 1-м кавалерийским полком США, в округе Гумбольдт, штат Невада.

(2) «The she-wolf, the young leader on her left, and the one-eyed elder on her right, led their half of the pack down to the Mackenzie River and across into the lake country to the east». «Волчица, молодой вожак, бежавший слева от нее, и Одноглазый, бежавший справа, повели свою половину стаи на восток, к реке Маккензи, и дальше, к озерам».

Маккензи — крупнейшая река Канады и всего американского севера протяжённостью 1738 км. Названа в честь открывшего её Александра Маккензи).

3) «It was in a village at the Great Slave Lake, that, in the course of resenting the evil of the hands of the man-animals, he came to modify the law that he had learned from Grey Beaver: namely, that the unpardonable crime was to bite one of the gods». «В одном из

поселков на берегу Большого Невольничьего озера Белому Клыку довелось уточнить преподанный ему Серым Бобром закон, согласно которому нападение на богов считается непростительным грехом».

Большое Невольничье озеро — озеро ледниково-тектонического происхождения, второе по площади в Северо-Западных территориях Канады, пятое — в Северной Америке, и десятое — в мире, также является глубочайшим озером Северной Америки.

4) «When White Fang was nearly five years old, Grey Beaver took him on another great journey, and long remembered was the havoc he worked amongst the dogs of the many villages along the Mackenzie, across the Rockies, and down the Porcupine to the Yukon». «Белому Клыку было около пяти лет, когда Серый Бобр снова взял его с собой в длинное путешествие, и в поселках у Скалистых Гор, вдоль рек Маккензи и Поркьюпайн, вплоть до самого Юкона, долго помнили расправы Белого Клыка с собаками».

Скалистые горы (англ. Rocky Mountains) — основной горный хребет в системе Кордильер Северной Америки, на западе США и Канады;

Поркьюпайн — река в Канаде и США, протекающая по территории Юкон и штату Аляска;

Юкон — это гористая и малонаселенная территория на северо-западе Канады.

5) «It was the summer of 1898, and thousands of gold-hunters were going up the Yukon to Dawson and the Klondike». «Было лето 1898 года, и золотоискатели тысячами двигались вверх по Юкону, к Доусону и на Клондайк».

Доусон — небольшой городок в канадской территории Юкон, известный по Клондайкской золотой лихорадке;

Клондайк — регион, находящийся на территории Юкон, на северо-западе Канады, восточнее от границы с Аляской.

6) «It was about this time that the newspapers were full of the daring escape of a convict from San Quentin prison». «Приблизительно в это же время в газетах появились сообщения о смелом побеге из сан-квентинской тюрьмы одного заключенного, славившегося своей свирепостью».

Сан-Квентин — тюрьма, располагающаяся на 432 на мысе Сан-Квентин, в округе Марин, штат Калифорния, США.

7) «Life had a thousand faces, and White Fang found he must meet them all - thus, when he went to town, in to San Jose, running behind the carriage or loafing about the streets when the carriage stopped». «Жизнь здесь была тысячелика, и Белый Клык

соприкасался с ней во всем ее многообразии. Так, когда ему приходилось бежать вслед за хозяйской коляской по городу Сан-Хосе или ждать хозяина на улице, жизнь текла мимо него глубоким, необъятным потоком, непрестанно требуя мгновенного приспособления к своим законам и почти всегда заставляя его заглушать в себе все естественные порывы».

Сан-Хосе — город в Калифорнии, по численности населения третий в штате после Лос-Анджелеса и Сан-Диего и десятый в США.

8) «Mackenzie hounds, Eskimo and Labrador dogs, huskies and Malamutes - all tried it on him, and all failed». «Гончие, лайки, овчарки, ньюфаундленды - все испробовали на Белом Клыке тот прием и ничего не добились».

Маккензи Ривер Хаски — термин, описывающий несколько арктических и субарктических локальных популяций ездовых собак;

Американская эскимосская собака — порода собак, выведенная в США от немецкого шпица;

Лабрадор-ретривер — порода собак. Первоначально была выведена в качестве охотничьей подружейной собаки. Порода берёт своё начало на острове Ньюфаундленд на восточном побережье Канады;

Сибирский хаски — заводская специализированная порода собак, выведенная чукчами северо-восточной части Сибири и зарегистрированная американскими кинологами в 1930-х годах как ездовая собака;

Аляскинский маламут — порода ездовых собак аборигенного типа, предназначенная для работы в упряжке. Малемиты — когда-то многочисленное эскимосское племя группы Инупиатов, жившее на различных прибрежных территориях Аляски.

Здесь переводчик использовал принятые в русском языке названия пород собак, но как мы можем увидеть перевод не совсем соответствует той породе, которую имел в виду автор, например, *Mackenzie hounds* – термин, описывающий несколько арктических и субарктических локальных популяций ездовых собак, переводчик же, не уточняя породу, дает общий термин, понятный для русскоговорящего населения. Некоторые же названия пород собак переводчик предпочел совсем не переводить, например, были упущены такие породы собак, как *Malamutes u huskies*.

Как мы видим, для создания ощущения реального пространства и эффекта документальности повествования автор использует существующие в действительности реалии. Большинство из них – географические (названия поселений (*Yukon, Dawson, Klondike*), географических объектов (*Mackenzie River,*

Rockies, the Porcupine), названий местных или популярных в данной местности пород собак (*Mackenzie hounds, Malamutes, Eskimo*).

Другой роман Джека Лондона – «Мартин Иден» – во многом автобиографический. В данном произведении рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается человек по сегодняшний день. Это – проблема денег и славы, проблема лицемерия и смысла жизни, любви, счастья и т.д. В этой книге звучит одна простая истина, которая и делает роман таким любимым, и эта истина в том, что только через упорный труд человек может многого достичь в этой жизни чего бы то ни было. Ярким примером служит сам автор – Джек Лондон.

В этом романе нами были обнаружены следующие реалии:

1) «...shuffling creatures from the pavements of Whitechapel...».

«...растрепанные потаскухи с панелей Уайтчепела...».

Whitechapel Дорога является одним из основной магистрали в лондонском Ист-Энде.

2) «Baldly as he had stated it, in his eyes was a rich vision of that hot, starry night at Salina Cruz...». «Он оказал это совершенно просто, а перед его глазами возникла картина той душной звездной ночи в Салина-Круз...».

Салина-Крус – муниципалитет в Мексике, входит в штат Оахака.

3) «Next his mind leaped to the Grand Hotel at Yokohama, where, too, from the sidewalk, he had seen grand ladies». «Вслед за этим воображение перенесло его в Иокогаму, к Гранд-Отелю, где ему тоже случалось видеть издали подобных дам».

Гранд Отель – гостиница, расположенная в Иокогама - крупнейший портовый город Японии, административный центр префектуры Канагава.

4) «She was behind time, an' around the Puget Sound ports we worked like niggers, storing cargo-mixed freight, if you know what that means». «Он опаздывал, и нам пришлось здорово поработать на погрузке в портах залива Пьюджет. Вот я и поободрал себе шкуру».

Порт, находящийся в Пьюджет-саунд – система заливов в штате Вашингтон (США). Является частью моря Селиш.

5) «...the next instant he was gazing down through shimmering heat into the whited sepulchre of Death Valley...». «...в следующее мгновение, сквозь радужную дымку раскаленного воздуха заглядывал в белую гробницу калифорнийской Долины Смерти...».

Долина Смерти — межгорная впадина в районе пустыни Мохаве и Большого Бассейна на западе США в штате Калифорния, к юго-востоку от горного хребта Сьерра-Невада.

6) «He stood in front of a gloomy tenement house. It was night-time, in the East End of London, and before him stood Margey, a little factory girl of fifteen». «Он стоит перед огромным мрачным домом в лондонском Ист-Энде, ночью, а рядом с ним Марджи, девчонка-работница лет пятнадцати».

Ист-Энд — восточная часть Лондона.

7) «The Eighth Street Bridge, crossing an arm of San Antonio Estuary, was the length of three city blocks». «Мост Восьмой улицы, перекинутый через рукав устья Сан-Антонио, по длине равен трем городским кварталам».

Мост Альбертуса Л. Мейерса (также известный как мост восьмой улицы — представляет собой железобетонный открытый арочный мост, расположенный в Аллентауне, штат Пенсильвания, в Соединенных Штатах.

Как мы видим, с помощью данных реалий автор переносит нас в реальное географическое пространство — США (*Salina Cruz, Puget Sound ports*) и Великобритания (*Whitechapel, East End of London*). При этом автор употребляет не только общеизвестные названия, как (*Salina Cruz*), но и малоизвестные широкому кругу читателей (*Death Valley*). Это говорит о том, что он старается воссоздать реальное географическое пространство со всей тщательностью, не упуская из вида мелочей, которые бы не дали возможности читателю почувствовать себя участников описываемых событий.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что реалии, с одной стороны, являются важным средством создания определенного колорита художественного текста. В них хранится важная страноведческая информация, способствующая воссоздать реальное пространство.

С другой стороны, они, являясь частью безэквивалентной лексики, представляют собой определенную сложность при переводе. На материале рассмотренных нами романов Джека Лондона мы видим, что переводчик чаще прибегает к транслитерации и к описательному методу, в некоторых случаях использует эквивалентный перевод.

Как показал анализ, в романах Джека Лондона географические реалии, характерные только для культуры Америки, являются важным средством, с помощью которого автор раскрывает национально-культурный колорит жизни Америки.

В заключении хотелось бы отметить практическую значимость данного исследования. Для анализа мною были взяты романы Джека Лондона «Мартин Иден» и «Белый клык», которые являются достаточно сложными для перевода, так как в них содержится страноведческая информация, которая не может быть буквально транслитерирована. Анализ слов-реалий, сделанный в данной работе будет полезен для студентов-лингвистов, переводчиков, а также, считаю, что данной информацией могут воспользоваться при знакомстве с географией Америки.

Список литературы:

1. Большой словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-big/index.htm>
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru-dict.ru/slovar-ozhegova.html>
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. –М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. –224 с.
4. Джек Лондон роман «Белый клык» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.literaturepage.com/read/white-fang.html>
5. Джек Лондон роман «Мартин Иден» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ebooksread.com/authors-eng/jack-london/martin-eden-650.shtml>
6. Турсунов Ф.М. Реалии – специфическая составляющая безэквивалентной лексики/ Ф.М. Турсунов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (43). С. 162–167
7. Пивоварова Е.В., Санжарова И.Э. Лингвокультурологическая компетентность как основа адекватного перевода реалий/ И.Э. Санжарова, Е.В. Пивоварова //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 375

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 81.366

Специфика постмодернистского письма в повести Владимира Сорокина «Метель»

Безруков Андрей Николаевич

канд. филол. наук, доцент кафедры филологии
Башкирский государственный университет, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
in_text@mail.ru

Айгишев Руслан Игоревич

студент факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Башкирский государственный университет, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
aygishev.rus@mail.ru

The specifics of postmodern writing in the novel "Snowstorm" by Vladimir Sorokin

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Bashkir State University, Branch in Birska, Russian Federation, Bashkortostan, Birska

Aigishev Ruslan Igorevich

Student the Faculty of philology and intercultural communications
Bashkir State University, Branch in Birska, Russian Federation, Bashkortostan, Birska

Аннотация. В работе анализируется повесть Владимира Сорокина с позиций постмодернистского письма. Основное внимание обращено на специфику языка, стиля, способ наррации. Владимир Сорокин продуктивно компилирует разные приемы и типы реализации художественного замысла. Ведущая методологическая магистраль рецепции текста – компаративистика. Одним из структурообразующих принципов письма Владимира Сорокина является интертекстуальность, ибо диалог с литературной классикой позволяет максимально объемно реализовать смысловое множество. Материал будет полезен студентам, аспирантам, преподавателям, точно изучающим особенности литературного процесса начала XXI века.

Ключевые слова: Владимир Сорокин, Метель, постмодернизм, авторский дискурс, интертекст, компаративистика

Abstract. The article analyzes the story of Vladimir Sorokin from the perspective of postmodern writing. The main attention is paid to the specifics of the language, style, way of narration. Vladimir Sorokin productively compiles various techniques and types of implementation of an artistic concept. The leading methodological highway for text reception is comparative studies. One of the structure-forming principles of Vladimir Sorokin's writing is intertextuality, because a dialogue with literary classics allows for the maximum possible realization of semantic sets. The material will be useful to students,

graduate students, teachers, point-by-point studying the features of the literary process of the beginning of the XXI century.

Keywords: Vladimir Sorokin, Snowstorm, postmodernism, author's discourse, intertext, comparative studies

Владимир Сорокин один из влиятельных прозаиков конца XX – начала XXI века. Его творчество многообразно, интересно, актуально. Литературные связи, которые проявляются в текстах Сорокина, ориентированы на классику русской эстетической мысли. Ибо основным принципом письма становится интертекст, который регулирует как формирование сюжетной канвы, так и претворения образной системы. Манера и стиль Владимира Сорокина соотносится с постмодернистской парадигмой, так как текстовый конструкт максимально открыт для рецепции и приращения смыслов.

Творческая активность Владимира Сорокина начинается примерно с конца 1970 – начала 1980-х годов. Это были малые жанры, рассказы, повести, пьесы. Вероятно, что читательское признание приходит к Сорокину после достаточно серьезной работы, выхода в самиздате романа «Норма». В этом тексте намечается индивидуальная поэтика автора, но вариации постмодернистского толка явно довлеют над сорокинским стилем. Следует отметить, что роман «Норма» построен с помощью нарочитой иронии, натуралистичного описания реалий, заимствования клише из русской классики, деструкции формы и жанра, расшатывания и нарушения всех четких литературных принципов. Думается, что Владимир Сорокин, совмещая такие разные подходы к реализации собственного замысла, активно подключает так потенциального читателя к совместной продуктивной работе.

Путь Владимира Сорокина в начале XXI века также неоднороден. Здесь наличествует вновь художественно-эстетический эксперимент. Например, «Ледяная трилогия» (2002-2005), «Мишень» (2005), «День опричника» (2006), «Сахарный Кремль» (2008), «Занос» (2009), «Метель» (2010). На примере повести «Метель» и хотелось бы обозначить ряд приемов письма Владимира Сорокина, установить индивидуальные, характерные принципы мировоззрения писателя. Следовательно, цель работы – декодирование стиля постмодернистского конструкта, рецепция смысловых граней литературной формы.

Повесть «Метель» [1], на первый взгляд, выстроена по принципу классического реалистичного произведения. В ней четкий сюжет, нарочито манифестированный образный ряд, автор точно конкретизирует художественную коллизию. Однако уже с самого начала повести – с заголовка, эпиграфа – автор выстраивает для себя принцип

объективации наличной структуры. Интертекстуальность [2] становится одним из ведущих принципов воссоздания языкового полотна.

Заголовок – «Метель» – инвариантом ориентирует на А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.А. Булгакова. Эпиграф же из стихотворения Александра Блока – «Покойник спать ложится...» – это очевидный трагический исход повести. Предваряя основной текст купюрой-цитатой, Владимир Сорокин обозначает для потенциального читателя танатологический код всей наррации. Думается, что яркие и броские отсылки-реминисценции, аллюзии дают возможность писателю строгий и четкий баланс формы максимально расшатать, при этом также дать возможность реципиенту приращивать новые и новые смыслы, ибо «литература – это речевой акт или текстуальное явление, которое привлекает внимание определенного рода...» [3, с. 33].

Процесс восприятия и анализ повести «Метель» Владимира Сорокина – процедура непростая. Так как формальные составляющие могут быть намечены достаточно быстро, но их функциональный передел кристаллизуется неоднородно. Жанр текста позволяет допустить некое анонимное участие автора в воссоздаваемых художественных событиях. Нарратор не сторонний наблюдатель – он, лицо регулирующее накал эстетического порядка, он – фигура концепированная [4]. При этом следует учитывать, что на практике постмодернистского письма [5] автор трансформируется в скриптора, из всезнающего демиурга-устроителя в нивелированную номинацию. Язык становится главной составляющей, над которой и производится манипуляция.

Сюжет повести сводится к тому, что уездный лекарь Платон Ильич Гарин должен ехать в Долгое на спасение жителей от эпидемии, так называемой «чернухи», завезенной из Боливии. Он везет вакцину, некое чудо, которое должно вернуть людей в их нормальное состояние. Но все усилия тщетны, события «ломает» метель! Для Сорокина, да и для читателя это не только погодное, атмосферное явление – это испытание, это пелена мрака, это сложный метафизический барьер. Платон Гарин выдерживает все тяготы «своего путешествия», борется со стихией, с непогодой, в этом ему активно помогает Козьма (Перхуша), который соглашается отвезти доктора в Долгое. Ряд событий повести – встречи Гарина и с реальными образами, и с фигурами вымышленными – редуплицирует сетку смысла. «Метель» Владимира Сорокина, на наш взгляд, является вариацией на тему катастрофы мифологического, или онтологического порядка, претворенного в тексте М.А. Булгакова [6]. Катастрофа мира во «Вьюге» имеет индивидуальные аспекты, гибель героини становится

маркером эмоциональной чувствительности для всех. Финал очевиден и безнадежен: «И ничего. Тишина. Сон» [6, с. 43].

У Владимира Сорокина достаточно интересно, на наш взгляд, сложена не только композиционная канва, но и событийный пласт. Герои понимают практически с самого начала, что исход будет один, что спасти людей от страшной «чернухи» не получится. И все же доктор Гарин, Перхуша движутся к неминуемому концу. Происходит это сознательно, беспрекословно, мученически. Принять судьбу такой, какая она ниспослана свыше – это поступок! Платон Гарин полностью отдает себя людям, хотя и губит тех, кто рядом с ним. Главный герой становится не только номинацией, но и функцией для читательского выбора, ибо «человек встречается с правдой о себе, как с умерщвляющей силой» [7, с. 67].

Как отмечает Г.Л. Нефагина, «поэтика постмодернистского перечня» [8, с. 165] характерна еще ранним текстам Владимира Сорокина. Писатель всецело ориентирован на то, что «мир есть текст» (Жак Деррида) и природа сорокинской текстовой сферы в коллажности, палимпсесте, цитатности, деструкции, нарочитом эпатаже, реминисцентной игре. Постмодерн «выстраивает образ мира на основе внутрикультурных связей» [8, с. 167]. Безусловно, что в данной модели синтезируются главным образом стили, особые способы письма. Современный литературный процесс манипулирует большим количеством кодов, это и восточный [9] формат, и классический европейский, и собственно отечественный, но самое интересное и ценное для текста – это функционирование всего перечисленного вместе. Органика позволяет объемно складывать разности. В итоге читатель приближается к фактически желаемому эстетическому результату, при этом происходит расширение смыслового множества. Владимир Сорокин комбинаторикой языка образный ряд делает живым, подвижным и функциональным.

Финал сорокинской «Метели» созвучен в трагедийных нотах ее началу. В первых строках текста Гарин произносит: « – Да поймите же вы, мне надо непременно ехать! ... Меня жду больные! Боль-ны-е! Эпидемия! Это вам о чем-то говорит?!» [1, с. 5]. Практически в конце читаем: «Слезы текли по его [Гарина] обросшим, исхудалым за эти сутки щекам. Пенсне он сжимал в руке и все тряс им, тряс и тряс, словно дирижируя неким невидимым оркестром скорби...» [1, с. 222]. Мученические, трагически-печальные события подводят главного героя к мысли о том, что «теперь, судя по всему, наступает нечто новое, нелегкое, а вероятнее всего – очень тяжелое, суровое, о чем он раньше и помыслить не мог» [1, с. 222]. «Постмодернизм критикует метафизику присутствия» [10, с. 91], ибо наличный состав, который был характерен

для реализма, мешает постмодернистские текстовые границы нивелировать, размыть, допустит эффект ризомы смысла.

Для Владимира Сорокина немаловажен прием симуляции, так как он определяет весь художественно-эстетический состав «Метели». Можно предположить, что сорокинский текст представляет собой комбинацию «самодостаточных знаковых комплексов... не имеющих никаких соответствий в реальном мире» [11, с. 38]. Такой вариант игры очень удобен и целесообразен как для автора, так и для читателя, и он полностью соответствует постмодернистской поэтике. Большая часть способов письма, которые применимы Сорокиным, ориентированы на достижения некоего эффекта мерцания. Здесь, конечно же, срабатывает установка на восстановление культурных параллелей. Проявляется это в форме реминисценций [12], аллюзий, прямых цитаций, намеков, парафраз, переложений, дублирования, пастиша. Постмодернистское письмо и есть открытая сфера проекций. Переход от события к системе позволяет максимум эмпирики совместить в единой точке смысла, выраженного словом. Как отмечал Поль Рикёр, «слово, подчиняясь кумулятивному процессу... стремится обрести новые значения употребления» [13, с. 154], новые же значения слово обретает внутри эстетического объекта, объекта как системы ценностных предпочтений автора.

Таким образом, можно сделать вывод, что повесть «Метель» Владимира Сорокина является моделью реализации достаточно большого количества приемов постмодернистского письма, постмодернистской поэтики. В основе текста принцип симулякра – копии без оригинала – умножения, без финальной точки отсчета. Автор ориентирует потенциального читателя на совместный процесс декодирования смысла, при этом фактурно совмещая знаки культурной и литературной идентичности.

Язык для Владимира Сорокина есть манипуляционная система, она позволяет кристаллизовать связи с А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, М.А. Булгаковым и другими классиками русской словесности. Стоит предположить, что и авторский дискурс самоценен по потенциальной, расширительной парадигме. Не случайно можно установить мотивные связи «Метели» и «Нормы», они символическим образом обозначают метафизику пути, поиска в режиме созерцания, как это и было в классике XIX – XX века: «Поле уходило вдаль, растворяясь в тумане, а он, густой как молоко парил над всем, тянулся, переходя в мутно-серое небо...» [14, с. 163]. Спектр приемов письма позволяет, следовательно, достичь автору желаемого

эстетического результата – вписать новый вариант оценки бытия, мира в деформированные традиционные правила.

Список литературы

1. Сорокин В.Г. Метель. М.: Издательство АСТ, 2015. 224 с.
2. Безруков А.Н. Когнитивное моделирование полипозиционных свойств интертекстуальности // Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: Материалы III Международной научной заочной конференции (октябрь 2009 г.). Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. С. 33-37.
3. Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Астрель: АСТ, 2006. 158 с.
4. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы / ред.-сост. Е.А. Подшивалова, Н.А. Ремизова, Д.И. Черашняя, В.И. Чулков. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. 552 с.
5. Безруков А.Н. Интертекстуальные вариации в границах постмодернистского письма // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2014. № 2(4). С. 129-134.
6. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 4-х т. Т.1. М.: Алфавит, 1992. 428 с.
7. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7-ми т. Т.5. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
8. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х-начала 90-х годов XX века. Минск: НПЖ «Финансы, учет, аудит», «Экономпресс», 1997. 231 с.
9. Безруков А.Н. Элементы восточной поэтики как регулятивный инструментарий современного литературного процесса // Известия Южного федерального университета. 2020. № 1. С. 138-145.
10. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.
11. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
12. Даниленко Ю.Ю. Реминисценции классики в современном тексте (на материале повести «Метель» Владимира Сорокина) // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 113-116.
13. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
14. Сорокин В. Норма: [роман]. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. 413 с.

УДК 82.01

Малая проза Дины Рубиной: поэтика предопределений

Безруков Андрей Николаевич

канд. филол. наук, доцент кафедры филологии
Башкирский государственный университет, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
in_text@mail.ru

Улыбина Наталья Андреевна

студентка факультета филологии и межкультурных коммуникаций
Башкирский государственный университет, Бирский филиал
РФ, Республика Башкортостан, г. Бирск
ulybina.nat@yandex.ru

The poetics of predestination in small prose of Dina Rubina

Bezrukov Andrey Nikolaevich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Bashkir State University, Branch in Birsik, Russian Federation, Bashkortostan, Birsik

Ulybina Natalya Andreevna

Student the Faculty of philology and intercultural communications
Bashkir State University, Branch in Birsik, Russian Federation, Bashkortostan, Birsik

Аннотация. В статье произведен анализ рассказа Дины Рубиной с позиций определения в тексте примет поэтики предопределений. На наш взгляд, основой прозы Дины Рубиной является фактор перипетии, внезапности, изменения на уровне реализации пика художественной коллизии. Особо ярко данный поэтический извод проявляется в малых жанровых формах. Литературной базой исследования стал рассказ «Заклятье». В этом тексте, на наш взгляд, целостно воссоздано предопределение как знаковый фактор прозы Рубиной. Методология работы имеет синкретический характер – это и концептуальный анализ, и рецептивная критика, и подход к тексту в рамках структурализма. Проза Дины Рубиной, на наш взгляд, явление не только массового чтения, но и качественный, серьезный диалог с литературной классикой. Следовательно, устойчивые приемы художественного письма в прозе писательницы совмещаются с модернистскими. Точечно в работе охарактеризован сюжетный ход, образный строй рассказа, предложен вариант интерпретации художественной коллизии. Исследование имеет практический характер, ибо в нем зафиксированы прикладные способы работы с текстом. Материал может быть интересен студентам, аспирантам в случае конкретизации особенностей стиля и языка Дины Рубиной, а также для компилятивных работ по обобщению специфики литературного процесса XXI века.

Ключевые слова: Дина Рубина, малая проза, сюжет, случай, художественный образ, автор, коллизия

Abstract. The article analyzes the story of Dina Rubina from the standpoint of definition in the text and will accept the poetics of predestinations. In our opinion, the basis of Dina Rubina's prose is the factor of ups and downs, surprise, changes at the level of realization of the peak of artistic conflict. Particularly vivid this poetic edifice is manifested in small genre forms. The literary basis of the study was the story "The Curse". In this text, in our opinion, predestination is integrally recreated as a sign factor of Rubin's prose. The methodology of work has a syncretic character – this is a conceptual analysis, and receptive criticism, and an approach to the text within the framework of structuralism. The prose of Dina Rubina is a phenomenon of not only mass reading, but also a qualitative, serious dialogue with literary classics. Consequently, the stable techniques of literary writing in the prose of the writer are combined with modernist ones. The plot course, the figurative structure of the story are characterized in a precise manner in the work, and a variant of interpretation of artistic conflict is proposed. The study is practical in nature, because it contains applied methods of working with text. The material may be of interest to students, graduate students in the case of concretization of the features of the style and language of Dina Rubina, as well as for compilation works on the generalization of the specifics of the literary process of the 21st century.

Keywords: Dina Rubina, small prose, plot, case, literary image, author, collision

Русская литература новейшего времени развивается в явном, хотя и трансформированном, переосмысленном следовании принципам романтизма, сентиментализма, реализма. Писатели, поэты, драматурги 2000-х ориентированы на уникальность качества памятников XIX-XX веков. Создателей новых текстов привлекает в классическом литературном наследии именно умение синтезировать, совмещать фактический материал с эстетическим планом – так называемая реализация индивидуального, типичного, характерного. Основной набор средств, приемов, форм неизменен, но их преломление под вариантным углом, несомненно, встречается в прозе сегодняшнего дня. Примером такой комбинации знаков культурной идентичности с новыми алгоритмами художественного письма является творчество Дины Рубиной – прозаика, хорошего стилиста, продуктивного нарратора, мастера творческого диалога с читателем.

Эмпирика прозы Дины Рубиной в массе критических источников идет в традиционном варианте оценки. Притягивает сюжет, образная система, проявление авторской индивидуальности, необычность разрешения художественной коллизии. В рамках данной статьи хотелось бы поразмышлять относительно вопроса предопределения событий, предопределенности судеб героев на примере малой прозы Дины Рубиной. Для точечного анализа взят рассказ «Заклятье» [1, с. 206-214], в котором, на наш взгляд, основной блок гипотетических предположений реализован наиболее фактурно. Методология [2] исследования ориентирована на принципы концептуальной дешифровки текста, рецептивной критики, структурализма. Версия совмещения ряда приемов анализа [3] позволяет максимально объективировать и

верифицировать смысловую нагрузку текста, ибо литературное произведение онтологически ориентировано на большой спектр расширения потенциально значимых эстетических границ.

Художественный мир Дины Рубиной многообразен, интересен и необычайно гармонично сложен. Герои ее текстов вписаны в окружающее их пространство весьма органично. Это проявляется как в романских конструктах, например, «Синдроме Петрушки» [4], так и малых формах – повестях и рассказах [5]. На наш взгляд, мастерство Рубиной в том, как она умело разрешает художественную коллизию, поворачивает сюжет таким образом, чтобы у потенциального читателя было одновременное ощущение как изначальной гармонии, так и предполагаемого дисбаланса в исходе. Думается, что именно предопределение регулирует наличное движение сюжета у Дины Рубиной, что непосредственно влияет на разверстку конфликта. При этом заглавные образы, вероятно, не только номинации и манипуляционные знаки/условности, которые манифестируют нарративный ход, но и действенный инструментарий литературного конструкта.

Рассказ «Заклятье» имеет, на наш взгляд, совершенно выверенный тон претворения поэтики предопределений. Это намечается уже в самом начале произведения. Главные героини текста – дизайнер моды и писательница. Познакомившись на дне рождения у общих приятелей, они буквально в самом первом диалоге оговаривают степень доверия/недоверия всевозможным пророчествам и заклетьям. Этот момент вводится в языковой пласт рассказа именно так:

« – Вы верите в прорицателей?

– Ну... в тех, кто предсказывает судьбу, – верите?» [1, с. 206].

Обращение к теме прорицаний, предсказаний, теме рока-судьбы для Дины Рубиной вообще явление частотное. При этом стоит вспомнить, что срез фактического и желаемого действительно воплощался еще в мифологических конструктах. Правда, образ мойр – «богинь человеческой судьбы» [6, с. 148] – с течением исторического времени менялся, хотя тема необычайно актуальна, привлекательна и на сегодняшний день.

Художники слова не могут не актуализировать эту проблему в своем творчестве. Заметим, что в XIX веке, да и в XX предопределение и предвидение, в начальном понимании слова, проявлялось более у поэтов. Проза как бы оставалась в тени, хотя этот факт был очевиден и для эпической декларации. Знаковым примером является ряд текстов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Булгакова, М.М. Зощенко, А.И. Куприна, И.А. Бунина. Страшный излом времени, социума, человека

зафиксирован писателями-прозаиками, они, так или иначе, предвосхитили катастрофу мирового порядка. У Дины Рубиной, безусловно, иной масштаб, иная картинка художественной правды, при этом и она позволяет читателю достичь эффекта предвидения, предчувствия. Вариантный диалог с греческой драмой ощущается как данность образцам. Да и не случайно, что судьба еще с античности является понятием компилятивным, связывающим настоящее, прошлое и будущее.

Морфология сюжета в рассказе Дины Рубиной, так или иначе, сориентирована на редупликацию вопроса предсказания. После завершения вечера, уже почти «приятельницы», провожая друг друга, вновь возвращаются к теме предопределений, судьбоносности, крайности пределов человеческой жизни, ибо дизайнер моды – Вика – уточняет:

« – Я хочу рассказать вам свою историю... Давно хотела рассказать ее кому-то, кто не просто послушает и поохает... Признаться, сегодня, я пришла [на день рождения] именно затем, чтобы познакомиться с вами... моя история... не дает мне покоя, не отпускает...» [1, с. 207-208]. Желание поделиться неким своим, тайным является для героини не столько фактическим, трансцендентным стремлением, эта некая экзистенциальная потребность, которая должна быть эмпирически оценена писателем, демиургом человеческих судеб.

Как отмечается в критике, у «Д. Рубиной экзистенциальная проблематика однозначно присутствует. Представлен контраст обычного мира и мира за гранью бытия...» [7, с. 523]. Доказательством этому может являться вскользь брошенная фраза самой писательницы в рассказе «Медная шкатулка»: «Вот мы говорили о семейном предопределении. Если позволите, я – о своей семье. Не пугайтесь, скучно не будет. Истории прошлого века в любом случае занимательны» [5, с. 7]. Для Дины Рубиной воссоздание так называемого сюжетного прогноза есть необходимый компонент поэтики. Ее герои преодолевают тяжесть случая [8], трагедию всей метафизики бытия.

Рассказ «Заклятье» комбинаторно вмещает события двух историй. Если основная наррация касается судьбы мужчины (Миши) и женщины (Вики), которым было предсказано гадалкой быть вместе «ровно семь лет», такой небольшой срок «сумасшедшего» существования. То второстепенная – есть референция событий, происходящих вообще с человеком. Мир условностей у Дины Рубиной гораздо более открыт для проекции смысла, изображения эстетической естественности, нежели реальная действительность. В этом и заключается особая манера Рубиной, ее умение художественную коллизию представить перипетией предопределений.

Никто из персонажей рассказа не учел значимости предсказания, хотя и невольно «следил» за годами, которые проходят, идут, мчатся. «Сколько раз мы ссорились, расставались навсегда, сколько раз я уезжала, чтобы никогда больше не вернуться к нему! И каждый раз, проплакав все время полета, едва войдя в квартиру и включив автоответчик, обнаруживала его насмешливый голос:

– Сбежала? Думаешь, освободилась, избавилась от меня? Нет уж, голубушка, против заклатья не попрешь, семь лет – мои – еще не кончились!...» [1, с. 212]. Вариант языковой игры отчасти сопоставим с языковым кодом [9], так как приметы полифункционального толка в ней явно присутствуют. Для Дины Рубиной как и для писателей-классиков – Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л. Андреева, А. Платонова, М. Булгакова – сюжет активно реализуется в модели синтеза «мига и вечности» [10, с. 24]. Пространство бытия подключается к общему ходу событий после авторской номинации мгновения, наличного факта/случая. При этом читатель понимает, что метафизика мига гораздо интенсивнее и действеннее. Владимир Соловьев в свое время философично и точно обозначил, что «при взаимности сильная страсть приводит к трагическому концу» [11, с. 142]. Данная внезапность, но вполне ожидаемая развязка происходит и в финале рассказа.

Накал страстей, нарочито звучащих на протяжении всего текста, как бы принимает новый виток метко вставленной художественной формулой: «...Однажды, стоя под душем, я вяло вспоминала – какое сегодня число? И вдруг поняла, что сегодня – семь лет, ровно семь лет, как мы спаяны порозонь-вместе» [1, с. 212]. Желание преодолеть страх «заклатья» усиливается «смехом героини», «ее стремлением быстрее встретиться с мужем», «оговоренным контрастом прошлого и настоящего», «меткой оценкой взаимоотношений». Все, что было пережито в рассказе, с этого момента реверсивно проигрывается вновь, но с иной эмоциональной окраской. Вика даже семь лет совместной жизни с Мишей называет «странным крючком» [1, с. 213], который не дал им расстаться. Все-таки чувства были искренними, серьезными, было счастье! Оно соединяло двух людей, оно синтезировало настроение, оно усиливало страсть.

Трагическая составляющая «Заклатья» сокрыта в дейксисе [12] героев, в их ориентире на предопределенность. Каждый, вероятнее всего, понимал, что развязка будет внезапной, нелепой, даже какой-то нереальной. Выйдя из ванной, героиня принимает звонок от общего их с Мишей друга:

« – Вика... час назад... на моих глазах... На моих глазах умер Миша...» [1, с. 213]. Данная фраза завершает рассказ Вики о необычности всего происходящего с ней.

Тайна героини рассказана, но не раскрыта, хотя «общение как взаимодействие между людьми... и составляет существенную сторону реальной человеческой жизни» [13, с. 51]. Диалог персонажей в финале имеет явно неразрешенный вид, хотя, как отмечает писательница, «история поразительная» [1, с. 213]. Привлекает во всем тексте, конечно же, максимум искренности Вики, ее явная страсть проговорить, а вместе с этим и пережить все лучшее. Воспоминание становится серьезным действенным мотивом замещения одного вопроса на другой: «Но, знаете, не дает мне покоя это заклятье!» [1, с. 214] – «Очень тронута тем, как вы... Мне это было важно, поверьте...» [1, с. 214].

Риторика финальных фраз Вики историю ее жизни формально кристаллизует в так называемый мифологический конструкт. Он имеет иные границы и функции по сравнению с древними преданиями, но все же «положительную или отрицательную оценку получают не персонажи, а поступки», ибо «роли персонажей в ценностно-эстетическом плане все время перераспределяются в ходе повествования» [14, с. 237].

Предопределение, таким образом, характерно и для автора текста, и для героев «Заклятья», и для потенциального читателя. Суть и смысл предвидений в вероятностном предостережении, создании условий оберега. При этом герои рассказа на время предопределили для себя и счастье. Принцип фрагментарности изображенной жизни в произведении Дины Рубиной сжимает время до точки невозврата. Это необходимо, чтобы понять естественность и объемность жизни. «Заклятье», на наш взгляд, есть вариантный пример художественного претворения сложной оценки реалий, сложной эмпирики происходящего. Допуская элементы интуитивной догадки, в тексте реализован код эстетической правды, символически значимого для человека концепта – веры. Вера в свою очередь обеспечивает устойчивость миропонимания, мировосприятия. Именно эти критерии подводят читателя к объективации истины, так необходимой для самосовершенствования.

Список литературы

1. Рубина Д. Мастер – тарабука. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
2. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2002. 200 с.
3. Проблемы современного сравнительного литературоведения. Сборник статей. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 96 с.
4. Рубина Д. Синдром Петрушки: роман. М.: Издательство «Э», 2018. 496 с.
5. Рубина Д. Медная шкатулка: рассказы. М.: Издательство «Э», 2015. 416 с.
6. Мифологический словарь / Авторы-составители М.Н. Ботвинник, М.А. Коган, М.Б. Рабинович, Б.П. Селецкий. Л.: Учпедгиз, 1964. 292 с.
7. Сорокина Н.В., Абраменко Л.Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Нефилология. 2019. Том. 5. № 20. С. 518-525.

8. Безруков А.Н. Поэтика случайного и трагического в малой прозе Дины Рубиной // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 4. С. 100-112.
9. Зиятдинова Д.Д. Языковой код как форма художественной репрезентации модели национального воображаемого в творчестве Д. Рубиной // Филология и культура. 2016. № 4(46). С. 186-192.
10. Безруков А.Н. Философия существования человека в ранней прозе А.П. Чехова // Болгарская русистика. 2018. № 2. С. 21-29.
11. Соловьев В.С. Избранное. М.: Советская Россия, 1990. 496 с.
12. Безруков А.Н. Дейктический комплекс героя «Скверного анекдота» Ф.М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1 (70). С. 16-18.
13. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. Издание 2-ое. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
14. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 4-е изд. репр. М.: Восточная литература, 2006. 407 с.

УДК 82.091

**Тип «русского скитальца» в изображении
И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского**

Конышев Евгений Михайлович

кандидат филологических наук, доцент

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Россия, г. Орел
julia-julia75@mail.ru

Грималюк Татьяна Васильевна

магистрант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Россия, г. Орел
gtv070390@yandex.ru

**The type of "Russian wanderer" in the image
of I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky**

Konyshev Yevgeny Mikhailovich

Candidate of Philology, Associate Professor

Orel State University named after I.S. Turgenev, Russia, Orel

Grimalyuk Tatyana Vasilevna

master student, Orel State University named after I. S. Turgenev, Russia, Orel

Аннотация. В данной статье главный герой романа И.С. Тургенева «Рудин» рассматривается как представитель типа «русского скитальца» в сопоставлении с персонажами романов «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Бесы» Ф.М. Достоевского. Дмитрий Рудин является одним из литературных предшественников Андрея Болконского, Николая Ставрогина, Степана Трофимовича Верховенского.

Типологическое сходство Рудина и Болконского выявляется в неудачных попытках практически реализовать свои идеи, в их самоубийственном героизме. В то же время философский идеализм Рудина способен привести его к нигилизму. Этот возможный путь «русского скитальца» показан в романе Ф.М. Достоевского «Бесы», герой которого Ставрогин также имеет с Рудиным черты типологического сходства, заключающиеся в рационалистической холодности, отрыве от национальной почвы и веры.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Рудин, Болконский, Ставрогин, Верховенский, «русский скиталец», типологическое сходство.

Abstract. In this article, the main character of the novel by I.S. Turgenev "Rudin" is considered as a representative of the "Russian wanderer" type in comparison with the characters of the novels "War and Peace" by L.N. Tolstoy and "Demons" by F.M. Dostoevsky. Dmitry Rudin is one of the literary predecessors of Andrei Bolkonsky, Nikolai Stavrogin, and Stepan Trofimovich Verkhovensky. The typological similarity of Rudin and Bolkonsky is revealed in the unsuccessful attempts to practically implement their ideas, in their suicidal heroism. At the same time, Rudin's philosophical idealism can lead him to nihilism. This possible path of the "Russian wanderer" is shown in the novel by F.M. Dostoevsky "Demons", the hero of which Stavrogin also has typological similarities with Rudin, consisting in a rationalistic coldness, separation from the national soil and faith.

Keywords: I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, Rudin, Bolkonsky, Stavrogin, Verkhovensky, "Russian wanderer", typological similarity.

Тип «русского скитальца» в отечественной литературе выделил, как известно, Ф.М. Достоевский в знаменитой Речи о Пушкине. Он имел в виду тех представителей русского общества, которые, получив европейское образование, оторвались от своих национальных корней. Мучительно стремясь к вере и идеалу, они не знают, что найти их можно, только восстановив связь со своим народом. Если согласиться с точкой зрения Ф.М. Достоевского, то тип «русского скитальца» можно обнаружить во многих классических произведениях. В данной статье мы остановимся на романах «Рудин», «Война и мир», «Бесы». Наша задача состоит в проведении сопоставительного анализа центрального героя тургеневского романа с героями Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, что позволит не только увидеть в них общие черты типа «русского скитальца», но и глубже понять идейную сущность образа Рудина.

Галерея образов «русского скитальца» начинается с пушкинских Алеко и Евгения Онегина. И.С. Тургенев явился тем писателем, который сумел представить новое художественное осмысление данного типа. В романе «Рудин» писателем был сделан особый акцент на роли идей в жизни центрального героя, который был, несомненно, являлся ярким представителем дворянской интеллигенции. И.С. Тургенев показывает человека, который, будучи студентом Московского университета, увлекся немецкой идеалистической философией и стал ее пропагандистом. Безусловно, что для русского общества 30-40-х годов XIX века

деятельность подобных людей имела прогрессивное значение. Однако возникает вопрос, готов ли тургеневский герой к дальнейшему поиску? Можно ли говорить не только о способности Рудина проникнуться определенными идеалами, но и о готовности развивать их или искать новые, более высокие и значительные. Его бывшие друзья и знакомые неоднократно выражают сомнения по этому поводу. Лежнев говорит: «Впрочем, он, к несчастью, не изменился. Зато и в верованиях своих не изменился... в тридцать пять лет!.. Не всякий может сказать это о себе» [10, т.6, с.298].

Разумеется, герои романа, рассуждающие о Рудине, знают о нем далеко не все. Следует признать, что в аналогичном положении находятся и читатели романа. И.С. Тургенев достаточно полно описывает только один короткий период в жизни своего героя, когда речь идет о пребывании Рудина в имении Ласунской. Остальное излагается с минимальным количеством подробностей. Поэтому исследователи часто стремятся сопоставить тургеневский роман с произведениями Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского [См., например: 1; 2, с.34-50; 4, с.54-60; 5; 6; 7; 8]. Конечно, в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского мы видим иных героев, которых нельзя в полной мере отнести к типу «русского скитальца», писателям присуща индивидуальная художественная манера создания образов, но периодически возникают определенные параллели с тургеневским Рудиным, что позволяет, с одной стороны, лучше понять глубины тургеневского текста, а с другой – уточнить особенности типа «русского скитальца».

В современном литературоведении отмечено наличие несомненного типологического сходства между Рудиным и одним из центральных героев романа «Война и мир» Андреем Болконским [9, с.69-74]. Конечно, нельзя не учитывать, что И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым изображены разные периоды в истории России. Однако эти романы были написаны в эпоху 1860-годов XIX века, и их создателей волновали во многом общие проблемы. Например, в романе И.С. Тургенева Рудин очень кратко рассказывает приятелю о том, что все его попытки практического воздействия на жизнь оказались весьма неудачны. Многочисленные экономические опыты героя – нововведения и усовершенствования в имении приятеля-помещика, проект превращения одной из рек в К... губернии в судоходную и многое другое – завершаются глубоким разочарованием. Вполне может создаться впечатление, что Рудин умеет только говорить, что он не способен к любой хозяйственной деятельности. Но тургеневский герой предстает совершенно в ином свете, если вспомнить Болконского и Пьера Безухова. Для автора романа «Война и мир» нет

сомнений в том, что стремление его героев отказаться, подобно графу Безухову, от пустой светской жизни или, подобно князю Болконскому, от честолюбивых стремлений к славе имеет огромное значение в их духовном развитии. Герои Л.Н. Толстого не только отвергают ложные цели, они идут дальше и хотят заняться конкретной практической деятельностью для блага общества. Возможностей у них гораздо больше, чем у бедного дворянина Рудина. Однако их тоже ждет разочарование, и мы понимаем, насколько сложными и насколько значительными были попытки тургеневского героя реализовать себя именно в этом направлении. Нет вины Рудина в том, что его здесь постигла неудача.

Укажем также на некоторое сходство описаний смерти Рудина и Болконского. Оба писателя подчеркивают их несомненный и, вполне можно сказать, исключительный героизм. Если иметь в виду гибель Рудина, то это утверждение не нуждается в доказательствах. Что касается Болконского, то надо учитывать, что раньше офицер не имел права кланяться пулям. В современных войнах, где очень высока плотность огня, это правило пришлось забыть. А в 1812 году Болконский мог бы спастись от взрыва бомбы, бросившись на землю, что, кстати, и делает стоявший рядом адъютант. Но князь Андрей будет стоять, демонстрируя презрение к смерти и укрепляя мужество солдат, которые смотрят на него. Нельзя не восхищаться такими людьми, как участник Отечественной войны 1812 года Андрей Болконский и участник Французской революции 1848 года Дмитрий Рудин. Но нельзя не заметить еще одного странного сходства. Рудин погибает на баррикаде, когда она уже все равно разбита, погибает никому не известным. Не случайно его даже принимают за поляка. Болконский получает смертельное ранение в тот момент, когда его полк находится в резерве и не принимает непосредственного участия в сражении. Причин именно такого описания гибели героев существует много. Можно, в частности, указать на то, что либерал И.С. Тургенев вообще не был сторонником баррикадных боев, а Л.Н. Толстой избегал парадного изображения войны. Но, кажется, есть еще какой-то смысл, и он становится более ощутимым, когда определенное сходство возникает у двух столь разных писателей. Возможно, сказывается то обстоятельство, что обоим романистам хотелось бы найти героя, способного к сближению с народом. Но Болконский для этого все-таки слишком аристократичен, а Рудин слишком европеизирован. Есть поэтому у И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого определенная неудовлетворенность результатом идейных исканий своих героев, что и проявляется в описании их гибели. У Рудина она чем-то напоминает замаскированное самоубийство.

Да, Рудин будет изучать философию в Германии, будет погибать на парижской баррикаде, его будут принимать там за кого угодно, но только не за русского. Подобная особенность Рудина отчетливо выявляется при сопоставлении его с некоторыми героями Ф.М. Достоевского. Для этого есть все основания, если вспомнить, что вождь мирового анархизма Михаил Бакунин, с которым И.С. Тургенев был хорошо знаком в юности, послужил одним из прототипов как Рудина, так и героя романа «Бесы» Николая Ставрогина.

Когда говорят о Ф.М. Достоевском, то всегда отмечают в качестве важнейших особенностей его творчества непрерывный диалог идей, столкновение противоположных точек зрения. То же самое можно сказать о тургеневском романе. В.А. Чалмаев пишет: «Как ни смягчает Тургенев все ситуации, Рудин оставляет жуткое ощущение кометы, заряженной колоссальной “невостребованной” энергией; он предвестник катастроф, вмешательств идей в жизнь» [11, с.239].

В романе И.С. Тургенева очень большой объем содержания занимают философские споры, рассуждения. Мы видим, с какой огромной силой действует Рудин на молодежь: «<...> больше всех были поражены Басистов и Наталья. У Басистова чуть дыханье не захватило; он сидел все время с раскрытым ртом и выпученными глазами – и слушал, слушал, как отроду не слушал никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взор ее, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнел, и заблестал...» [10, т.6, с.265]. Но, обладая огромной силой убеждения, Рудин не представляет, куда он должен вести своих учеников. Это особенно ярко проявится в истории с Натальей Ласунской. Девушка готова стать его последовательницей, однако выясняется, что Рудин не способен предложить ей никакой конкретной цели. Если в будущем Инсаров возьмет Елену с собой, чтобы сражаться за освобождение Болгарии, если Соломин будет указывать Нежданову и Марианне, как надо вести пропаганду в народе, то Рудин проявляет полную растерянность. Все, конечно, осложняется еще и тем, что Рудину и Наталье надо бороться за свою любовь. Но главная причина морального поражения Рудина в том, что его идеалы слишком отвлечены и далеки от русской жизни.

Еще хуже обстоит дело со Ставрогиным, который мог бы стать духовным вождем для своих современников, но он лишь отравляет их сознание и учит злу [4, с.54-60].

И.С. Тургенев первым укажет, почему так происходит. У «русского скитальца» Рудина и ему подобных нет почвы. Не случайно он признается: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и почвы-то под ногами нету, когда

самому приходится собственный свой фундамент создавать!» [10, т.6, с.357]. Об этом же говорит его товарищ Лежнев: «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье <...> Космополитизм – чепуха, космополит – нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет» [10, т.6, с.349].

Ф.М. Достоевский в «Бесах» еще более активно утверждает, что необходимо восстановление связи русской интеллигенции с народным началом, с национальной «почвой». Без этой связи интеллигенция обречена на умственные шатания и духовную неприкаянность [4, с.54-60]. И если атеист И.С. Тургенев просто считал, что образованному человеку необходимо с уважением и вниманием относиться к народным представлениям о добре и зле, о смысле земного существования, то Ф.М. Достоевский был убежден, что роковым следствием разрыва интеллигенции и народа следует считать отсутствие веры в Бога. В романе «Бесы» говорится: «А у кого нет народа, у того нет и бога! Знайте наверно, что все те, кто перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными» [3, т.10, с.34].

Ставрогиным управляет только разум, оторванный от веры и от жизни. Отсюда исключительная холодность Ставрогина [См.: 4, с.54-60]. Характерно, что люди, хорошо знающие Рудина, также упрекают его в душевной холодности: «Да, холоден, как лед, и знает это и прикидывается пламенным. Худо то, <...> что он играет опасную игру, – опасную не для него, разумеется; сам копейки, волоска не ставит на карту – а другие ставят душу...» [10, т.6, с.293]. Холодность души сделала Рудина человеком, которого, «как китайского болванчика, постоянно перевешивала голова» [10, т.6, с.320-321]. Ф.М. Достоевский в своем герое во много раз усиливает эту особенность характера. Ставрогин вообще не способен к нормальным человеческим чувствам и распространяет вокруг себя какой-то космический холод.

Впрочем, хотя Рудин и Ставрогин имеют одного общего прототипа, в окончательном варианте «Бесов» большее сходство с тургеневским героем имеет не Ставрогин, а его воспитатель Степан Трофимович Верховенский. В лице этого героя «Бесов» мы можем видеть Дмитрия Рудина в водовороте нового времени. Ф.М. Достоевский часто высмеивает Степана Трофимовича, тем не менее его отношение к нему не является всецело отрицательным. Писатель передает этому персонажу свои заветные мысли, когда Верховенский в споре с нигилистами доказывает, что человек не может жить без красоты, без искусства. И Рудин, и Степан Трофимович не понимают роли православия для русского человека, но, воспитанные

в традициях немецкой классической философии, они признают в жизни некое высшее начало. При определенном направлении идейных исканий подобные люди могут стать нигилистами, бесами революции, именно по этому пути пойдет воспитанник Степана Трофимовича Николай Ставрогин. Но для них возможно и возвращение к православию. Так завершится жизнь Верховенского.

Подводя общий итог, следует еще раз подчеркнуть, что с И.С. Тургенева начинается новый этап в изображении «русского скитальца». Рудин уже не является «лишним человеком», как Онегин. Он вступает в тот мир идей, где необходим напряженный духовный поиск. Правда, бесконечно скитаясь по России и Европе, Рудин так и погибает, не зная и не понимая своего народа. Л.Н. Толстой покажет, как Андрей Болконский, чьи поиски смысла жизни во многом были близки тургеневскому герою, в экстремальных условиях Отечественной войны 1812 года сумеет осознать и почувствовать в себе близость к простому солдату. Что касается Ф.М. Достоевского, то тип «русского скитальца» вызывал у него серьезные опасения. Он считал, что либерал и западник рудинского типа, даже если он не является атеистом, далек от истинной веры в Бога. И одновременно «русский скиталец» был Ф.М. Достоевскому дорог. Писатель ценил в таких людях неустанный поиск красоты, поиск идеала. Как справедливо пишет Н.Ф. Буданова, «бесприютный скиталец Рудин, казалось бы, ни к чему не способный, кроме странствий, предстает в художественном сознании Достоевского как носитель великой национальной идеи всечеловеческого единения и братства, за которые он и отдает свою жизнь» [1, с.178].

Роман «Рудин» очень небольшой по объему, вследствие чего И.С. Тургенев идейные искания своего центрального героя либо изображает крайне лаконично, либо только сообщает о них. Несмотря на это, совершенно очевидно, что в образе Рудина писателем был представлен тип «русского скитальца», весьма характерный для российского общества XIX века. В определенном смысле тургеневский роман предвещает тот грандиозный мир идей, который разворачивается перед читателем в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Выявление в процессе литературоведческого исследования переключек между образами Рудина, Андрея Болконского, Николая Ставрогина, Степана Трофимовича Верховенского позволяет увидеть значимость типа «русского скитальца» для отечественной литературы, а также более точно определить некоторые его качественные характеристики, заключающиеся, с одной стороны, в напряженном идейном поиске, в стремлении к справедливости, а с другой – в оторванной от жизни рационалистической холодности,

неприкаянности, отсутствии ясно выраженной цели, неспособности к практической реализации своих идей, в отрыве от народной почвы и веры.

Список литературы

1. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев. Творческий диалог. Л., 1987.
2. Бялый Г.А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский)//Русская литература. 1968. № 4. С. 34-50.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л. 1972-1985.
4. Конышев Е.М. Сравнительно-типологическое сопоставление романов Тургенева и Достоевского («Рудин» и «Бесы») // Спасский вестник. 2010. №18. С.54-60.
5. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мироззрение, метод, традиции. Тула, 2001. 230 с.
6. Курляндская Г. Б. Романы И. С. Тургенева 50-х - начала 60-х годов. Казань, 1956. 180 с.
7. Курляндская Г. Б. Структура повести и романа И. С. Тургенева 1850-х годов. Тула, 1977. 270 с.
8. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман девятнадцатого века. Л., 1982.
9. Трофимова Т.Б. И. Тургенев и Л. Толстой: литературные параллели // Спасский вестник. №15. 2008. С.69-74.
10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения. – М.,Л. 1963.
11. Чалмаев В.А. И.С. Тургенев. Жизнь и творчество. – Тула, 1989. С. 239.

УДК 882

Сюжетно-композиционная структура поздних романов Ф.М. Достоевского

Мейрамгалиева Райгуль Манаповна

кандидат филол. наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
mrm.raigul@mail.ru

Павлова Татьяна Васильевна

кандидат пед. наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
pavlova.tatyana@bk.ru

The plot and compositional structure of the late novels of F.M. Dostoevsky

Meiramgaliyeva Raigul Manapovna

PhD in Philology, assistant professor of Russian philology and world literature department
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Pavlova Tatyana Vasilevna

PhD in Pedagogy, assistant professor of Russian philology and world literature
department, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Аннотация. В статье рассматривается проблема нравственно-философских исканий одержимого «идеями» героя и жизненная проверка его идеологических настроений, всегда находящаяся в центре его романов. Авторы подчеркивают, что проблема обнаружения авторского голоса в романах Достоевского не теряет своей актуальности. Особое внимание уделено неповторимости приемов сюжетосложения и композиции поздних романов писателя. Авторы приходят к выводу, что сюжетно-композиционный строй поздних романов Достоевского отличает концентрированность системы образов и компонентов сюжета вокруг философского замысла произведения.

Ключевые слова: тема, идея, позиция, сюжет, композиция, духовные искания, идеология, трагедия, конфликт.

Abstract. The article deals with the problem of moral and philosophical quest of the hero obsessed with the "idea" and the life test of his ideological moods, which is always at the center of his novels. The authors emphasize that the problem of finding the author's voice in Dostoevsky's novels does not lose its relevance. Much attention given to the uniqueness of the plot and composition of the writer's later novels. The authors conclude that the plot-compositional structure of Dostoevsky's later novels distinguished by the concentration of the system of images and components of the plot around the philosophical concept of the work.

Keywords: theme, idea, position, plot, composition, spiritual quest, ideology, tragedy, conflict.

Федор Михайлович Достоевский одним из первых писателей в мировой литературе дал точный социальный диагноз и суровый нравственный приговор атмосфере идейного бездорожья и социальной расшатанности, которые стали угрожающе проявляться как первые симптомы общественной болезни, которая принесет неисчислимые беды человечеству XX века.

Мир романов Федора Михайловича Достоевского сложен и многогранен: писатель изображает борьбу противоположных идей, создает условия для максимального самовыражения героев и крайней активизации разнонаправленных смысловых позиций. В романах писателя проблема природы человеческой личности, ее свободы и отношения к окружающему миру была первостепенной. Внимание Достоевского останавливали явления разложения буржуазного общества не сами по себе, он исследовал те подспудные процессы, которые совершались в душах людей и знаменовали самое страшное разложение, ведущее к духовному одиночеству человека в капиталистическом мире.

Ареной битвы у Достоевского оказывается душа человека с неизбежной раздвоенностью сознания, с безысходным трагизмом духовных исканий, которая в конечном счете, как представляется писателю, определяет трагизм развития человеческой цивилизации [1]. Эта особенность видения мира Достоевским, определившая своеобразие художественного метода писателя, отметила печатью

неповторимости приемы сюжетосложения и композиции его художественных творений.

Как известно, образцом сюжетно-композиционного строя романов Достоевского выступает «Преступление и наказание», где в чистом виде проступает концентрированность системы образов и компонентов сюжета вокруг философского замысла произведения. Не случайно роман «Преступление и наказание» – одна из самых сложных книг в истории мировой литературы. В романе «Подросток» обнаружены законы сцепления многочисленных событий и фактов, многие исследователи романа отмечают его композиционную рыхлость, нагромождение эпизодов [2]. Роман «Братья Карамазовы» исследователи считают «вершиной композиционного искусства Ф.М. Достоевского». По мнению Г. М. Фридендера, «Каждое драматическое звено в «Братьях Карамазовых» плотно пригнано к соседним звеньям, составляет с ними единое целое [3, с. 331]. В романе «Братья Карамазовы» таким цементирующим началом являются философские искания Ивана Карамазова. По его рассуждению, миром должен править разум. Разум выше желаний и стремлений человека, для ума нет недозволенного. Стало быть, «злодейство не только должно быть дозволено, но даже признано самым умным выходом из положения всякого безбожника» [4, с. 79].

Следует отметить, что поэтика романов Ф.М. Достоевского ввиду их сложности до сих пор привлекает внимание исследователей, заставляя их искать новые технологии для ее интерпретации. В этой связи вызывает интерес монография А.Б. Криницына «Сюжетология романов Ф.М. Достоевского». [5], в которой автор, отмечая многоуровневость структуры произведений писателя, выделяет шесть сюжетных уровней: евангельский, символично-аллегорический, мифологический, романический, идейно-психологический и злободневно-политический – и последовательно описывает механизмы их взаимодействия.

Не теряет своей актуальности и проблема обнаружения авторского голоса в романах Достоевского [6-8]. Основу драматического конфликта в романах писателя составляет борьба одержимых идейными страстями людей. Это и столкновение характеров, воплощающих разные принципы, это и мучительная борьба теории с жизнью в душе каждого одержимого человека. Изображение картины общественной ломки, связанной с развитием буржуазных отношений, писатель сочетает с исследованием противоречивых политических взглядов и философских теорий, которые это развитие сопровождают.

Об этом свидетельствуют факты, что до сих пор литературоведы дискутируют о сущности разработанной М. Бахтиным теории о полифоническом характере романов Достоевского в отличии от «монологичности» и «идейной одноакцентности» романов предшественников, так как «все утверждаемые идеи сливаются в единство авторского видящего и изображающего сознания», тогда как для романов Достоевского характерны «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» [1, с.7; 9-11].

В связи с этим казахстанская исследовательница Н.К. Савченко отмечает, что мир романов Достоевского сложен и многогранен, он не пытается акцентировать неполноценность аргументов ни одного из персонажей, в том числе и идеологических противников.

Многогранный художественный мир с множественностью полноценных голосов предстает в единой оправе авторского сознания и идеала. Множественные «голоса» персонажей находятся в сложном взаимоотношении с авторской точкой зрения, каждый герой является носителем относительной истины, воспринимается читателем с авторской поправкой, предоставленная автором неограниченная свобода героев в конечном счете является художественной условностью. Этим обязательным условием художественного произведения не может пренебречь ни один литературовед! [2, с. 31].

Романы Достоевского не знают оптимистических финалов, судьбы героев весьма индивидуализированы, и каждый из них наделен резко определенным личным характером, который исследуется писателем подробно и показывается в неповторимых частностях. Порой герои живут самообманом в отношении свободы индивидуальных действий и эта ситуация порождена, согласитесь, глубинными сдвигами в самосознании человеческой личности в эпоху капитализма. Это противоречие между «видимостью» свободы и обусловленностью психологии и духовных запросов человека социально-историческими факторами и порождает новое, по сравнению с литературой первой половины XIX века, соотношение индивидуального и социально-обусловленного начал в структуре характера Достоевского.

В романе «Бесы» автор пытается имитировать реальный ход событий, романная модель мира строится по законам художественного мышления и сюжет должен быть монологическим, то есть воплощать в себе авторскую точку зрения на героев. Имеется в виду дублирование психологических коллизий и событийных ситуаций, повторение и варьирование эпизодов, сцен, рождающих у читателя

определенные аналогии, ассоциации и тем самым способствующих проявлению авторского голоса. В романе самоубийство Ставрогина дублирует сцену самоубийства опозоренной им девочки: в одинаковости орудия смерти и обстановки – тоже чуланчик и петля для насильника. Многие рассуждения Достоевского вложены в уста Ставрогина.

Прием сюжетных повторов является сквозным в романах Достоевского. Но в каждом романе возникают все новые варианты, модификации этого приема, осложняется смысловая значимость повторов и самая их система. У героя романа «Подросток» Аркадия Долгорукова в кармане сюртука зашит «документ» – письмо, которое, как полагает Подросток, может послужить в его руках орудием борьбы с его врагами и врагами его отца Версилова, также это письмо может поссорить с отцом Катерину Николаевну и лишить ее наследства. Аркадий хранит этот «документ» в глубокой тайне и наслаждается своим воображаемым господством над судьбами окружающих. «Документ» в романе имеет свою сложную судьбу. У него появляется своеобразный двойник. Так, в руках Версилова также оказывается «документ» – это письмо Столбеева, по смерти которого из-за завещания его возникло дело Версилова с князьями Сокольскими.

Так благодаря повторяемости аналогичных психологических и жизненных коллизий в сюжете романа достигается видение чужих судеб в свете осуществляемой субъективной истины героя через логику движения слова к объективной истине героя.

В романе «Братья Карамазовы» особенно сложна система внутренних ассоциативных связей, где многочисленные бытовые сцены и реалии, варьируясь и повторяясь, оказываются сопряженными с библейской символикой.

Роман «Бесы» (1871-1872) – одно из самых сложных произведений Достоевского, по жанру политический памфлет на революционно-демократическое движение 60-х годов XIX века. Роман о ложных путях общественной борьбы и опасностях, которые несет с собой анархическое бунтарство, лишенное жизнетворческой идеи и любви к человеку. Анализируя роман «Бесы», можно увидеть тяготение всех сюжетных звеньев романа к центральному образу – Ставрогину, на конструктивную роль которого указал сам писатель.

Петр Верховенский, который в романе трижды произносит фразу: «Я ведь мошенник, а не социалист» [12, с. 37], – герой, который не представляется Достоевскому типичным революционером. Писатель изобличает этих около революционных бесов, примазавшихся дураков и мошенников. Но поскольку это

многоплановый роман, первенствующей оказывается проблема природы человеческой личности и ее отношения к окружающему миру. Исследователи ставили вопрос о необходимости глубокого научного осмысления романа не как памфлета, но и как одного из значительных художественно-философских обобщений писателя.

В романе «Подросток» сцена, в которой «героем» становится Ламберт, а Подросток – сторонним наблюдателем, позволяет последнему «почувствовать мысль». Аркадий видит себя отраженным в другом человеке в аналогичной его «грезе» ситуации. Это дает ему возможность «со стороны» взглянуть на самого себя, осознать циничность своего замысла и ошибочность представления о другом человеке.

«Братья Карамазовы» – последнее произведение писателя, подводящее итог творческому пути Федора Михайловича Достоевского, опубликованное в 1879-1880-х годах. По мнению критиков, в нем объединены политические, этические и социальные идеи писателя. Острота столкновения, казалось бы, взаимоисключающих идей и тенденций, отражающих колебания и противоречия писателя, превращает его последний роман в идеологический диспут. Недаром центральная глава романа – спор Ивана с чертом названа «Pro и contra» (За и против). Идея богоборчества, атеизм Ивана и идея смирения и христианства, разоблачение хищного и подлого мира карамазовщины и возвеличение страдания, ненависть писателя к всепоглощающей силе денег, к фальши и развращенности господствующего общества и беседы старца Зосимы – все это переплетается в сложном драматическом ходе событий романа.

На примере судьбы одной дворянской семьи писатель раскрывает широкую и трагическую картину современного общества, разоблачает извращенные отношения людей, их больные и смятенные души в условиях власти денег, безудержного проявления страстей, чудовищного эгоизма и душевной мерзости.

В Федоре Карамзине Достоевский создал типический образ огромного значения, широкой обобщенности и разоблачающей силы. Герой дал название мрачному и отвратительному явлению «карамазовщины», в котором соединилось все грязное, пошлое, бесчеловечное, накопившееся в русском крепостничестве и в условиях власти денег приобретшее особенно растленные и безобразные черты.

В романе «Братья Карамазовы» писатель устами Зосимы ставит волнующий его вопрос: «Да как же мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех прежних нет, когда тех лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде с новыми, как бы новые ни были ему милы? Но можно, можно..., – убежденно уверяет старец и благословляет сотворенный мир – а надо всем-то правда божия,

умиляющая, примиряющая, всепрощающая!» [12, с. 366]. Эта история задумана писателем как один из аргументов против богохульства Ивана, который не принимает «мира божьего» прежде всего потому, что не может найти оправдания страданию детей и прощению детских слез.

Обратим внимание, что Достоевский «перекраивает» библейский текст, приспособив его к проповеди смирения. Бросая идеи в души людей, писатель выступает как художник-экспериментатор, испытывающий идеи человечностью. Романы его не только отражают, но и опережают действительность: они дают возможность проверить на судьбах героев жизнеспособность таких идей, которые еще не вошли в практику, не стали «материальной силой». Опережая недоконченными идеями, романист забегал вперед, предвосхищая в своих произведениях коллизии, которые станут достоянием общественной практики человечества в XX веке. То, что казалось современникам писателя «фантастическим», подтверждалось последующими судьбами человечества. Вот почему Достоевский и по сей день не перестает быть современным писателем во всем мире. [13]

Герой Достоевского – не только непосредственный участник событий, но и выразитель определенной идеологической точки зрения на происходящее.

В центре романов писателя всегда нравственно-философские искания одержимого «идеями» героя и жизненная проверка его идеологических настроений. «Но известно, что Достоевский тяготел к изображению ложных форм сознания и обретение человеком своей истинной человеческой сущности показывал в процессе освобождения его от навязанных обществом идеалов и понятий. Он изображал пути, по которым не надо идти человеку. Единственное произведение в творчестве Достоевского, в котором он попытался создать образ положительного героя – роман «Идиот» [2, с 55].

В позднем романе «Бесы» «все заключается в характере Ставрогина». Об этом можно подробно прочитать в письмах писателя к Стахову [14, с. 137].

Художественное решение волновавших Достоевского философских и нравственных идей в романе связано с судьбой Ставрогина [15]. По первоначальному замыслу писателя Ставрогин должен был после сложных блужданий прийти к положительному итогу в своих поисках, уверовав в православие и Христа. В романе же Ставрогин неуклонно идет к трагическому финалу. Почему писатель отказался от мысли возродить героя? Прямой ответ на этот вопрос можно узнать, прочитав черновые материалы к роману.

В романе «Подросток» писатель показывает, что «идея» Подростка – это статья Ротшильдом, это уединенное и спокойное знание силы. «Мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенно и спокойное сознание силы!» [16, с.87]. По сути дела, «идея» Подростка – это выдуманное и вынужденное убежище от подстрекающих его на каждом шагу оскорблений, которые он должен безропотно сносить, потому что он Долгорукий, «член случайного семейства». Ему нужен был «миллион», как «угол», для того, чтобы его «оставили в покое», как условие «свободы». «Миллион» даст ему возможность «все порвать и уйти к себе!..» Только на первый ряд эпизодов романа не поддается «склеиванию». В действительности, роман отличается идейно-художественной цельностью, если его рассматривать с точки зрения внутреннего единства.

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский на примере одной дворянской семьи раскрывает широкую и трагическую картину общества, разоблачает извращенные отношения людей в условиях власти денег, проявления диких, зверских страстей, чудовищного эгоизма. «Братья Карамазовы» является последним произведением, подводящим итог творческого пути Достоевского, в котором писатель объединил политические, этические и социальные идеи. В романе нравственно-философская проблематика реализуется через детективный сюжет, уходящий корнями в уголовную быль.

Таким образом, в необычных сюжетных ситуациях и острых драматических конфликтах, происходящих в романах Достоевского, нашли свое выражение факты современной ему жизни, нарастающие противоречия действительности, вопиющие контрасты нищеты и богатства, ослабление моральных устоев и семейных связей, погоня за деньгами. Отсюда и пристальный интерес Достоевского к уголовной хронике своего времени. Доказано, что в основу романов писателя легли фактические события, газетные отчеты о судебных процессах и т.д. [17]. В этих отчетах, Достоевский видел выражение духа времени, тех проявлений самой жизни, той реальности. Творчество Достоевского оказало большое влияние на литературу XX века и продолжает оказывать его на современный литературный процесс. Анализ сюжетно-жанрового аспекта романов Достоевского поможет определить, в чем состояло его новаторство как художника и каким образом это повлияло на развитие современных романских форм.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. писатель, 1963. – 363 с.

2. Савченко Н. К. Проблемы художественного метода и стиля Достоевского. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 93 с.
3. Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. – М.-Л.: Наука, 1964. – 405 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В двух томах. Том 1. – М.: Художественная литература, 1972. – 368 с.
5. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф.М. Достоевского: монография. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 456 с.
6. Чернышева Т. Л. Воплощение авторской позиции в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999. – 172 с.
7. Беляева Л. В. Голос автора и голос героя в необычных словах Достоевского [Электронный ресурс] // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XX международной научной конференции. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина – С. 304–313. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/golos-avtora-i-golos-geroia-v-neobychnyh-slovaх-dostoevskogo/viewer> (Дата обращения: 19.05.2020)
8. Степанян К. Шекспир, Достоевский и Бахтин Герои и авторы в большом времени. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2016. – 296 с.
9. Михаил Бахтин: pro et contra. – В двух томах. Том I. – М.: Изд-во: РХГИ, 2001. – 552 с.
10. Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 24. – СПб.: Серебряный век, 2008. – С. 43–50.
11. Степанян К. Достоевский и Бахтин. // Вестник Ереванского университета. Русская филология. – 2015. – № 2 (17). – С. 3–14.
12. Достоевский Ф. М. Романы: Подросток. Бесы. Братья Карамазовы. – М.: Просвещение, 1982. – 480с.
13. Сараскина Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 600 с.
14. Достоевский Ф.М. в русской критике. – М.: Советский писатель, 1970. – 592 с.
15. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». – М – Л.: Советский писатель, 1963. – 343 с.
16. Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Художественная литература, 1972. – 591 с.
17. Гроссман Л. Достоевский Ф.М. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 543 с.

УДК 82

Художественное своеобразие романа М. и С. Дяченко «Пещера»

Церюльник Анна Юрьевна

старший преподаватель кафедры Русской филологии
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
anna-jur@mail.ru

The artistic originality of the novel by M. and S. Dyachenko «The cave»

Tceryulnik Anna Yurevna

the senior teacher of Department of Russian philology
Pacific State University, Russian Federation, Khabarovsk

Аннотация. Данная статья посвящена анализу романа М. и С. Дяченко «Пещера». Актуальность исследования обусловлена тем, что творчество этих писателей представляет собой на сегодняшний день малоизученное явление. Выделяются художественные особенности произведений М. и С. Дяченко, среди которых неожиданные повороты сюжета, а также яркие, зримые образы героев, которые надолго остаются в памяти. Анализируются особенности использования в романе «Пещера» таких средств выразительности, как аллегория, повтор, фигура умолчания, метафора, сравнение, оксюморон.

Ключевые слова: М. и С. Дяченко, фантастика, социальная фантастика, художественные средства, сравнение, аллегория, повтор.

Abstract. This article is devoted to the novel «The cave» by M. and S. Dyachenko. The author notes the relevance of the research, due to the fact that the work of these writers is currently a little-studied phenomenon. The author highlights the features of M. and S. Dyachenko's works, including original stylistic and linguistic moves and unexpected plot twists, as well as bright, visible images of characters that remain in the memory for a long time. The author analyzes the artistic means of the novel «The cave», including allegory, repetition, the figure of silence, metaphor, comparison, and oxymoron.

Keywords: M. and S. Dyachenko, science fiction, social science fiction, artistic means, comparison, allegory, repetition.

Марина и Сергей Дяченко – литературный феномен последних лет. Пишущие на русском и украинском языках в жанрах современной научной фантастики, фэнтези, сказки и др., также успешно совмещая несколько жанров в одном произведении, они являются авторами нескольких десятков хорошо известных в настоящее время романов, повестей, рассказов, вышедших как в издательствах Киева, так и в самых престижных издательствах Москвы и Санкт-Петербурга. В их творчестве есть и пьеса, и произведения для детей. Сегодня они лауреаты престижных литературных премий стран СНГ, присуждаемых за фантастические произведения, написанные на русском языке.

М. и С. Дяченко начали свою творческую деятельность на рубеже XX – XXI веков, первый их роман вышел в 1994 году.

Отнести произведения М. и С. Дяченко к конкретному жанру достаточно сложно, так как авторы обращают на себя внимание, прежде всего, нестандартностью подхода, нежеланием вписываться в определённые схемы. Работая непосредственно в русле фантастики, они постоянно экспериментируют с жанровыми разновидностями. М. и С. Дяченко зарекомендовали себя как авторы, произведениям которых присущи неожиданные повороты сюжета, а также яркие, зримые образы героев, которые надолго остаются в памяти после прочтения их произведений [3, 7, 9, 10]. Стиль авторов отличается «углубленным психологизмом, мифотворчеством, обращением к фольклору различных народов» [8, с. 299].

Многие произведения новейшей русской литературы, в том числе и произведения супругов М. и С. Дяченко, ещё не получили должного осмысления в критике и литературоведении. Их эстетическая значимость до конца не выявлена. Актуальность данного исследования определяется тем, что роман «Пещера», как многие другие произведения М. и С. Дяченко, является малоизученным.

Роман С. и М. Дяченко «Пещера» относится к жанру социально-философской фантастической прозы, в рамках которой сегодня осуществляется множество утопических литературных экспериментов. Социальная фантастика как в отечественной, так и в зарубежной литературе обладает широким спектром возможностей, позволяющих на основе общего стремления фантастического жанра к синкретизму ставить не только собственно социальные проблемы, но и рассматривать их в тесной связи с проблемами философского, мировоззренческого, этического, в том числе и нравственного аспекта. В произведении реализован характерный для творчества данных авторов один из типов хронотопа – раздвоенный мир, в создании которого проявляется мастерство М. и С. Дяченко, сумевших в полной мере изобразить глубину характеров и ситуаций [8].

Как отмечает Сергей Бережной, «от романа к роману Дяченко меняют масштаб событий и ракурс, в котором показан герой: общий план, потом камера берет крупно лицо – глаза, – потом опять широкая панорама... Но человек в их романе никогда не заменяется "народными массами", их герой всегда централен, авторы никогда не выпускают его из кадра. Им важно не потерять его глаза...» [2]. Такова отличительная черта изображения персонажей у этих писателей.

Миры Дяченко во многом зримы и реалистичны, причиной этого является концентрация авторов «не только на переживании главных героев», но и на

внимании «ко второму плану, к тому, что в живописи называется "стаффажем"» [5, с. 409]. Писатели в романе кинематографически прорабатывают всю натуру, все декорации, весь реквизит: *«Из-под его ноги сорвался второй камень. И почти сразу – третий. Ему казалось, что пустота, притаившаяся на дне ущелья, протянула невидимую мягкую лапу и взяла его за ногу повыше щиколотки»* [4, с. 196]; *«Махи больше не стояла на карнизе. Она висела, ухватившись одной рукой за едва заметный выступ, другой – за стебель угнездившегося в щели растения, сейчас эта сухая веревочка лопнет, не выдержав веса легкой, как пушинка, девочки...»* [4, с. 196]. Подобных описаний в романе «Пещера» большое количество. Как раз такие детали и составляют мастерство этих авторов.

Художественной манере Дяченко также характерен открытый финал произведения. Так, после прочтения «Пещеры» остается не совсем ясным – кинется ли сааг на сарну или нет. Такой принцип открытого финала позволяет каждому читателю самостоятельно выбрать возможный конец романа и решить, насколько он правильный и справедливый.

В современной философии существует понятие «семантика возможных миров». Основная мысль его заключается в том, что у каждого настоящего существует некоторое количество вариантов развития будущего. Причем «действительный мир не занимает привилегированного положения» [6, с. 260]. Дяченко убеждают нас, что действие, о котором только что было прочитано, в некоторой неведомой нам реальности еще не завершилось. Закончилось только повествование о нем. Рассказчик поведал нам обо всем, что знал. Но вот только знал он далеко не все. Такой художественный прием, кроме всего прочего, придает повествованию достоверность и в определенной степени документальность.

Аллегорические образы пронизывают роман «Пещера» Дяченко. Один из центральных образов – это сама Пещера, представляющая мир нашего подсознания, в котором реализуются все нелицеприятные, животные начала человека. Сами звери в Пещере также являются аллегорическими образами. Сааг – хищник, в жизни властный, порой жестокий человек. Сарна – травоядное животное – человек, часто беззащитный в жизни. Схруль – это хищник, питающийся в большей степени падалью и нападающий только тогда, когда находится в группе сородичей. В данном звере также имеются качества подлого человека, использующего любые средства, чтобы достичь желаемого. Тхоль – самый маленький зверь, питается личинками. В жизни человек подобного типа абсолютно беззащитен и безобиден. Самым главным обитателем Пещеры является егерь, который следит за порядком и уничтожает тех,

кто, по его мнению, нарушает баланс сил и угрожает стабильности обычного, дневного, мира. Как правило, в жизни егеря – это представители Администрации, люди, обладающие самыми большими полномочиями. Среди главных персонажей данного романа есть и сарна (Павла Нимробец), и сааг (Раман Кович), и егерь (Тритан Тодин). Каждое соотношение, как правило, подтверждает факт того, что это неслучайное совпадение: основные черты характера и особенности жизни человека совпадают с чертами его зверя.

Отличительной чертой стиля М. и С. Дяченко является использование повтора. Данный прием помогает создать особый ритм на содержательном уровне, акцентировать внимание читателя на отдельных важных моментах. Используется достаточно большое количество повторяющихся звуковых образов: *«Звенели цикады. Весь мир состоял из цикад. Весь мир замкнут был в кольцо гор – далеких, синих, и близких, красно-желтых, и белых, покрытых песком, который так мерзко скрипит на зубах»* [4, с. 86]. *«Гремели цикады. По склону далекой горы пылила еле различимая отсюда повозка; бродяга поднялся на локте. Всмотрелся, прищурив глаза»* [4, с. 88]. *«В глубине парка яростно звенели цикады»* [4, с. 267].

Действия, движения также повторяются авторами достаточно часто. М. и С. Дяченко, как правило, не стремятся заменить их, и это значительно усиливает в целом атмосферу напряжения: *«Сплетения коридоров – артерии и вены, по которым вздохами и отзвуками струится жизнь; она шла, еле слышно шелестел ветер, текущий с верхнего яруса, подобно холодному ручью. В глубокой щели дышал ручей, невидимый и легкий, будто ветер, она шла, ее копыта утопали в плотной губке лишайников, и время от времени шаг ее поднимал в воздух крохотную, мерцающую искорку»* [4, с. 112]. *«Она шла, ведомая звуком влаги. Падали капли. Она шла; вода струилась, становясь на мгновение мутной, и муть уносило течением – и снова дрожащее зеркало, сверкающие мешочки капель, маслянистые мешочки, вспыхивающие, как глаза...»* [4, с. 113].

Также следует отметить работу писателей с прилагательными цвета, создающими необыкновенный удивительный колорит. Особенно это касается описания цвета глаз: *«Павла впервые его таким видела – на желтоватых щеках все яснее проступал румянец, глаза горели, упрямые глаза злого избалованного мальчишки»* [4, с. 114]. *«Его глаза сидели так глубоко, что с трудом можно было различить их цвет; спустя долю секунды она поняла, что его глаза не коричневые, как ей казалось, а голубые. Почему ей мерещилось, что глаза у него карие?!»* [4, с. 45]. *«Встав за спиной плешивого – тот доходил ему едва до плеча, – поднял взгляд*

на Павлу; лицо у вошедшего было чуть асимметричным, узким и смуглым, и неожиданно светлыми казались глаза — ярко-зеленые, пристальные и рассеянные одновременно. Павла даже удивилась, как этот взгляд ухитряется сочетать несочетаемое. И поехала» [4, с. 64].

Достаточно распространенной стилистической фигурой в творчестве М. и С. Дяченко является фигура умолчания. Часто эти авторы не показывают что-либо, не объясняют, а просто намекают с целью обратить внимание на какое-то вроде бы случайное действие и догадаться самим, почему происходит так, а не иначе. В первую очередь это во многом относится к вставным эпизодам в романе «Пещера». Так, читатель далеко не сразу понимает, кто такая Махи и ее спутник Танки, в то время как это одна из ключевых линий романа, помогающих позже понять одного из главных героев Тритана Тодина.

Особый интерес в прозе Дяченко вызывает язык повествования. Привлекает внимание лиричность, крайне редкая вообще для современной прозы [1]: *«Павла видела мир клочками, урывками; была маленькая комната с пятнами солнца на полу, потом солнце исчезло, поглощенное темными запахнувшимися шторами. Был желтый цветок, чахнувший в вазоне, тянущийся лепестками за окно»* [4, с. 137]. Также в данном романе часто встречается поэтическое описание, построенное на противопоставлении Света и Тьмы, Штор и Окна. Игра причастий с их шипящими окончаниями «запахнувшийся», «чахнувший», «тянущийся» помогает создать соответствующее фонетическое ощущение: *«Шторы, плотно задернутые, погружали комнату во мрак; толстая витая свеча догорела почти до пня. Тритан искоса взглянул на язычок пламени — отразившись в его глазах, огонек приобрел изумрудный оттенок»* [4, с. 138].

Среди самых распространенных тропов в произведениях М. и С. Дяченко следует выделить сравнения, которые в романе «Пещера» весьма яркие и во многом символические. Интересно, что предметом сравнения у Дяченко часто бывают глаза: *«Лежащий рядом человек смотрел прямо перед собой. Такой взгляд Павла видела на коробках с кошачьим кормом — цветные сытые кошки глядели с глянцевого картона круглыми и бездумными, пустыми, как пустыня, глазами»* [4, с. 230]; *«Махи стояла, прижавшись щекой к скале, ее опухшие от слез глаза казались огромными, как блюда»* [4, с. 196]; *«– Тритан, что же ты... всю ночь?.. Конечно, не спал, сказали ей его ввалившиеся зеленые глаза. Зеленые в красной рамочке, как пятно травы среди поля маков...»* [4, с. 201]. Также весьма часто в романе приводится сравнение со свечой: *«Единственное светлое окно, оживлявшее сонный*

фасад полночного дома, беззвучно погасло. Как свечка» [4, с. 115]; «Лица была вся в слезах, как восковая свечка» [4, с. 255]. Яркие образные сравнения часто вводятся авторами как самостоятельные предложения, что привносит в произведение характер отрывистости: «Теперь он сидел на постели; склоняющееся солнце, отыскавшее щелку в закрытых шторах, белой полоской лежало на его голой шее. Как галстук. Или как лезвие» [4, с. 142]; «Пытаясь дать название охватившему его чувству, он остановился вскоре на слове «радость». Его радовало появление Павлы; она была удивительно кстати. Как подходящий аккорд...» [4, с. 152]; «Сквозь щель между складками тяжелого пододеяльника Павла смотрела, как пятно движется. Будто живое существо. Как ядовитый паук, Павлиному воспаленному воображению представились даже десятки суетящихся лап...» [4, с. 215].

Параллель реального мира с пещерным, которая часто находится в основе сравнений данного романа, становится источником ярких символов: *«Автобус еле полз в гору, он похож был на тяжелого, сытого зверя, пыхтящего от малейшего усилия...» [4, с. 16]. Неожиданные образы помогают придать тексту особую выразительность: «...в тусклом свете его смуглое лицо казалось темным, будто старая маска из красного дерева» [4, с. 140]; «– А у меня и так... вся жизнь... встала на уши... На поверхности светило солнце, неяркое, прикрытое дымкой, будто абажуром» [4, с. 137]; «Она вообразила себе сонную Стефану, белым лебедем выплывающую из спальни» [4, с. 115]; «Огромный острый обломок, выступающий над краем пропасти, как нос каменного корабля, выдержал его хватку» [4, с. 197]; «...голос Рамана сделался железным, как корабельная цепь» [4, с. 250].*

Помимо сравнений, в романе присутствуют и метафоры, которые также помогают придать произведению особую выразительность и образность: *«белый камень казался одиноким бельмом на лысой голове великана» [4, с. 84]; «– Я устала. Я туда не хочу... Ты иди. Он закусил губу. Поднял глаза к небу, к осколку неба, заключенному в изломанную рамку горных вершин. Оно долго будет ему помниться, это небо. Он знал наверняка. Не поможет, не подскажет, не даст совета – запомнится, как яркая картинка...» [4, с. 195]; «Скрипки, играющие в его душе, чуть примолкли; он рассчитывал уже сегодня вечером взяться за исследование пьесы, а для этого нужно было, чтобы Павла ее принесла» [4, с. 151].*

Также интересно отметить использование в романе «Пещера» оксюморонов: *«Он сидел на вершине под белым камнем, и палящие лучи полуденного солнца обливали его морозом. Наверное, он совершил ошибку – а какую, ему скажут потом...» [4, с. 85].*

В заключение необходимо сказать, что многочисленные художественные средства в романе «Пещера» позволяют писателям ярко и образно заявить свою позицию и в результате достичь предельной эмоциональной и психологической выразительности. Рассмотренные в данной работе особенности романа «Пещера» показывают уникальность произведения.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы / Г. Д. Ахметова, Г. Лю, Ч. Чжоу. – Казань : Бук, 2015. – 192 с.
2. Бережной С. В. Свобода решать за других / С. В. Бережной. – Режим доступа: <http://barros.rusf.ru/article082.html> (дата обращения: 30.05.2020).
3. Боровски М. Изображение смерти в цикле «Скитальцы» Марины и Сергея Дяченко / М. Боровски // Филологические чтения : материалы конференции. Ярославль : ЯрГУ, 2018. – С. 9 – 15.
4. Дяченко – Ширшова, М. Ю. Пещера : роман / М. Ю. Дяченко – Ширшова, С. С. Дяченко. – М. : Изд-во Эксмо, 2008. – 544 с. – (Миры М. и С. Дяченко).
5. Ивахнов Д. Рожденные воспламенять: этюды о поэтике Марины и Сергея Дяченко / Д. Ивахнов // Дяченко – Ширшова, М. Ю. Привратник / М. Ю. Дяченко – Ширшова, С. С. Дяченко - СПб.; М., 2000. - С. 350 – 436.
6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 381 с.
7. Сафрон Е. А. Традиция романа воспитания в городском фэнтези (на примере романа М. и С. Дяченко «Vita Nostra») / Е. А. Сафрон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №11. С. 48 – 51.
8. Чернецов А. Архитектура миров М. и С. Дяченко: модели хронотопа / А. Чернецов // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 11: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: «ИВЦ Минфина», 2017. – С.299-302.
9. Цікавий С. Організація художнього простору в романі М. та С. Дяченків «Vita Nostra» / С. Цікавий // Збірник наукових праць (філологічні науки) – № 11. – 2018. – С. 91 – 96.
10. Чернова І. Філософсько-антропологічні аспекти феномену жертви у фентезійному творі / І.Чернова // Науковий вісник Ужгородського університету. – 2017. – Серія: Філологія.– № 1 (37). С. 97 – 100.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 398.2

Жанрово-стилевое своеобразие британских сказок о животных

Егорова Ольга Арсеновна

кандидат культурологии, доцент, факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова, РФ, г. Москва
egorovaolga29@mail.ru

Genre and style specifics of British animal tales

Egorova Olga Arsenovna

PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается жанрово-стилевая специфика британских сказок о животных. Характерные особенности сказок находят своё выражение в композиционных приемах, в оригинальных сюжетах и образах, в своеобразных языковых средствах. Поскольку сказки о животных выполняют дидактико-познавательные функции, их изучение актуально с точки зрения педагогики и методов воспитания молодого поколения. Основной смысловой аспект британских сказок о животных – моральный. Сказки затрагивают нравственные и этические проблемы и доказывают базовые истины и ценности. При этом назидательный характер британских сказок вполне очевиден: в конце повествования подводится итог, выраженный пословицей или обобщающей фразой.

Ключевые слова: фольклор, культура, британские сказки о животных, жанрово-стилевое своеобразие, композиция, сюжеты, сказочные персонажи.

Abstract. The article discusses the genre and style specifics of British animal tales. Their characteristic features find their expression in compositional techniques, original subjects and images, as well as in peculiar language means. Due to the didactic and cognitive functions of animal tales their study is relevant in terms of pedagogy and education of younger generations. The main semantic aspect of British animal tales is the moral. Tales discuss ethical issues and prove basic truths and values. At the same time, the edifying character of British fairy tales is clear - at the end of the narrative, the result is expressed in a proverb or generalizing phrase.

Key words: folklore, culture, British animal tales, genre and style specifics, composition, plots, fairy-tale characters.

В статье рассматривается жанрово-стилевая специфика и своеобразие британских сказок о животных. **Актуальность** работы определяется тем, что исследования фольклорных произведений, в частности анималистического сказочного жанра, чрезвычайно актуальны, поскольку позволяют проследить истоки возникновения национального художественного творчества, понять мировосприятие, философию и психологию этносов [2]. Сказки как важная часть национальной

культуры и литературы являются выражением менталитета народа, его представлений о морали и нравственности, его художественных вкусов.

Народные сказки содержат в себе сюжеты, образы, ситуации, которые специфичны для определенного этноса, что находит выражение в различных приемах композиции, в именах действующих лиц, в реалиях, в месте действия, в своеобразных языковых средствах [1], [4], [5]. В сказках о животных, как и в других фольклорных произведениях, запечатлен сложный комплекс человеческих взаимоотношений, обобщен трудовой и жизненный опыт людей, отражены традиционные представления о правилах и нормах поведения в обществе, семье, коллективе. Поскольку сказки о животных выполняют дидактико-познавательные функции и предназначены в основном для детской аудитории, их изучение актуально также с точки зрения педагогики и методов воспитания молодого поколения [2]. Нравственные рекомендации облечены в сказках в совершенную поэтическую форму и обращены к чувствам и разуму человека так тонко, что оказывают колоссальное влияние на его психику и эмоции, позволяя вместе с увлекательным сюжетом усваивать традиционные ценности и нормы поведения.

Научная новизна работы заключается в том, что до настоящего момента анализа жанрово-стилевого своеобразия британских сказок о животных не проводилось в отечественных и зарубежных исследованиях. Материалом исследования послужили оригинальные неадаптированные сборники британских сказок.

Сказки о животных – наиболее древняя разновидность сказочного жанра. По мнению В. Я. Проппа, «под сказками о животных подразумеваются такие сказки, в которых животное является основным объектом или субъектом повествования» [5, с. 353]. Эта особенность позволяет отличить сказки о животных от других типов, в которых животные являются волшебными помощниками или там, где описываются превращения главных героев.

Перейдем к рассмотрению композиции британских сказок о животных. Заметим, что построение сказок о животных несложно и вместе с тем необычайно целенаправленно – это в большинстве случаев оригинальные лаконичные истории и своеобразные притчи, представляющие собой иллюстрации пословиц, которыми они могут заканчиваться:

The fox, being hungry one day, found a bag-pipe, and proceeded to eat the bag, which is generally, or was till lately, made of hide. There was still a remnant of breath in the bag, and when the fox bit it the drone gave a groan, when the fox, surprised but not frightened, said: "Here is meat and music!" [8, p. 90].

Британские сказки о животных отличаются художественным совершенством и выразительностью. Они нередко начинаются присказкой, нацеленной на то, чтобы рассмешить слушателей и позабавить их. Присказки представляют в необычном и преимущественно юмористическом виде сказочные существа, бытовые предметы и явления. Например:

Once upon a time when pigs spoke rhyme
And monkeys chewed tobacco,
And hens took snuff make them tough,
And ducks went quack, quack, quack, O! [10, p. 48]

Содержание присказок не связано непосредственно с событиями, о которых говорится в сказках. Тем не менее включенные в повествование, они играют в нем значительную роль: снимают вопрос о достоверности сказочных событий, настраивают слушателей на восприятие, а сказочника на рассказывание невероятных, чудесных приключений, делают сюжет более занимательным и создают особую атмосферу, усиливающую общее впечатление чудесного [5].

Многие сказки о животных – кумулятивные (или цепные) и строятся на повторении одного основного эпизода или ситуации с изменением какой-либо тематической подробности.

Весьма характерна для развития действия встреча животных друг с другом. Например, в шотландской сказке “The White Pet” овечка, узнав о том, что хозяйева решили ее зарезать на ужин к празднику, убегает из дома в поисках счастья. На своем пути сказочная героиня встречает новых друзей, и они все вместе отправляются в дорогу в поисках лучшей доли: And so the six travelers – the White Pet, the Bull, the Dog, the Cat, and the Goose – all set off in one company to seek their fortunes [12, p. 92].

В английской сказке “Henny-Penny” на голову курочки падает желудь, она решает, что небо должно упасть и спешит сообщить об этом королю. По дороге героиня также находит много товарищей – домашних птиц: петушка, утку, гуся и индюка. В британских сказках таких эпизодов может происходить три, четыре, пять, семь и даже девять по числу новых попутчиков (“Johnny-Cake”, “The Old Woman and Her Pig”). Описание встречи обычно полностью повторяется лексически с использованием традиционных фольклорных формул, например: They went along, and they went along, and they went along, till they met Ducky-daddles [7, p. 114].

Диалоги между животными также не меняются, новые персонажи сказки обращаются к путешествующим героям с одними и теми же словами и получают одни и те же ответы. Сказки аккумулируют однотипные ситуации, в которых полностью повторяются целые эпизоды с упоминанием всех действующих лиц: *So they went along, and they went along, and they went along, till they met Turkey-lurkey. 'Where are you going, Henny-penny, Cocky-locky, Ducky-daddles, and Goosey-poosey?' says Turkey-turkey. 'Oh! we're going to tell the king the sky's a-falling,' said Henny-penny, Cocky-locky, Duckydaddies, and Goosey-poosey. 'May I come with you, Hennypenny, Cocky-locky, Ducky-daddles, and Goosey-poosey?' said Turkey-lurkey. 'Oh, certainly, Turkey-turkey,' said Henny-penny, Cocky-locky, Ducky-daddles, and Gooseypoosey. So, Henny-penny, Cocky-locky, Ducky-daddles, Goosey-poosey, and Turkey-lurkey all went to tell the king the sky was a-falling* [7, p. 118].

Такое построение обычно завершается эффектной развязкой, нередко трагичной для персонажей. Например, хитрый лис обманывает доверчивых героев сказок и съедает их.

Заметим, что в сказках о животных диалог развит значительно более, нежели в сказках другого типа: он движет действие, раскрывает ситуации, показывает состояние персонажей.

Часть британских сказок о животных можно отнести к серии “frightening tales”. Их структура также основана на повторе лексических конструкций, а эмоциональный эффект заключен в последнем предложении [3]. Например, в сказке “Mouse and Mouser” два главных героя (кошка и мышка) и два главных события: мышонок приходит к кошке в гости, и кошка съедает его. Развитие сюжета построено на диалоге между мышкой и кошкой. Разговор между хозяйкой и гостьей начинается с вопроса мышки:

What are you doing, my lady, my lady,

What are you doing, my lady?

И ответа:

I am spinning old breeches, good body, good body,

I am spinning old breeches, good body [7, p. 56].

Затем мышка начинает рассказывать кошке, зачем она пришла. Набор перекрещивающихся параллельных конструкций с лексическим повторением создает однородность структуры сказки. Обращение *my lady* и *good body* повторяются на протяжении всей сказки, причем по три раза в каждой реплике. Это, с одной стороны, способствует определенной монотонности повествования, успокаивающей

бдительность слушателя, а с другой стороны, создает определенный ритм, который отражает ритмичность работы кошки (разговаривая, она продолжает работать, якобы, не имея никаких недобрых намерений по отношению к своей гостье). Ритмический рисунок повествования неожиданно нарушается, когда наступает развязка: *Springs upon the Mouse and kills it* [7, p. 57].

В целом художественный смысл кумуляции в каждом случае различный. Вместе с тем у него есть и неизменные свойства: сказки с повторами содействуют лучшему пониманию и запоминанию и помогают ясно выделить основную мысль повествования. При этом значимость заключительного звена является одним из важнейших сюжетных и композиционных приемов этого типа сказок.

Некоторые британские сказки о животных включают в свой текст небольшие песенки, которые оживляют и украшают повествование (*“Johnny-Cake”, “The Gingerbread Man”*). Например, в кумулятивной сказке *“The Gingerbread Man”*, которая совпадает по сюжету с русской сказкой «Колобок», герой убегает по очереди от старика со старухой, коровы, лошади, молотильщиков и косцов. Каждый раз Пряничный человечек при встрече с новым персонажем поет песенку. Эта песенка повторяется в сказке пять раз и варьируется за счет того, что каждый раз герой добавляет имена новых персонажей. В конечном итоге получается самый длинный вариант: *“I have run away from a little old woman/And a little old man/A cow/A horse/A barn full of threshers/A field full of mowers/And I can run away from you, I can!”* [10, p. 76]

В этой же сказке Пряничный человечек напевает другую песенку, в которой он подзадоривает своих преследователей, говоря о том, что им его не догнать. Эта песенка также повторяется в сказке пять раз:

*‘Run! Run! As fast as you can,
You can’t catch me, I’m the Gingerbread man!’* [10, p. 77].

В стихотворную форму облакаются наиболее драматические ситуации сказочного действия. Как правило, основная мысль сюжета выявляется с помощью приема «повторных сцен», иногда показывающих сходство ситуаций и контраст следствий. Повторы служат лейтмотивами повествования и эффектно подготавливают неожиданные концовки. Непредвиденность развязки, разрушающая логически развивающееся действие, зачастую определяет комизм ситуации, что сглаживает драматическую развязку сюжета.

Действующие персонажи сказок – это домашние и дикие животные и птицы: лис, волк, курочка, петушок, малиновка и т.д. Центральный герой британских сказок о животных – хитрый лис получает устойчивые характеристики, подчеркивающие

при помощи определений и эпитетов его коварство и жестокость: Just then who should come into sight but the red-brown fox, with his sharp white teeth and crafty eyes [9, p. 70].

One day the red-brown Fox with his crafty eyes and bushy tail...(The Cock and The Fox”) [12, p. 98].

A kestrel hawk was dozing on the sun-warmed stones of a riverbank when the cunning red-brown Fox slunk upon him unawares [12, p. 35].

Главным персонажем многих британских сказок является хитрый лис, который пользуется доверчивостью наивных животных, коварно подкрадывается к уткам и съедает их, обманывает волка, избавляется от блох, похищает улов у рыбака.

Лис вызывает невольное уважение своей хитростью и изворотливостью. Сказки изображают его торжество и говорят о том, что корыстная выдумка, какой бы неправдоподобной и невероятной ни казалась, всегда найдет глупца, который ей поверит. Глупость и доверчивость так же бесконечны, как хитрость и расчет. Коварство лиса – это нарицательное качество, нашедшее отражение в знаменитой английской сказке “Mr Fox”, в которой говорится о жестоком и лицемерном насильнике, убивавшем юных и непорочных девушек.

С другой стороны, в столкновении со слабыми животными лис сам часто попадает в смешное положение и остается одураченным. В сказках говорится о том, что мирные и безвредные животные могут перехитрить лиса и спастись из его когтей, если они находчивые, смелые и изобретательные. Таким образом, в британских сказках утверждаются нормы народной морали: можно обмануть насильника или глупого простофилю, но нельзя обижать невинных и безобидных.

Поэтика британских сказок о животных определяется тем, что они в основном предназначены детям – отсюда предельная простота их фабулы и композиции. Они смешны, забавны, рассказываются для развлечения и в то же время знакомят слушателей со свойствами человеческого характера, в особенности с хитростью, коварством и простодушием. Сказки лишены открытой назидательности или дидактики: они учат жизни иносказательно, помогая ориентироваться в мире человеческих отношений с помощью аллегорий и советов, которые иногда дают их положительные персонажи. Так, в шотландской сказке “The Fox and the Bird” находчивая птичка пустельга сумела перехитрить тщеславного лиса и вырваться из его когтей, пообещав снести тому огромное яйцо размером с его голову. Напоследок, сообразительная и смелая птица, сидя на дереве в безопасности, дала лису три важных совета: никогда не верить непроверенной истории, не делать шума из ничего и хранить то, что имеешь: ‘First: never believe an unlikely story from an unreliable

authority. Second: never make a great fuss about a small matter. And third' – the bird looked down at the hungry Fox and paused – 'third: whatever you get a hold of, take a firm grip of it.' [12, p. 106].

Заметим, что события, произошедшие в сказках, сами служат наглядной иллюстрацией разумности и правильности рекомендаций. Сказки о животных вводят человека в круг первых жизненно важных представлений, объясняют сущность явлений, знакомят с характерами и взаимоотношениями людей.

В сказках о животных осуждаются такие качества, как лень, грубость, упрямство. В английской сказке "The Little Red Hen and the Grain of Wheat" в симпатичном домике живут курочка, утка, кошка и собака. Однажды курочка находит пшеничное зернышко и решает посадить его. Никто из ее друзей не хочет оказать помощь: ни посадить зерно, ни перемолоть муку, ни испечь хлеб. Курочка все делает сама, когда же хлеб готов, она спрашивает друзей: "Who will eat the bread?" Все радостно соглашается на это предложение, однако они не заслужили угощение, и курочка сама съедает весь хлеб.

В английской сказке "The Cock, the Mouse and the Little Red Hen" также идет речь о добродушной, трудолюбивой курочке и ее ленивых, ворчливых и грубых друзьях: петушке и мышке, из-за которых к ним в дом проникает злой лис и уносит их в мешке. Оказавшись в ловушке, мышка и петушок раскаиваются, впадают в отчаяние и начинают горестно плакать. Курочка же и здесь проявляет оптимизм, находчивость и домовитость. Она утешает своих товарищей и придумывает, как выбраться из мешка, поскольку всегда имеет при себе мешочек с рукоделием: иголки, нитки и ножницы. Злой же лис тонет, пытаясь переплыть реку, потому что у него в мешке тяжелые камни, и никто уже не тревожит и не нападает на маленьких друзей. Понятно, что сказка учит оптимизму, трудолюбию и осуждает грубость и упрямство.

В сказках осуждаются чрезмерное любопытство, доверчивость и тщеславие, которые свойственны детям. Так, в сказке "The Gingerbread boy" говорится: The Gingerbread boy was so pleased with himself that he was quite sure that nobody could ever catch him [10, p. 57]. Однако в итоге лис съедает чересчур самоуверенных героев: Джонни-кейка и Пряничного человечка.

Британские сказки о животных строятся на простых событиях, близких к человеческой жизни, несмотря на полную фантастичность обстоятельств. Так, многие сюжеты построены на лукавом совете и неожиданном для ее персонажей, но ожидаемом слушателями окончанием. Отсюда вытекает юмористический характер сказок о животных, основанный на воспроизведении нелепых ситуаций, в которые

попадают животные. Воображение сказочников создает необычные в бытовом плане сцены, интригующие парадоксы. Так, хитрый лис рассказывает простодушным животным, как встретится с королем, волку советует ловить рыбу хвостом.

Таким образом, основным композиционным стержнем сказок о животных зачастую является обман в самых разных видах и формах. С современной точки зрения, обман морально предосудителен. В британских сказках о животных он, наоборот, вызывает восхищение как торжество ума, противопоставленного грубой силе, как превосходство хитрого и умного над глупым или простодушным.

Можно сказать, что британские сказки о животных, создавая образы персонажей, в которых соединяются черты животного и человека, естественно передают особенности психологии людей. Однако человеческие черты никогда не вытесняют полностью черт животного, производя этим особый эстетический эффект. В переплетении и в неожиданном соприкосновении этих, в сущности, разных планов (условного и реального) кроется эффект комического в сказках о животных.

В британских сказках о животных сосредоточен народный житейский опыт, отражено знание нравственной жизни и бытового поведения людей. Сюжеты и образы сказок иногда имеют социальный сатирический аспект. Однако следует подчеркнуть, что основной смысловой аспект британских сказок о животных – моральный. Возможно, это объясняется тем, что сказки о животных гораздо старше классового общества, в котором они стали приобретать ясную социальную трактовку.

Британские сказки о животных затрагивает моральные и этические проблемы, иллюстрируя и доказывая прописные истины: нужно слушаться старших, быть преданным дружбе, не нарушать запреты. Британским сказкам о животных характерен яркий оптимизм: слабые обычно выходят победителями из сложных положений. Оптимизм поддерживается комизмом многих ситуаций. В то же время не во всех сказках о животных благополучный конец, но трагичного звучания в них нет, поскольку это своеобразное доказательство от противной основной идеи. При этом назидательный характер британских сказок ясен: в конце повествования подводится итог, выраженный пословицей или обобщающей фразой.

Список литературы

1. Аникин В.П. Теория фольклора. – М., 2004.
2. Егорова О.А. Лекционный курс «Мифология и фольклорная сказка: от первобытных верований к современной культуре: задачи, обучающие

- стратегии, содержание. // Мир педагогики и психологии. 2019. № 12 (41). С. 108-114.
3. Егорова О.А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках Британских островов//Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. № 1. С. 87-97.
  4. Кравцов Н.И. Славянский фольклор. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
  5. Пропп В.Я. Русская сказка. – М., 2000.
  6. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
  7. Jacobs J. English Fairy Tales. – London, 1994.
  8. Jarvie G. Scottish Folk and Fairy Tales. – London, 1997.
  9. Jones G. Stories from Wales. – Oxford, 2009. 240 p.
  10. Steel F. English Fairy Tales. – London, 1994.
  11. Simpson J., Roud S. Dictionary of English Folklore. – Oxford, 2003.
  12. Wilson B. Stories from Scotland. – Oxford, 2009.

УДК 821.161.2

Образ хворого тіла у прозі Р. Андріяшика

Калина Наталія Юрїївна

старший викладач кафедри української філології та видавничої справи
Луганський національний університет імені Тараса Шевченка
Луганська Народна Республіка, м. Луганськ
kafukrfil@ya.ru

The image of body illness in the fiction by R. Andriyashyk

Kalyna Nataliya Yurievna

Senior Lecturer of the Ukrainian Philology and Publishing Department
Lugansk Taras Shevchenko National University, LPR, Lugansk

Анотація. У статті проаналізовано особливості конструювання образів тілесної хвороби у прозі українського письменника Р. Андріяшика (на матеріалі романів «Люди зі страху», «Додому нема вороття», «Полтва»), визначено їх функції в реалізації художньої концепції митця. Хвороба розглядається як біологічний феномен і водночас як метафора соціально-політичних та психічних аномалій, зумовлених негативним досвідом переживання колоніального насильства. Відзначено, що семантичне поле образу хвороби в аналізованих текстах включає також значення гріха, покарання та екзистенційного випробування. Окрему увагу акцентовано на ролі просторових образів, що виявляють «аномальність» буття героїв. Автор доходить висновку, що образ хворого тіла у прозі Р. Андріяшика є засобом символічної репрезентації симптому індивідуальної та колективної травми, деструктурованої ідентичності національного суб'єкта та образу світу.

Ключові слова: хвороба, тіло, травма, семантика, текст, образ.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of constructing of images of body illness in the fiction by Ukrainian writer R. Andriyashyk (on the material of the novels «People of fear», «There is no return home», «Poltva»), defines their functions in implementation of the writer's artistic concept. The body illness is examined as a biological phenomenon and at the same time as a metaphor of social, political and mental anomalies, caused by negative experience of the colonial violence. It was noted, that the semantic field of the image of body illness includes also such meanings, as sin, punishment and existential trial. The role of spatial images, that reveal the deviance of heroes' life, is stressed. The author concludes that the image of body illness in the fiction by R. Andriyashyk is a means of symbolic representation of individual and collective trauma, of the destructured identity and the image of the world.

Key words: illness, body, trauma, semantics, text, image.

У просторі новітньої гуманітаристики особливу зону наукового інтересу становлять проблеми вивчення тілесного модусу буття людини та прямо співвідносного із ним феномену хвороби, що розглядаються у статусі «семіотичних моделюючих категорій» [1, с. 245] смислового поля культури посткласичної епохи. За словами Є. Фаріно, «<...> поворот до тілесного аспекту, що його спостерігаємо в мистецтві ХХ ст., набуває смислу спроби відновити рівновагу між біологічним та ідеологічним у людині, повернути її повноту..., зрівняти у правах інтимне та суспільне, біологічне та природне» [1, с. 206].

Хвороба у ХХ столітті набуває особливої антропологічної значущості, семантичної багатовимірності: акумулюючи досвід попередніх філософських, соціокультурних практик рецепції образу недуги, вона, водночас, не обмежується ознаками окремого клінічного випадку патології (відповідно до бінарного принципу норма / ненормальність), стаючи суголосною предмету одвічних філософських рефлексій про смисл та призначення людини у світі, структуру суб'єктивності тощо. Слушною видається думка Т. Гундорової про те, що «хвороба <...> не лише символізує загрозу для духовного, ментального та фізичного стану людини, але й загострює питання про саму людську природу та її межі» [2, с. 24]. Образ хвороби відтак поступово виходить за межі клінічної, медичної практики, розглядається як метафора, симптоматичний щодо розвитку певного суб'єкта чи спільноти соціокультурний конструкт, як вияв індивідуальної чи колективної травми тощо. Підтвердження тому – актуалізація інтердисциплінарних (філософських, психологічних, культурно-антропологічних, семіотичних) студій медико-літературної проблематики в сучасному науковому дискурсі. Наративні стратегії вираження суб'єктивного травматичного досвіду переживання хвороби («illness experience») стають предметом дослідження як зарубіжних, так і вітчизняних учених – А. Клейнмана, А. Франка, С. Зонтаг, Р. Харон, Ф. Гайгекс, О. Тхостова, К. Неклюдової,

В. Подороги, П. Романова та ін., віднедавна також набуває популярності літературознавчий ракурс осмислення означеної нами проблеми, презентований у сучасній славістиці працями Д. Чавдарової, Б. Стоїменової, Н. Фатєєвої, Г. Козубовської, В. Стеніної, О. Уракової, Т. Гундорової.

Хвороба як форма репрезентації тілесності не обмежена семантикою фізіологічної недуги, а постає засобом концептуалізації універсальних опозицій дух / тіло, свій / чужий, зовнішній / внутрішній. Як зазначає О. Тхостов, «захворювання протистоїть нормальному здоровому стану тіла як те, що не властиве людині, привнесене ззовні і від неї незалежне. В нормі тіло, повністю підпорядковане суб'єкту, осмислюється лише на рівні його меж, хвороба ж «виявляє» його як *сторонній, чужий об'єкт* (тут і далі виділено нами – Н. К.), походження якого потребує пояснення відповідно до звичної картини світу» [3, с. 11]. Стан здоров'я адекватний цілісності, гармонійному функціонуванню людського тіла як органічної складової світового космосу, хвороба ж актуалізує семантику виходу за межі норми, порушення автентичності людської природи та світу в цілому.

Метою статті є дослідження багатовимірності образу тілесної хвороби у прозі відомого українського письменника Романа Андріяшика. Дослідники творчості митця (І. Тищенко, Н. Зборовська, І. Захарчук, Л. Ободянська, Н. Савчин) розглядають його доробок як складову інтелектуально-психологічної традиції вітчизняного прозопису 60-х рр., позначеного «енергетикою національно-історичної травми ХХ ст.» [4, с. 28].

Історичним тлом творів письменника стають події Першої світової війни та повоєнні десятиліття на західноукраїнських землях, підвладних Австро-Угорщині, Польщі, Румунії. Дослідники [4; 5; 10] зауважують умовну дистанційованість у часі описаних в романах письменника подій, що на рівні підтексту відтворюють соціально-політичну атмосферу радянської дійсності. При цьому І. Захарчук зазначає, що, на відміну від інших прозаїків-шістдесятників, які «творили в силовому полі деміфологізації офіційних культурних практик» [5, с. 352], Р. Андріяшик має на меті «не стільки хронологічні паралелі, скільки омовлення ситуації кризи, спричиненої частковим і неповним демонтажем тоталітаризму» [5, с. 352], актуалізуючи нові символічні ресурси осмислення історичних травм (табуйованих і витіснених радянською культурою), а також їх соціально-психологічних наслідків.

Аналіз текстів письменника засвідчує виразну авторську інтенцію зображувати тіло в його відхиленні від норми, ураженим певним фізичним ґанджем (інвалідність) чи конкретно недугою. На думку С. Ушакіна, «подібна дискурсивна соматизація втілює травматичний досвід», транслуючи «сенсорні сліди» болю» [6, с. 310] як в

індивідуальній, так і в колективній пам'яті. Продуктивною відтак вважаємо стратегію інтерпретації морбуальної (від лат. *morbus* – хвороба) образності, тілесних аномалій у прозі Р. Андріяшика як знаків колоніальної травми.

Репрезентовані в текстах образи хворого тіла подано як симптоматичні, зумовлені негативним досвідом існування соціуму, що постійно зазнає різного за формами та інтенціями насильства (війна, рекрутчина, ув'язнення, наруга тощо). Так, наприклад, тілесна інвалідність в романі «Люди зі страху» (як наслідок участі українців у військових конфліктах) проективно репрезентує понівечене тіло нації, національного суб'єкта, який в горнилі війни за чужі інтереси втрачає власний світ і себе в ньому, стає неповноцінним, нежиттєздатним маргіналом: «Під мурами сиділи з протягнутими руками інваліди – ще одне повоєнне нещастя. Під дзвіницею стояв, нерухомо дивлячись перед себе, згорблений бородатий чоловік з набряклим обличчям ...– Доживаю під мурами... Сухоти. Пенсії не дали... Став непотребом <...> Дихав він з перебоями, схлипуючи, через рот. Опухлі губи безвладно звисли. На мить у його очах блимнула здорова, ясна іскорка, та вона недовго могла втриматися в палаючих зіницях і розповзлась, мов її спопелило» [7, с. 193-194].

Хвороби та їх супровідна фізіологічна «симптомізація» в романах Р. Андріяшика часто детерміновані порушенням гармонії в духовній сфері, кризою ідентичності, анормальністю життєвої позиції, вчинків персонажів, що накладають свій тяжкий відбиток на загальний фізичний стан людини, водночас засвідчуючи масштабність національної духовно-психологічної трагедії. Так, епідемії віспи, холери та сифілісу, що охоплюють гуцульське населення в романі «Додому нема вороття», постають маркером морально-духовного звиродніння, загального стану світу, депресивного, хворого етично: «Вулицями бродили юрби п'яних молодниць... Сифіліс. Брат живе з сестрою і мамою. Дурні... Народжуються дурні, розумієте? Станете над річкою, а вони йдуть, йдуть... Ніби чогось шукають. Сифіліс, сухоти і всіляка холера. Все, що залишилось здорового, виїжджає до Канади» [7, с. 552-553].

В романній прозі Р. Андріяшика семантичне поле образу хвороби включає також значення гріха, покарання за порушення персонажами певних ціннісно-символічних норм або екзистенційного випробування, що поділяє життя людини на «до» та «після». При цьому внутрішні переживання, емоції персонажів набувають ознак «фізичного ушкодження».

Особливою значущістю наділено у Р. Андріяшика мотив сліпоти, що набуває значення хвороби конкретної (втрата персонажами можливості бачити) та метафоричної (духовна сліпота). Так, мотив сліпоти – своєрідний зв'язок між історією

та образом Тодосія Сліпчука з роману «Люди зі страху», який, не витримавши тяжкої виснажливої праці, усвідомлення її безперспективності, кидає напризволяще дружину з малою дитиною на руках і тікає за межі батьківщини у пошуках кращого життя, і сліпотю українського емігранта-аргентинця (роман «Полтва»), який втрачає зір, спостерігаючи за винищенням рідного села і не втручаючись у розправу: «Отут я сидів, Тодосію, коли догорало село, над полем стелилися пасма чорного диму, а з видолинка ще долинали постріли. Потім постріли припинилися і я бачив, як добивали багнетами трьох оборонців села. Чим я міг зарадити? Я міг бути лише свідком. Та з того часу в мене став псуватися зір...» [7, с. 657]. Ця подія не може бути психологічно засвоєна, подолана героєм з огляду на ту загрозу, що її вона становить для цілісності його ідентичності, тому, «інкапсулюючись» свідомістю, проявляє себе мовою симптому. Сліпота постає не лише психосоматичним наслідком пережитого героєм травматичного досвіду, а радше спровокована почуттям провини за позицію стороннього спостерігача.

Біблійна семантика мотиву сліпоти в романі Андріяшика може бути прочитана через культурологічну алюзію до відомого висловлювання Ісуса Христа про фарисеїв: «Оставьте их: вожди есть слепи слепцам: слепец же слепца аще водит: оба в яму впадут» [8, с. 146]. Акцентування метафізичного смислу образу хвороби в даному випадку сприяє вираженню авторської позиції стосовно зображуваного, його художньої концепції. Фізичну і метафоричну сліпоту героїв автор подає як наслідок свідомої втечі від себе та світу (відповідно до принципу «втечі від свободи» Е. Фромма), демонструючи перспективи подібного ескапізму: фізична недуга – духовна сліпота, втрата життєвих орієнтирів. Нація відтак – суспільство втікачів, сліпців, самотніх, загублених у світі, позбавлених істини, яку вони не можуть віднайти. Їхнє життя – існування в страху й очікуванні смерті: «безбарвність існування, скомпрометована мораль, людська безхарактерність... Усе це й інше обумовлюють втечу від відповідальності, мінливість настроїв і жадобу хмільного, безтямного існування» [7, с. 567].

Цікавим в аспекті досліджуваної нами теми є конструювання автором образу девіантного жіночого тіла, що в українській культурі традиційно постає символічним замінником тіла національного. Понівечене польськими солдатами тіло Теклі з роману «Люди зі страху» стає метафорою колоніального насильства, «знаменом окупації» [7, с. 775]. Натомість Олена, героїня роману «Додому нема вороття», піддавшись спокусі близькості із загарбником, *чужим*, чинить переступ не стільки етичний, скільки символічний: порушує межі національного простору, сама стає

чужою. Травма героїні, чуття провини, з яким вона не може примиритися і жити, знаходять вияв в акті автодеструктивному – самознищенні, помсті власному тілу, яке виявилось заслабким, неспроможним до опору загарбнику: «Вона поволі, мовби не вірячи собі, повернула голову, і я побачив чужу, зі спотвореним, обезвіченим лицем жінку... Лице і чоло поскороджене чорними виразками, колись вогнистий погляд розпливався під мутною сизою паволокою. Пасмо живої шкіри зосталося під очима і надбрів'ям... Я, Ксеню... я заражена. Занапастила чоловіка, дітей... Тоді... спекла лице! Не хотіла чекати ні Божого змилювання, ні Божої кари. Сама...» [7, с. 501-502]. І. Смірнов зауважує з цього приводу: «Провина, що була конститутивною властивістю душі, перекладається на тіло. Воно підлягає покаранню. Карається плоть, що не витримала випробування на міцність» [9].

«Хворим» є також простір у прозі Р. Андріяшика. Його структуровано через традиційну міфологічну опозицію *гори* (як світу вишнього, природного / здорового, безпечного для гуцула середовища, *дому*; означений локус у прозі письменника адекватний моделі втраченого раю, втраченої ідентичності, цілісності: «Гори – колиска мрій і певної сталості...» [7, с. 475]) та *долу* (світ нижній, у тексті представлений як міфологема духовного пекла, адекватного беззмістовному існуванню, несвободі, хаосу, продукованому різними формами колоніального насильства: «... а там десь уже близько простори, де всі беззахисні й безпорадні, як риба в ятері. Там десь близько беззахисний, доведений до абсурдності, нерозчищений світ, і столиці, і околиці» [7, с. 478]). Простір тюремної камери, льоху, землянки-криївки, в яких вимушено існують герої романів Р. Андріяшика, – типові локуси «хворого» світу, що виявляють «аномальність» буття національного суб'єкта. Аналізуючи хронотоп у творах письменника, М. Федорів слушно зауважує, що конструювання художнього простору в них підпорядковане «фіксації домінантних переживань доби, зокрема демонстрації тотального панування страху в усіх сферах життя суспільства за умов свавільної і диктаторської влади» [10, с. 34].

Отже, морбуальна образність є одним із структуротвірних елементів художнього світу прози Р. Андріяшика, визначає значущі смислові коди авторських текстів. Уражене хворобою, девіантне тіло стає засобом символічної репрезентації індивідуальної та колективної травми, зумовленої соціальними та психологічними аномаліями зображуваної епохи, і водночас метафоричною проекцією сучасних авторіві суспільно-політичних процесів.

Список літератури

1. Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
2. Гундорова Т. И. Симптоматика «хворого тіла» // Критика. 2010. Ч. 7-8 (153-154). С. 24-28.
3. Тхостов А. Ш. Болезнь как семиотическая система // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. №1. С. 3-16.
4. Зборовська Н. Стильовий портрет шістдесятництва // Слово і час. 2001. №12. С. 26-42.
5. Захарчук І.В. Війна і слово (Мілітарна парадигма літератури соціалістичного реалізму): монографія. Луцьк: ПВД «Твердиня», 2008. 406 с.
6. Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Травма: пункты. Сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 306-345.
7. Андріяшик Р. В. Вибране : [романи] / упоряд. В. Медведя, передм. С. Квіта. К.: Український письменник, 2004. 1077 с.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство «Известия», 1991. 1220 с.
9. Смирнов И. В начале была травма // «Звезда». 2015. №12. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/12/v-nachale-byla-travma.html> (Дата обращения: 11.05.2020).
10. Федорів М. Хронотоп і його функція в розкритті концепту страху в романах Р. Андріяшика // Наукові записки НаУКМА. Том 111. Філологічні науки. 2010. С. 32-41.

УДК 8.1751.821.

Историко-литературные предпосылки возникновения женского писательства во французской литературе

Лесова-Юзефович Надежда Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Института иностранной филологии, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, РФ, Симферополь

Мардак Елизавета Андреевна

Студентка 4 курса кафедры романской и классической филологии ИИФ КФУ им. В.И. Вернадского, РФ, Симферополь

The historical and literary background of Feminine writing in French literature

Lesova-Yuzefoych Nadejda Sergeevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of roman and classical philology, The Institute of Foreign Philology of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia, Simferopol

Mardak Elizaveta Andreevna

4th year student at the Department of romance and classical philology
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia, Simferopol

Аннотация. В центре внимания авторов статьи исторические и литературные предпосылки возникновения женского писательства во Франции. При изучении творчества французских женщин-писателей исследователи неизбежно сталкиваются с вопросом о предпосылках развития женского писательства во французской литературе, а также с вопросом об отражении исторических событий в тематике произведений авторов. В последнее время вопрос женского писательства поднимается в сообществе учёных ещё и по причине активно развивающегося феминизма, в связи с чем интересно проследить зарождение этого явления, происходившего почти одновременно с возникновением женского писательства.

Ключевые слова: женское письмо, женский роман, литература, феминизм, французский язык.

Abstract. The authors of the article focus on the historical and literary prerequisites for the emergence of female writing in France. When studying the work of French women's writers, researchers inevitably face the question of the prerequisites for the development of female writing in French literature, as well as the question of the reflection of historical events in the subject of the works of the authors. Recently, the issue of female writing has been raised in the community of scientists also in connection with actively developing feminism, in connection with which it is interesting to trace the origin of this phenomenon, which occurred almost simultaneously with the emergence of female writing

Keywords: French, feminism, feminine novel, feminine writing, literature.

Значимость данной статьи состоит в необходимости систематизации явления женского писательства, в последнее время проявляющегося в «гендерном» аспекте. Об усиливающемся интересе к этой теме говорит ряд публикаций, посвященных эволюции женского писательства, в частности, изданных Институтом гендера во Франции [4], научных исследований по этому вопросу, инициированных Siefar (Международной ассоциацией изучения жизни женщин от Средних веков до Французской революции) [3]. Данное исследование ставит задачу - проанализировать исторические предпосылки, способствовавшие возникновению и развитию женского писательства во Франции; имеет дальнейшую перспективу изучения творчества женских писателей XX века не только Франции, но и франкоязычных стран.

Обыкновенно массовое появление женщин-прозаиков в литературе связывается с мерой свободы и независимости женщин в обществе. Тем не менее, суть подобных явлений гораздо сложнее. Само наличие письменного текста, автором которого является женщина, связано с фундаментальными культурологическими мотивациями.

Современная лингвистика утверждает наличие в древности гендерлектов, то есть расслоения языка на два компонента: мужской и женский в сочетании с детским.

В юношеских и девичьих союзах существовали специфические сакральные табуированные для другого пола слова, более того, кое-где наличествовало мужское и женское произношение. Язык образовывал пласты не только по временной «оси координат», ключевой водораздел, несомненно, проходил между устной и письменной речью, между фольклором и письменной литературой. Судьба мужского и женского начал в этих конкурирующих средах складывалась принципиально различно.

На первых порах многие столетия «монополия» на письменность, без сомнения, принадлежала мужскому полу, женщине же еще предстояло завоевать свое место в ней.

В своем исследовании «Место женщин в истории литературы» («La place des femmes dans l'histoire littéraire») исследовательница Кристин Планте утверждает, что женщины присутствуют в культурной истории Франции, однако почти отсутствуют в ее литературной истории [5].

Кристин Планте провела исследование, и обнаружила, что в общедоступном и известном списке писателей французской литературы XIX века всего 18 женских имен «растворились» в потоке 400-500 авторов. Тем не менее её антология «Женщины поэты XIX-го века» (Femmes poètes du XIXe siècle) содержит в себе не менее 70 имён, не претендуя на полноту. Таким образом, женщины-писатели существуют, однако их известность представляется весьма скромной. У К. Планте возникает закономерный вопрос, связанный с недоумением, почему эти 70 женщин не допущены в «пантеон» людей, создававших «французскую литературную историю». Основная причина, по мнению исследовательницы, заключается в стереотипном убеждении того времени, заложенном в общественное сознание: женщины менее талантливы, чем мужчины. Тогда как мужчины пишут «для мира», женщины пишут только для женщин. Отсутствие серьезного отношения с самого начала бросает тень на вхождение женщин в издательский мир: издатели неохотно публикуют их произведения или, в случае необходимости, печатают собственные имена на обложке.

Вот почему многие знаменитые писательницы становились известны только под мужскими именами. Например, настоящее имя Жорж Санд, символа французской женской прозы – Амандина Аврора Люсиль Дюпен. Виктуар Бера, писательница и воинствующая феминистка, публикует свои работы под именем Андре Лео. Так, женщинам с феминистскими идеями приходится скрываться под мужскими именами, чтобы иметь возможность делиться претензиями и требованиями своего пола. И даже когда определенный талант женщины признан,

некоторые все еще видят в этом заслугу мужчин. Таким образом, судьба пишущей женщины всегда была связана с борьбой за то, чтобы быть услышанной.

Французский женский роман восходит к XII веку и отсылает к «Лэ Марии Французской», являющихся романами в стихах, с элементами куртуазной лирики и фольклора.

Среди средневековых писательниц необходимо выделить Кристину Пизанскую, которая сыграла существенную роль в обновлении литературного языка в качестве поэтессы и автора ряда философских трактатов о роли женщины в семье и обществе. Большая часть исследователей-феминистов считают началом современного феминистского движения её произведения, в частности «Книгу о Граде женском» [1, с. 218-256]. История К. Пизанской способна поколебать представления о женской немоте и забитости в эпоху Средневековья. Она не только зарабатывала на жизнь литературным трудом и получила общественное признание, но и вступила на путь открытой дискуссии с интеллектуалами-мужчинами (дискуссия о антифеминистических пассажах в «Романе о Розе»). Помимо всего прочего, К. Пизанская выступала за женское образование, которому посвятила отдельное произведение, «Сокровище града женского». По ее мнению, интеллектуальное неравенство между мужчинами и женщинами объясняется не природой, а образованием и репрезентацией женщин в доминирующем контексте женоненавистничества.

Полемическая переписка, которую К. Пизанская вела с некоторыми из современных ей мужчин-гуманистов, создала писательнице репутацию защитницы женского пола и положила начало трёхсотлетним литературным диспутам о положении женщин в обществе, известным как «спор о женщинах» (*querelle des femmes*). [2, с. 72]

«Классический век» французской культуры характеризуется увеличением количества женщин среди авторов. Такая тенденция связана с образованием французских салонов в XVI- XVII веках, когда фигура женщины во французском высшем обществе приобретает особый статус и подле неё образуется круг поклонников.

Первые салоны (XVI в.) обладали исключительно литературным статусом. Большую известность и признание получает принцесса Маргарита Наваррская (1492-1549) [4]. Двор М. Наваррской в Нераке являлся центром науки, литературы и искусства. Работы М. Наваррской отличаются характерным для неё религиозно-этическим поиском, совмещающая медитативность с определённой суховатостью стиля

(«Зерцало грешной души» (1531). Наиболее известное произведение Маргариты – «Гептамерон» (1558), в котором ей удалось достоверно проиллюстрировать устои высшего общества тех времен, отстаивая одновременно гуманистический идеал личности [2, с. 98-101].

В середине XVII века позиции женщин-писательниц укрепляются благодаря распространению феномена прециозности в дамских литературных салонах (в особенности салон мадемуазель Мадлен де Скюдери) [6]. Прециозницы задали моду на чтение романов (романических трагедий Т.Корнеля (1625–1709) и Ф.Кино (1635–1688), пасторального романа «Астрея» О. д'Юрфе (1568–1625).

1660 год обозначил новый период общественного развития Франции. В это время печатается нашумевшая книга Мадлены де Скюдери «Клелия» (Clélie, histoire romaine), справедливо воспринимавшаяся современниками как зашифрованная хроника светской жизни и как своеобразный кодекс галантности [2, стр. 171].

Французская писательница Мари-Мадлен де Лафайет (1634-1693), прославившаяся романом «Принцесса Клевская» (1678) была вхожа в самые значительные литературные салоны этой эпохи – салон мадам де Рамбуйе и салон Мадлен де Скюдери. Роман «Принцесса Клевская» был напечатан анонимно в 1678 г., а под настоящим именем автора появился лишь в 1780 году. Современники упрекали книгу в несоответствии эстетике классицизма, тем не менее, со временем новаторский характер романа и глубокий психологизм, виртуозное сплетение обыденности и возвышенной символики были по достоинству оценены читателями. Данный труд считается предшественником формирования психологического романа.

Спор о женской природе и качествах женственности (*querelle des femmes*) [3,с.102], стал одной из тем для дискуссий в салонах, ставших популярными в европейских столицах в течение XVII-XVIII вв. Салоны являлись и институтом, и женским пространством, где поднимались вопросы об интеллектуальном равенстве женщин и мужчин, о важном значении женщин в создании культуры, о мире и гармонии как общественных ценностях, противостоящих ценностям государства.

Тот факт, что именно женщины возглавляли салоны, приглашали гостей и руководили беседой, играл не последнюю роль в том, что вопрос о природе женщин, их роли и положения в обществе стал центральным для обсуждения. Салонная деятельность отождествлялась с общественной активностью женщин. Авторитет хозяек салонов противоречил традиционному подчинению женщин мужчинам в обществе – мире за пределами семьи. В связи с ростом влияния женских салонов на социальные процессы в XVII веке во Франции, и доминирования в них женщин,

женский вопрос из интеллектуального превращался в вопрос социальный. Салоны, которые они создавали, стали непосредственным способом получения образования для женщин в то время, когда доступ к высшему образованию им был закрыт.

В XVIII веке в салонах зарождаются новые идеи, приобретающие политическую значимость. После переворота 9 термидора наиболее популярным стал салон госпожи де Сталь, где во время террора собирались все выдающиеся деятели эпохи Директории.

Вопрос о статусе и правах женщин приобрел новое измерение в конце 18-го века, в частности, во Франции и в Англии, с появлением таких феминистских писателей, как Олимп де Гуж или Мэри Уолстонкрафт во времена Французской революции. В викторианскую эпоху «спор о женщинах» возобновился в контексте дебатов вокруг «Акта о реформе» 1832 года и 1867 года. В конце XIX – XXвв. получает распространение движение суфражисток – участниц борьбы за предоставление женщинам избирательных прав, ключевым моментом которой явилось выступление французского литературного критика Эмиля Фаге «Феминистка», произнесенное во Французской академии в 1910 году.

XIX век явился весьма благоприятным для дальнейшего развития женской литературы. Это эпоха революционных потрясений с её культом чувства и вниманием к духовной сфере человека, его внутреннему миру. Французские женщины-писатели XIX века (Жермена де Сталь, Жорж Санд) в своём творчестве открыто выступали за равноправие, эмансипацию, что положило начало современному движению феминизма.

Жермена де Сталь (1766–1817) пользовалась авторитетом в политических кругах и публично оппонировала Наполеону, за что была выслана из Франции. Мадам де Сталь отстаивала равенство полов, а также пропагандировала романтическое направление в искусстве. Она стала предшественницей социальных романов Ж. Санд в особенности благодаря «Коринне» (1807), где описала идеал женщины, стремящейся к приобретению прав в обществе.

Кроме того, внимания заслуживают и её работы о современной ей политической ситуации, где она много пишет о зависимости литературы от общественной жизни.

Главной характеристикой французского романтизма стал протест: по форме – протест против псевдоклассицизма и обременительных правил поэзии, оставленных в наследие «образцовыми» авторами XVII века; по содержанию – протест против архаичных идей и многовековых предрассудков. Этим духом протеста пронизано всё

творчество Жорж Санд, искательницы прав женщины на свободное развитие и счастье.

Являясь крупнейшим представителем французского социально-психологического романа в XIX веке, Жорж Санд (1804–1876) заложила фундамент для формирования классического реализма. В её произведениях главенствовали идеи свободы и гуманизма. Она посвятила себя борьбе против социального и «гендерного» неравенства («Индиана» (1832), «Лелия» (1833), борьбе с индивидуализмом и равнодушием к общественным проблемам («Ускок» (1838) и «Орас» (1841).

Следующим периодом расцвета женского романа, иногда называемым «женским романтизмом», становится начало XX века. Этот период соотносится с формированием в литературе неоромантического течения. Женская проза данного периода представлена работами Маргариты Оду, Марсель Тинэйр, Жип и других авторов, среди которых особое место принадлежит Колетт.

В послевоенный период наряду с писательницами старшего поколения – Симоной де Бовуар, Натали Саррот, Маргерит Юрсенар, Эльзой Триоле, Маогерит Дюрас, появляется молодое поколение женщин-писателей, чьи произведения несут на себе отпечаток Второй Мировой Войны и проблематики женского движения

Нужно отметить, что несмотря на различного рода ограничения и сложности на всех этапах исследуемых веков, каждая писательница внесла в литературу очень серьёзный вклад, заложила определенный «фундамент» и укрепила статус женщин не только в писательской сфере, но и в обществе в целом.

Более открыто женщины стали формулировать необходимость в реализации своего творческого начала с наступлением Нового времени. Появляются женщины, получившие доступ к образованию и, соответственно, литературному творчеству, но их творчество, прежде всего романное, по большей части, с точки зрения С. де Бовуар, лишь «служило поводом для скандала» и не воспринималось всерьез. Хотя, бесспорно, некоторые виды женского творчества еще со средневековья признавались как самоценные, в первую очередь разновидности эпистолярных жанров.

В последнее время в связи с развитием феминистического движения [7] и возникновением феминистических литературных теорий появилась тенденция исследования творчества женщин-писательниц с феминистической точки зрения. Вводя категорию пола как параметр анализа [4, с.25], современная феминистическая литературная критика сосредоточивает свое основное внимание на проблеме женского творчества и специфичности женского письма.

Список литературы

1. Андреев Л.Г. История французской литературы / Л.Г Андреев, Н. П. Козлова, Г. К. Косиков. – М.: Высшая школа, 1987. – 542 с.
2. Малинин Ю. П. Кристина Пизанская. Из «Книги о Граде Женском» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV—XV веков / Ю. П. Малинин / Составитель и ответственный редактор Ю. Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1991. – 320 с. – ISBN 5-02-009033-6.
3. Catherine Claude. La querelle des femmes: la place des femmes des Francs à la Renaissance / Catherine Claude. - Le Temps des cerises, 2003. – 239 p.
4. Viennot Eliane. "La querelle des femmes, ou n'en parlons plus" / Viennot Eliane. - Institut du genre, Editions IX, 2019. - 124 p.
5. Christine Planté La place des femmes dans l'histoire littéraire : annexe, ou point de départ d'une relecture critique ? [Электронный ресурс] // Revue d'histoire littéraire de la France 2003/3 (Vol. 103). – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-d-histoire-litteraire-de-la-france-2003-3-page-655.htm> (дата обращения: 24.04.20)
6. Успенская В.И. Женские салоны в Европе XVII-XVIII веков / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/uspenskaaya-zhenskie-salony.htm> (дата обращения: 24.04.20)
7. Что такое феминизм? Философ Кирилл Мартынов об истории борьбы за равноправие, движении суфражисток и радикальных феминистических теориях [Электронный ресурс] // ПостНаука. – 2015. – 8 марта. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/faq/44150> (дата обращения: 24.04.20)

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 81`42

Особенности архитектоники модели-реконструкции «Британское общество» в романе Дж. Голсуорси «Цветок в пустыне»

Гулевская Юлия Николаевна

Магистрант кафедры иностранных языков, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, РФ, г. Белгород
gulevskaya-1986@mail.ru

Architectonics specific features of the model-reconstruction "British society" in the novel "Flowering Wilderness" by J. Galsworthy"

Gulevskaya Yulia Nikolaevna

Master's Degree student of the Department of Foreign Languages
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассмотрена текстовая модель-реконструкции «Британское общество» как комплексная многогранная интерпретативная полимодель, репрезентированная в романе Дж. Голсуорси "Flowering Wilderness". Выявлены базовые сегменты архитектоники текстовой модели, в которой писателем реконструированы не все черты британского общества начала XX века, а только те черты, которые несут в себе когнитивно-сюжетную нагрузку романа, а именно 1) мировосприятие, 2) образ жизни Британского общества, 3) образ знатных британцев, 4) семейные узы, 5) мнение британцев о друг друге. Определены особенности архитектоники модели-реконструкции: 1) полярность в описании мировосприятия британцев; 2) применение топонимов, номинирующих различные части Света, для обозначения обширности территории империи; 3) сопряжение разнокатегориальных маркеров, характеризующих вид деятельности и эмотивный облик британца; 4) воссоздание картины быта британцев посредством корреляции темпорального и проксемного маркеров; 5) наличие глаголов отрицательной коннотации при характеристике британцами своих соотечественников.

Ключевые слова: художественный текст, моделирование, текстовый мир, интерпретация, модель

Abstract. The article deals with the text model-reconstruction "British Society" as a complex multifaced interpretative polymodal, represented in the novel "Flowering Wilderness" by G. Galsworthy. The basic segments of text architectonics model are identified, namely 1) worldview, 2) life of British society, 3) noble British image, 4) family relationship, 5) British. opinion about themselves. The text model-reconstruction "British Society" doesn't include all specific features of British society but only some of them correlated with cognitive-subject meaning of novel. The specific features of model-reconstruction are determined, namely 1) the polarity in British worldview description; 2) the use of placenames, nominating different world parts to refer the Empire vastness; 3) connection of markers of different categories to characterise as activity as emotive character of British in the same context; 4) the reconstruction of British everyday life view by correlating the temporal and proximal markers; 5) the presence of negative connotation's verbs at the British describing of their countrymen.

Keywords: literary text, modeling, text world, interpretation, model

В современном языкознании одним из проблемных аспектов является вопрос текстовой интерпретации с последующим моделированием. Исследованию текста посвящено значительное количество научных трудов. Существует несколько десятков определений текста. Так, например, по мнению Н.С. Болотновой, текст – это «речевое произведение, концептуально обусловленное (т.е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность» [3, с. 104]. М.М. Бахтин в своих трудах подчеркивал, что «текст как знаковый комплекс, относится к высказываниям и имеет те же признаки, что и высказывание» [2, с. 281], тогда как И.Р. Гальперин обращал внимание на то, что текст – это «процесс речетворческого создания произведения, которое обладает завершенностью», это «упорядоченная форма коммуникации, которая лишена спонтанности» [5, с. 17-18].

Говоря о художественном тексте, Н.С. Валгина подчеркивает, что он представляет собой «текст, обладающий глубинным смыслом, создающим особую художественную ценность произведения» [4]. Примечательно, что в трудах Ю.М. Лотмана художественный текст предстаёт как «замкнутая, самодостаточная, синхронно организованная динамическая система. Эта система изолирована не только временно от прошедшего и будущего, но и пространственно – от аудитории и всего, что расположено вне ее» [13, с. 14].

Следовательно, художественный текст как информативная сокровищница «остаётся открытым для различного рода прочтений и интерпретаций разными читателями» [7, с. 59].

Интерпретация текста может иметь комплексные параметры и одновекторные параметры. Одновекторной называется интерпретация, решающая определённую задачу. Комплексная интерпретация, по нашему мнению, даже при решении одной определённой задачи всегда выходит на моделирование полученных результатов, где «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления» [10, с. 6], поскольку «модель воспроизводит другой объект, представляя его схему, описывая устройство» [1, с. 147].

В процессе интерпретации художественного текста особое значение придаётся комплексной когнитивно-дискурсивной модели текста. Представление результатов интерпретации текста в виде когнитивно-дискурсивной модели выводит текстовое моделирование на уровень образования текстового мира, под которым понимается

«концептуальное пространство, которое создают отправитель и получатель, взаимодействуя с текстом» [11, с. 45]. По мнению Е.А. Огневой, текстовые миры предстают «мономоделью и полимоделью» [15, с. 60].

В данной статье рассматривается когнитивная текстовая социокультурная модель, под которой понимается «исследовательский конструкт в виде совокупности номинантов-лингвокультурем, репрезентирующих в тексте культурологическую специфику бытия представителей различных слоёв общества, выступающих в роли персонажей художественного произведения» [14, с. 44].

Когнитивная социокультурная модель может принимать черты реальнодействующей модели или модели-реконструкции, основными номинантами которой являются лингвокультуремы как базовые единицы «когнитивной текстовой социокультурной модели-реконструкции» [там же]. Очевидно, что интерпретация лингвокультурем зависит от «культурного опыта конкретного человека» [8, с. 37], опыта, вступающего в сопряжение с точкой зрения писателя, т.е. «базовой единицы нарратива, объединяющей его основные композиционные планы» [16, с. 35-36].

Рассмотрение текста романа Дж. Голсуорси «Flowering Wilderness» (Цветок в пустыне) показало наличие различных моделей-реконструкций, одна из которых – это текстовая полимодель-реконструкция «Британское общество», в которой отражена только часть параметров британского общества, а именно параметры, обусловленные когнитивно-сюжетной канвой повествования.

Исследование текстовой модели-реконструкции «Британское общество» показало, что её значимыми сегментами являются следующие: 1) мировосприятие, 2) образ жизни Британского общества, 3) образ знатных британцев, 4) семейные узы, 5) мнение британцев друг о друге.

Рассмотрим на примерах пять сегментов исследуемой модели-реконструкции с целью выявления их специфики.

Пример 1. Мировосприятие.

England is still “the goods”, has no reason to think so and yet does / Англия все еще выше всех, нет никакой причины думать так, но это всё ещё так [17].

В рассматриваемом контексте репрезентировано позиционирование Англии в мире, выраженное как *the goods* – выше всех. Однако подчеркивается, что в реальности этот статус уже потерян, хотя часть англичан продолжает позиционирование страны в соответствии с утверждением “the goods”, тогда как другая часть говорит, что это не так. Писатель поляризует мировосприятие британского общества касательно одного из важных вопросов бытия. В контексте

выявлена социумная мировоззренческая поляризация, под которой понимается «противопоставление ряда параметров одного социума другому социуму» [6, с. 236]. Следовательно, репрезентация полярности мировосприятия британского общества на страницах романа является обличительной чертой рассматриваемой текстовой модели-реконструкции «Британское общество».

Пример 2. Образ жизни Британского общества.

“This confounded officialism,” he continued, “seems to absorb all our kith and kin. My two daughters, Celia in China, Flora in India; your brother Hubert in the Soudan; your sister Clare off as soon as she’s spliced – Jerry Corven’s been given a post in Ceylon. I hear Charlie Muskham’s got attached to Government House, Cape Town; Hilary’s eldest boy’s going into the Indian Civil, and his youngest into the Navy. Dash it all, Dinny, you and Jack Muskham seem to be the only pelicans in my wilderness” [17] / “Это запутанное чиновничество”, - продолжил он, - “кажется, поглощает всех наших знакомых и родных. Мои две дочери, Селия в Китае, Флора в Индии; твой брат Юбер в Судане; твоя сестра Клэр уедет как только обвенчается - Джерри получил назначение на Цейлон. Я слышал, что Чарли Мускем прикомандирован к канцелярии на Кейптауне; старший сын Хилери служит в индийской гражданской администрации и его младший - во флоте. Ну их всех! Ты и Джек Маскем - единственные пеликаны в моей пустыне”.

Проведённый анализ материала показал, что основная мысль контекста – это сожаление пожилого британца о том, что все его родные и знакомые разъехались по обширной территории Британской империи с территории метрополии, уехав в Китай, Индию, на Цейлон, в Африку. Характеризуя обширность территории Британской империи, над которой не заходит солнце, писатель употребил ряд топонимов, маркирующих различные части Света: в Азии указал граничащие страны – топонимы *China, India*, а также остров *Ceylon*, в Африке - две локальные территории, одна из которых *Soudan*, государство в Восточной Африке, а вторая точка – *Cape Town*, город в Южной Африке. Англия в рассматриваемом контексте не называется, но имплицитно подразумевается, т.к. все перечисленные родные и знакомые уезжают из Англии. Все топонимы связаны между собой лингвокультуремой, номинирующей реалию административно-территориального устройства *this confounded officialism / это запутанное чиновничество*. Выявлено, что лингвокультурема коннотативно окрашена посредством лексемы *confounded / запутанное*.

Примечательно, что своё одиночество на территории Англии главный герой репрезентирует метафорически «wilderness» / пустыня.

Пример 3. Образ знатных британцев.

“Oh!” said Desert, and again his face had that morose look <...>. “How did he strike you?”. “Horses, piquet and imperturbability” [17] / “О”, сказал Дезерт, и его лицо застыло <...>. “Как он поразил Вас?” “Лошади, пикет и невозмутимость”.

В рассматриваемом контексте в описании образа знатных британцев выявлено сопряжение разнокатегориальных маркеров, а именно, маркеров, характеризующих увлечения британцев: *horses, piquet*, и маркера, номинирующего эмоциональное состояние британцев *imperturbability / невозмутимость*.

Пример 4. Семейные узы.

Dinny smiled. “A short biographical note seems to be indicated. Since the umpteenth century, my family has been ‘seated’ at Condaford Grange in Oxfordshire. My father is a retired General; I am one of two daughters; and my only brother is a married soldier just coming back from the Soudan on leave” [17] / Динни улыбнулась. “Кажется, должна быть указана короткая биографическая справка. С незапамятных времён моя семья осела в Кондафорде Грандж в Оксфордшире. Мой отец генерал в отставке. Я одна из двух дочерей; и мой единственный брат, женатый солдат, который только что вернулся из Судана в отпуск”.

Примечательно, что контекст начинается с маркера невербального кода, с кинемы *smile / улыбаться*, которая показывает отношение героини к её последующим словам. Характеризуя семейные узы, главная героиня описывает свою семью, прежде всего, посредством темпорального маркера *since the umpteenth century / с незапамятных времён* и проксемного маркера *at Condaford Grange in Oxfordshire / Кондафорде Грандж в Оксфордшире*, корреляция которых способствует воссозданию картины бытия консервативных британцев, послуживших Родине: отец-генерал и брат-солдат. Кроме того, в рассматриваемом контексте выявлена ещё одна проксема, находящаяся за пределами Великобритании – топоним Судан, маркирующий постоянное место службы брата героини.

Пример 5. Мнение о британцев друг о друге.

“Why should I dislike him? He’s just the usual insensitive type of hunting, racing man who bores me stiff” [17] / “Почему я должен не любить его? Он просто обычный бесчувственный тип охотника, гонщика, который надоедает мне”.

В контексте представлен образ британца посредством маркеров *type of hunting / тип охотника, racing man / гонщик*. Выявлено, что маркеры коннотативно окрашены посредством эмотивной лексики *insensitive / бесчувственный*. Подчёркнём, что выявлено два маркера невербального кода, репрезентирующие

чувства, т.е. две семемы – глаголы отрицательной коннотации *dislike* / *не нравиться* и *bore* / *надоедать*. Примечательно, что это соответствует ранее установленной закономерности о том, что чаще всего «семема выражена глаголом» [9, с. 78].

Таким образом, рассмотрение текста художественного произведения Дж. Голсуорси “*Flowering Wilderness*”, определяет, что одной из значимых моделей-реконструкций, формирующих когнитивно-сюжетную сетку романа, является модель-реконструкция «Британское общество». Установлено, что писателем реконструируются не все черты, присущие британскому обществу того времени, а только те черты, которые наиболее существенны для развития сюжетной линии произведения. Выявлено, что текстовая модель-реконструкция «Британское общество» включает в себя следующие базовые сегменты: 1) мировосприятие, 2) образ жизни Британского общества, 3) образ знатных британцев, 4) семейные узы, 5) мнение британцев друг о друге.

Анализ пяти базовых сегментов текстовой модели-реконструкции «Британское общество» показал, что её отличительными чертами являются: 1) полярность в описании мировосприятия британцев; 2) применение топонимов, номинирующих различные части Света, для обозначения обширности территории империи; 3) сопряжение разнокатегориальных маркеров, характеризующих вид деятельности и эмотивный облик британца в одном контексте; 4) воссоздание картины быта британцев посредством корреляции темпорального и проксемного маркеров; 5) наличие глаголов отрицательной коннотации при характеристике британцами своих соотечественников.

Следовательно, проведённое исследование показывает, что несмотря на наличие только пяти компонентов в текстовой модели-реконструкции «Британское общество», их смысловое наполнение, создающее архитектуру модели-реконструкции, предоставляет читателю многогранную текстовую модель общества.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная категория лингвокультуры // Вестник Пятигорского лингвистического университета. 2009. № 4. С. 146-147.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1986. 300 с.
3. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Наука, 2009. 520 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

6. Гламазада С.Н. Контекстная поляризация как феномен построения художественной модели мира // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. №4 (63) С. 232-237.
7. Даниленко И.А. Категория завершенности художественного текста в творчестве Френсиса С. Фитцджеральда // Филологический аспект. 2016. № 12. С. 57-61.
8. Даниленко И.А. Этапы создания текстового мира (на примере произведения Ф.С. Фитцджеральда «Tender is the night») // Лингвистические горизонты: сб. материалов V Международной научно-практической конференции, 2017. С. 35-39.
9. Ильина А.Б. Роль маркеров невербального кода в произведении У. С. Моэма «Узорный покров» // Филологический аспект. 2019. № 7 (51). С. 76-82.
10. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
11. Кушнерук С.Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 45-51.
12. Лихацкая Н.В. Лингвокультурный художественный концепт «Средневековая Англия» как модель-реконструкция (на материале произведения Э. Чедвик «Зимняя мантия») // Филологический аспект. 2019. № 8. С. 154-161.
13. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1992. 270 с.
14. Огнева Е.А. Лингвокультуремы в текстовой модели-реконструкции народного быта ходов (на материале романа А. Ирасека «Псоглавцы») // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2017. Т 3. №3. С. 41-52.
15. Огнева Е.А. Концепты-доминанты как информативные конструкторы текстовых миров: монография. М.: Эдитус, 2019. 190 с.
16. Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. М.: URSS, 2011. 287 с.
17. Galsworthy J. Flowering Wilderness. South Australia: The University of Adelaide Library [электронный ресурс]: eBooks@Adelaide (accessed 20.05.2020).

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 45.03.01.

Когнитивные стратегии медиадискурса Казахстана

Аймагамбетова Малика Муратовна

PhD, доцент кафедры иностранной филологии и переводческого дела
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, РК, г. Алматы
aimagambetovamalika@gmail.com

Cognitive Strategies of Media Discourse of Kazakhstan

Aimagambetova Malika Muratovna

PhD, Associate Professor, Department of Foreign Philology and Translation Studies
Al-Farabi Kazakh National University, RK, Almaty

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивных стратегий в современной качественной прессе Казахстана с целью выявления механизмов воздействия на получателя в медиадискурсе, а также рассмотрению средств языка для достижения успешности такого воздействия. Случаи языковой манипуляции описаны и проанализированы с помощью стратегии манипуляции, тактики манипуляции, приёма воздействия, языковых средств манипуляции, мишени и механизма воздействия. Коммуникационная политика медиа дискурса Казахстана выражается в использовании тактик и приёмов воздействия. Использование инструментов воздействия медиа дискурса Казахстана обуславливается особенностями аудитории, уровнем ее образования и качеством информированности.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, медиа дискурс, воздействие, получатель информации, Казахстан, средства языка.

Abstract. The article is devoted to the study of cognitive strategies in the modern high-quality press of Kazakhstan in the order to identify the mechanisms of influence on the recipient in the media discourse, as well as to consider the means of language to achieve the success of such influence. The different cases of language manipulation are described and analyzed with the help of a system of concepts: the strategy of manipulation, tactics of manipulation, reception of influence, language means of manipulation, target and mechanism of influence. The communication policy of Kazakhstan publications is clearly expressed at the level of the use of mechanisms, tactics and methods of speech influence. The use of mechanisms and tools of language impact of Internet publications in Kazakhstan is caused by the characteristics of the target audience of publications and the level of its education and awareness.

Key words: cognitive strategies, media discourse, impact, recipient of information, Kazakhstan, means of language

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта МОН РК № АР05133019 "Культурные коды современного Казахстана (литературный и медийный дискурсы)".

Информационное общество XXI века строится на новых концептах радио, нецифрового телевидения, газет и Интернет. В современном вербцентрическом обществе инструментом коммуникации и медиа коммуникации является язык, поэтому манипуляции являются способом манипулирования общественным мнением на фоне выбора способов воздействия «с эффектом и маскировки» этого факта. [1, с. 94]

Концепт манипулятивного воздействия средств информации продиктован их коммуникационной спецификой и своеобразием манипулирования. Влияние средств массовой информации на сознание обусловлено значимостью медиа в формировании картины мира человека в условиях контроля деятельности социума и его представлений. Структура процесса коммуникации и восприятия медиа сообщений воздействуют на сознание благодаря созданию эффектов при производстве контента.

Транслируемая информация способствует образованию поведенческих и ассоциативных стереотипов, оказывает влияние на мышление, потребности и представления о миро-реальности. Современный человек формируется в информационном пространстве, «перегруженном образами симулятивной реальности». [2]

В результате неспособности отличить действительное от фикации, сознание наполняется привнесёнными установками и стереотипами, шаблонами и ценностями, которые воспринимаются как собственные.

Посредством выбора тем, содержания, момента, способа и формы подачи информации масс медиа представляют интерпретации элементов, не отражающих реальность, но «конструирующих образ реальности и задают фреймы восприятия». [2]

Поэтому, концепт влияния средств информации Казахстана распространяется на формирование общественного мнения по отношению к лицам, событиям и феноменам. Использование технологий информационного воздействия стало явлением идеологической и политической конкуренции.

В настоящий момент угроза скрытого управления массами и манипуляция сознанием происходит вследствие «массовизации общества, роста грамотности, технического совершенствования печати и распространения прессы на фоне новых медиа прессы и радио, телевидения и Интернета». [7, с. 7]

Медиа средствам присущ определённый формат коммуникации: прессе - письменная речь и статичные визуальные образы; радио - аудиальный поток; телевидению - аудиовизуальный; Интернету - интерактивная мультимедийная

гипертекстовая коммуникация. Коммуникационная специфика обуславливает «концепт манипуляционного влияния меди дискурса на сознание и особенности его использования». [3, с. 53]

Особенным орудием манипуляции язык становится в ситуациях, когда манипулятор обладает авторитетом и возможностью тиражировать воздействующие высказывания. [4, с. 45]

А. Биард пишет, что «не существует понятия «нейтральный язык», потому что языковое воздействие составляет компонент речевой практики и содержится в текстовых материалах. [7, с. 10] О.Н. Быкова полагает, что «языковая манипуляция общественным сознанием при помощи средств информации одна из проблем культуры речевого общения». [2]

Анализ когнитивной и социальной деятельности журналистов медиадискурса Казахстана выявил, что текст представляет поликодовое образование и производится на основе опыта общения со средствами информации и имеет возможности для эмоционально-психологического воздействия.

Цель исследования: провести анализ когнитивных стратегий языковой манипуляции и установить взаимосвязь приёмов манипуляции с авторской позицией в тексте и с коммуникативной политикой изданий на русскоязычном сайте общественно-политического Интернет-издания <https://www.inform.kz/> за июнь 2019 года.

Ключевыми поводами были выбраны события в Казахстане в рубриках - власть, экономика, политика.

В тексте «По большинству потребительских кредитов существенных рисков нет» манипуляция начинается на уровне заголовка. Риторический вопрос «Усилятся ли анализ платежей по кредитам нерегулируемых субъектов финансового рынка?».

За счёт модальной частицы «ли» актуализирует сомнение в том, что риски по кредитам все-таки существуют. Эта манипуляция направлена на «формирование интереса к информации, так как вторая часть заголовка предполагает наличие ответа на вопрос, что стимулирует и интерес реципиента». [5, с. 138]

Автор акцентирует внимание на том, что большая часть кредитов револьверная и не составляет существенных рисков. Подкрепляя сомнение, выраженное в заголовке, автор начинает публикацию с того, что дистанцируется от тех, кто полагает, что риски реальный факт (ср.: зачастую, кредиты доступны тем, кто не может их обслуживать) и создаёт впечатление, что у людей, называющих риски

существенными, есть мотивы (ср.: никто почему-то не вспоминает, др.), местоимение «почему-то» имплицитно указывает на наличие причины «додумывания». [6, с. 127]

Приём значимости информации путём формирования ощущения игнорирования реализуется стратегия псевдо аргументации благодаря использованию тактики дезориентации информацией (7 чисел на 15 строк) для создания видимости убедительной аргументации.

Приём связывания аргументации отражён использованием 4 раза союза «причём» в значении «вдобавок», что имитирует наличие связей в аргументации для интенсификации ощущения доказанности тезиса. [2]

Стратегию псевдо аргументации подкрепляет тактика апелляции к авторитетам в форме свидетельств для демонстрации и усиления значимости языковыми средствами.

Ср.: «У 97% всех заёмщиков по потребительским без залоговым кредитам явно средняя нагрузка порядка 15-16 тысяч тенге в месяц. Мы говорим о том, что большая часть этих кредитов обслуживаемая, револьверная и, с точки зрения долговой нагрузки, не составляет существенных рисков. Понятно, что есть достаточно крупные займы, более 10 миллионов, но это не могут быть потребительские кредиты».

Такая номинация обуславливает экспликацию, в соответствии с которой данные необъективны и только в пользу банка, что психологически увеличивает весомость приводимых прогнозов. Приём усиливается за счёт разворачивания имплицитной конструкции в конце текста: ср.: есть достаточно крупные займы, более 10 миллионов, но это не могут быть потребительские кредиты.

На реализацию стратегии манипуляции направлена тактика совместного рассуждения для принятия псевдо аргументации посредством приёма диалогизации (ср.: риторических вопросов, разговорных элементов), использования инклюзивного «мы» (ср.: видим ли мы это в итоге?, др.), глаголов и деепричастий, которые подключают к участию в действии (ср.: направлены как бюджетные, так и не бюджетные средства - будут рассматриваться, и по ним, наверняка, примут решения).

Эти приёмы тактики совместного рассуждения раскрываются в последней фразе для внушения выводов, будто бы полученных с автором: ср.: Сравнивая их, по ним будет приниматься решение индивидуально. Для этого создана комиссия, проводится оценка.

Таким образом, поставленный в заголовке вопрос подразумевает отсутствие фальсификаций для отражения логического завершения.

Воздействующая функция композиции текста отражается посредством последовательного приведения прогнозов благодаря модальной лексики (ср.: должны были, были уверены, явно получит, готовы были принять решение, др.), актуализирует в сознании нарративную структуру «закономерного результата в виде решения» и проецирует на его принятие.

В статье под заголовком «Как будут реализовываться предвыборные обещания Президента в Карагандинской области» присутствует значимый интригующий компонент, задача которого привлечь внимание к материалу и побудить читателя открыть его полный текст, - указание на то, что в статье содержатся «реальные результаты обещаний». Одновременно, они противопоставляются с «невыполненными», и не связанными с реальностью. Это первый из приёмов одной из ключевых тактик статьи - тактики поляризации, контрастного представления двух позиций.

В тексте она реализуется с помощью противопоставлений между «мы» и «они»: реальные результаты - о получении социальных гарантий, пересмотреть невыполненные обещания - поручил подчинённым продолжить работы», др. Антитезное представление актуализирует устойчивую культурную модель оппозиции «добра» и «зла», и что сказывается на формировании образов «мы» и «они».

Важно заметить, что обе эти группы не определяются, так к «ним» относятся аппаратное совещание, и несменяемая номенклатура, и вертикаль власти Карагандинской области, и отдельные замечательные персонажи, как Токаев, Оспанов, Кошанов.

В последнем примере подчёркнуты два иронических оборота, усиливающих экспрессивность и провоцирующих негативные эмоции от изображаемого образа «они».

С этим связана вторая используемая в тексте тактика – тактика дискредитации. Ей также служат другие многократные приёмы принижения иронией (ср.: хорошо, не сослался на авторитет Токаева», который разъяснил, что во все предложения внесены в базу данных на сайте Президента), пародийное представление «их» образа мышления, посредством включения чужого языка (ср.: трусят, тайный судья установит, подпись подделана», «по-крупному»); проведение параллелей, перенос реалий прошлого с негативным контекстом (ср.: сохранение политической преемственности как раньше, так и сейчас. Система кадров та же самая, у власти наследники системы, которая обеспечивала показатели экономического,

национального, демографического, электорального и идейного процветания с помощью непринуждённого вранья прямо в глаза).

Заимствованная метафора переносится в плоскость «чрезвычайного происшествия» и общим лейтмотивом пронизывает текст в выборе лексических средств с экспрессивной семантикой (ср.: действительно шокирует, грубого насилия, беспримерная наглость, им нравится, когда клиенты выражают безобразие, беспардонным образом, верёвки и кнут, трудились, не разгибая спины, без лишних стеснений).

Эта метафора и лексический ряд реализуют тактики дискредитации и поляризации, тактику эмоционального заражения, пробуждая отторжение от «них» и формируя негатив. Так актуализируется нарратив «закономерного результата» за счёт использования намёков и прямых утверждений на соответствие ситуации логике действий власти (ср.: заранее предупреждали, ну уж прямо так трудно поверить, закон жанра, иначе-то и быть не могло) и наличия плана фальсификаций (ср.: все по сценарию, кому следует, противоположное желание защитить статус и интересы).

Для налаживания контакта для принятия информации в тексте используется обращение (ср.: гражданский долг каждого казахстанца, присутствует распространённое негативное клише, за ранее слышанную информацию) и в форме риторических вопросов (ср.: что здесь непонятного, др.) и призывающих к действию глаголов в множественном числе второго лица (ср.: чувствуйте разницу, др.).

К рассуждению призывает инклюзивное «мы» в форме глаголов в заголовке (ср.: называем, сравниваем). Формированию позитивного образа автора, кроме иронического юмора и стиля повествования, способствуют указания на деятельность по выяснению реальных результатов принятых решений (ср.: лично я очень даже понимаю, а мы тем временем продолжаем считать исполненные решения, др.).

Тактики и приёмы воздействия используются для реализации стратегии легитимизации власти, чему способствует композиционная конструкция статьи и ее индукционное построение и неприятие системы принятия решений (ср.: и многие другие ситуации, где не удалось быстро отреагировать), что результируется в тезисе: ср.: вопросы и пути их решения уже обсудили и готовы приступить к непосредственному решению проблем.

Следовательно, роль языковой манипуляции в практике обществе возросла и коррелирует с развитием медиа среды. Использование приёмов и средств манипулятивного воздействия позволило выявить варианты манипуляции в текстах и выстраивания манипулятивных стратегий. [4, с. 87]

Особенностями манипуляций в медиа дискурсе являются историчность, глобальность и непрерывность вещания, неограниченное потоковое наполнение, оперативность и гипертекстовость.

В отличие от прессы медиа дискурс Казахстана использует приёмы манипуляции для извлечения выгоды при переходе по ссылке, применения интригующих текстовых конструкций и средств на уровне заголовков.

Медиа дискурс Казахстана на общественно-политические темы обладает потенциалом манипулятивного воздействия на аудиторию за счёт инструментов манипуляции для достижения перлокутивного эффекта на фоне их открытого обнаружения речевых конструкций. Сильное речевое воздействие в медиа дискурсе Казахстана проявляется на уровне заголовков за счёт приёмов интриги, подачи факта, метода Геббельса, трансформаций клише, метафорических, аллюзивных и исторических переносов.

Для реализации манипулятивного речевого воздействия в медиа дискурсе Казахстана используются приёмы манипулирования информацией (ср.: селекция, искажение, способы подачи информации), риторический инструментарий (ср.: психо- и логические уловки, фигуры речи с когнитивными операциями, макроструктура) и приёмы воздействия средств языка.

Список литературы

1. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие. – М.: Флинта, 2015. - 224 с
2. Быкова О. Н. Языковое манипулирование. // Аспекты речевого общения: Вестник РРА. Вып. 1. - Красноярск, 2016. - URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070503.pdf (21.11.2019.)
3. Менджерицкая Е.О. Термин дискурс и типология медиадискурса // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. – N 2. - 2016. - С. 50-55.
4. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. - М.: КДУ, 2013. - 116 с.
5. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 2016. - 312 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: СЭ, 2017. – 356 с.
7. Beard A. The language of politics. - London; New York, 2014. – 18 p.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 05 (61), 2020

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.06.2020
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,8. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru